

АГАТА КРИСТИ
НАЧИНАЕТ НОВУЮ ЖИЗНЬ

ЖЕНЩИНА

в

“ВОСТОЧНОМ
ЭКСПРЕССЕ”

ЛИНДСИ ЭШФОРД

Annotation

«Эшфорд умеет создать невероятно захватывающую смесь реальности и вымысла».

– *Guardian*.

Поклонники Агаты Кристи будут в полном восторге. Королева детектива собственной персоной в знаменитом скором поезде, который стал местом действия самого известного романа о великом сыщике Эркюле Пуаро... Судьбоносное путешествие, изменившее для нее все.

Мир Агаты перевернулся. Обманул и ушел муж, под чьей фамилией она прославилась как мастер детектива. Прошло два года, а писательница все никак не придет в себя. Предпринимая очередную попытку встряхнуться, она садится в «Восточный экспресс». Ее путь лежит на Ближний Восток, один из первых очагов человеческой цивилизации. Там открывает тайны древности безумно интересующая ее археология...

Агата – не единственная женщина с разбитой жизнью в этом поезде. Две попутчицы имеют за плечами собственные трагедии. Трагедии, тщательно скрывааемые, – ибо они делают женщин изгоями в Британии конца 1920-х. Агате предстоит напрячь все силы, чтобы, подобно своим героям, проникнуть в чужие секреты, оберегаемые от мира. Втроем они навсегда избавятся от груза прошлого – вместе, но каждая по-своему...

- [Линдси Эшфорд](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Эпилог](#)
- [Послесловие](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

Линдси Эшфорд

Женщина в «Восточном экспрессе»

© Перевод на русский язык, Ю. Рышкова, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается моим родителям, Дженет и Грэму
Молтонам, а также брату Тиму.*

*В память о моей свекрови Ивонн Лоуренс:
20 февраля 1936 – 22 февраля 2016*

Пролог

Август 1963 года

Он пришел со стороны реки, прокрался в мой сад тайком.

Я сижу в роще камелий, жду заката, наблюдаю за ловцами устриц и пытаюсь придумать, кто убьет майора Пэлгрейва^[1]. Легкий плеск прилива убаюкивает, и я не вижу, как к причалу направляется лодка.

– Миссис Кристи? – На мое лицо падает тень.

– Кто здесь?!

Я открываю глаза и наклоняюсь вперед. Солнце светит ему в спину, трудно различить черты лица. Мы знакомы?.. Высокий, стройный, грива темных волос. На нем теннисные шорты, ноги в блестящих капельках воды.

Он протягивает руку, делает шаг вперед. Из-за его спины вырывается солнце, яркий свет бьет по глазам. Я моргаю, стараясь прогнать зеленые круги, а он, запинаясь, произносит свою фамилию. От нее пахнет турецкими сигаретами и горячим ветром пустыни.

– Простите, что врываюсь вот так, без приглашения. – Голос мягкий, словно у врача, который сообщает плохие новости. – Мне нужно с вами поговорить. Вы – единственная, кто в силах помочь.

Я молчу. Ловцы устриц перекликаются друг с другом, мелодичные звуки отражаются от воды. Он пришел за сюжетом, о котором я обещала никогда не писать. Эта история началась более тридцати лет назад в «Восточном экспрессе», направляющемся в Багдад.

Надо что-то ответить, как-то выпутаться... Понимает ли он, что нарушает границы частной территории, спрашиваю я. Опускаю глаза на кусочек травы, разделяющей нас. Понятия не имею, о чем он вообще!

Звучит неубедительно – это слышу даже я.

Он уже знает достаточно, раз нашел меня и пробрался в мой сад. Стоит ли рассказывать? Должна ли я хранить тайну человека, который давно умер?

– У меня есть фотография.

Он лезет в рюкзак, свисающий с плеча, и протягивает мне вещдок № 1: моя собственная персона тридцатилетней давности, когда у меня еще

имелась талия и можно было безо всякого стыда купаться в шелковой рубашке и двух парах белья. Я улыбаюсь из-под нависающих листьев пальмы, одной рукой обнимаю Кэтрин; та смотрит прямо в камеру тем же смелым, лукавым взглядом, каким одарила меня в первую встречу. Мы целомудренно завернулись в полотенца, но мокрые, прилизанные волосы выдают тот факт, что мы вылезли на берег Евфрата; самой реки на снимке не видно, она слева от меня.

Я переворачиваю фотографию. Мелким, безупречным почерком Кэтрин выведены дата, декабрь 1928, и подпись: «Мы с Агатой в Месопотамии». Вновь переворачиваю и вглядываюсь в снимок. В ушах начинает звенеть – резко поднялось давление.

– Вы помните?.. – В голосе мужчины звучит легкая тревога: боится, что от старости у меня мозги размякли. Наверняка видел, как я сплю с открытым ртом. На этом можно сыграть: сочинить каких-нибудь небылиц о моих путешествиях по Ближнему Востоку. На самом деле я помню тот декабрьский полдень так ясно, как будто это было вчера. Потрясение, испытанное тогда, до сих пор со мной, несмотря на прошедшие десятилетия. Дерзкий взгляд Кэтрин словно бросает мне вызов: говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

– Когда вы узнали?

Я возвращаю фотографию.

– Несколько месяцев назад. Я вам писал, но вы не ответили.

Я качаю головой.

– Извините... Я получаю много писем. Моя помощница...

– Мне обязательно нужно с вами поговорить. Вы же понимаете, правда? – Он медлит, кусает губу. – Позвольте, я присяду?

Я перевожу дыхание. Надо выиграть время.

– Пойдемте в дом. Хотите чаю?

Я беру палку и поднимаюсь с деревянной скамьи, однако он снова лезет в рюкзак.

– Вот еще одна, хотя там значатся только дата и место. Я подумал – может, вы... – Он умолкает и протягивает мне снимок, болезненно морщась, словно не в силах на него смотреть.

Фотография истрепалась от времени, правый уголок загнут, черно-белые тона вылиняли до сепии. Надпись на кромке тоже выцвела:

Лидо, Венеция – апрель 1928 года

На снимке группа мужчин и женщин: молодые, загорелые, позируют на камеру: стоят полукругом, тесно, касаясь руками и ногами. Нэнси – в центре, слева; темные кудри наполовину скрывает полосатый берет. Напряженный взгляд не вяжется с легким курортным нарядом: льняные брюки и блузка. Она выглядит совсем крошечной возле мускулистого парня справа: он держит ее за руку, а другой рукой обнимает улыбающуюся женщину в кимоно. В самом конце полукруга, справа – мужчина в узорчатом махровом халате и парусиновых туфлях с пряжками. Он оглядывается назад, на своих друзей – такой высокий, что смотрит поверх голов. Красивое лицо, однако во взгляде и линии губ есть нечто властное, почти жестокое. Может быть, это всего лишь игра света; кажется, он смотрит на Нэнси.

– Вы их знаете?

Я могла бы все отрицать. Меня вообще нет на этой фотографии; весной 1928 года я находилась за сотни миль, в Лондоне, выставяла себя на посмешище в суде. Хотя я закрываю глаза, это лицо – единственное – остается гореть под веками. Даже сейчас, столько лет спустя, боль пронзает осколками разбитого стекла.

– Вы узнали кого-нибудь?

Я уже и так выдала себя – он почувствует ложь. Но если признаваться, то до конца. Смогу ли я?

– Пожалуйста! – Он берет меня за руку – мягко, без нажима. – Расскажите мне правду, хоть самую малость! Понимаете, из семьи никого не осталось – никого, кто знает.

Ты должна ему рассказать.

Чей это голос? Не Кэтрин и не Нэнси. Голос мужской: тот самый, что я пыталась забыть много лет назад, когда впервые села в «Восточный экспресс».

Кажется, была сестра. А может, и брат. Нельзя лишать его семьи! Вспомни, как это повлияло на Розалинду!

Ловко, ничего не скажешь – взывать к совести, используя родную дочь!

Я поворачиваюсь и направляюсь к дому, поманив за собой незваного гостя; он быстро догоняет и пристраивается рядом. Его улыбка растопит любое женское сердце.

У меня есть примерно десять минут, чтобы принять решение.

Глава 1

Октябрь 1928 года – Лондон, Англия

Порой нам не дают покоя призраки живых людей.

После развода с Арчи Кристи его призрак следовал за ней повсюду. Находясь в пустом доме, Агата слышала его шаги на лестнице. Просыпаясь среди ночи, ощущала вес его тела в постели. Открывала гардероб и вдыхала знакомый запах пены для бритья и сигарет, хотя его одежду давно уже забрали. Создавалось ощущение, что собственные органы чувств сговорились довести ее до безумия.

Поездка на «Восточном экспрессе» была попыткой избавиться от призрака Арчи. Агата убеждала всех – включая себя, – что уезжает отдохнуть. Впервые в жизни она собиралась за границу одна и строила самостоятельные планы на ближайшие два месяца.

Агата сознавала, насколько ей повезло иметь деньги – и время. Она как раз сдала в издательство «Тайну семи циферблатов», а для написания нового романа вовсе не требовалось оставаться в Англии. Изначально она планировала отплыть в Вест-Индию и Ямайку, однако буквально за несколько дней мимолетный эпизод заставил ее переменить решение.

На званом обеде в Мэйфере Агата случайно услышала разговор, не предназначенный для ее ушей. В зимнем саду, где подавали шампанское, кто-то произнес ее фамилию по другую сторону огромного папоротника. К разговору присоединились женские голоса.

– Да, – прошипела одна из них, – это она, точно!

– Та самая, что инсценировала свою смерть?

– И притворилась, будто потеряла память?

Агата придвинулась ближе к стволу дерева, мечтая провалиться сквозь землю.

– Говорят, это все ради повышения продаж!

Пауза.

– Я читала в газете – «Дейли мейл», кажется, – что ее поиски обошлись налогоплательщикам в тысячи фунтов!

– Бедный муж – вот кого жалко!

– Говорят, у него была любовница!

– Интересно, почему она скрылась в маленьком городке, в глуши?

– Понятия не имею. Подумать только, и у нее хватило наглости заявиться сюда!

Ей захотелось выбежать из комнаты, но кругом было полно народа. Не поднимая головы, Агата вышла в холл. Только бы добраться до входной двери незамеченной... И тут ее окликнули.

– Миссис Кристи!

Высокий седовласый мужчина, улыбаясь, доставал что-то из кармана пиджака.

– Будьте добры, подпишите, пожалуйста.

Агата бросила на него настороженный взгляд.

– Для мамы. Она прикована к постели и просто обожает ваши книги!

Это оказалась «Тайна замка Чимниз». Пока Агата надписывала книгу, проситель признался, что и сам получил большое удовольствие от романа. Тут их позвали в столовую, где, к счастью, ее усадили между хозяином и новым знакомым.

Последний рассказал ей, что проходит военную службу в Ираке. Вскоре они уже болтали вовсю: о газетных новостях, о новых открытиях, сделанных в Уре Леонардом Вулли, о найденных там сокровищах.

– Меня всегда интересовала археология, – призналась Агата. – Завидую вам. Я бы очень хотела посетить Багдад.

– Так поезжайте! – воскликнул он. – Туда можно добраться на «Восточном экспрессе».

Его слова оказали на нее магическое влияние. Агата стала рассказывать, как еще в детстве мельком видела этот поезд во Франции, куда мать повезла ее перед войной. Она помнила мужчин и женщин, прогуливающих вдоль платформы с восторженными лицами; их приветствовали безупречного вида проводники, стоящие навтыяжку возле каждого вагона. Ящики с устрицами, блестящими во льду, огромные куски бекона на крюках, тележки со всевозможными фруктами – все это грузили в вагон-ресторан.

На следующий день Агата отправилась в агентство Кука и сдала билеты на Карибы. Формальности с получением виз в Сирию и Ирак заняли меньше недели, и в выходные она уже садилась на поезд из Лондона в Дувр – первый перегон.

Ее провожала друг и помощница Шарлотта. Последняя не одобряла затею: по ее мнению, неразумно одинокой женщине путешествовать по Ближнему Востоку, однако Агату было не переубедить, и она это хорошо знала. На прощание Шарлотта предостерегла подругу об опасностях, поджидающих ее в Багдаде.

– Ты там поосторожней, – напутствовала она. – Твои голубые глаза способны вскружить немало голов!

Агата улыбнулась неуклюжей попытке ее приободрить. В день свадьбы – кажется, это было в прошлой жизни – Арчи сказал, что у нее невероятные глаза цвета неба, когда летишь над грозowymi облаками. После венчания он взял ее за руку и произнес:

– Обещай мне кое-что, ладно? Обещай, что всегда будешь красивой.

Помнится, она тогда засмеялась и поцеловала его, затем провела пальцем по груди крест-накрест – там, где сердце.

– Ты ведь будешь любить меня всякой, правда?

Арчи посерьезнел.

– Может быть.... Но это будет уже не то...

И все-таки он нарушил обещание. Что же произошло? Почему она перестала быть красивой в его глазах? Рождение ребенка? Четыре-пять лишних фунтов, набранные за месяцы беременности? Или просто любовь его ослепляла? Однажды он проснулся и понял, что ошибся в выборе?

– Не забудь мои турецкие туфли! – крикнула Шарлотта. Ее заглушил предупредительный гудок паровоза.

Агата помахала ей из окна. Ноздри наполнил сернистый запах дыма – хороший запах, волнующий. Она переворачивает новую страницу. Агата Кристи, жена, превращается в Мэри Миллер, искательницу приключений.

* * *

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь кружевные занавески на втором этаже квартиры номер шесть в Коннот-Мэншенс, освещая стопку чемоданов из зеленой кожи. Нэнси достала со шкафа две шляпные коробки и взгромоздила их на шаткую грудку багажа, затем подошла к окну. В парке уже прогуливался народ. Две няни в блестящих соломенных шляпках толкали коляски по ковру из золотистых листьев. Молочник в тележке что-то крикнул через забор; одна из женщин улыбнулась и покачала головой. Где-то в кустах гавкнула собака; кряхтя, вылезли из пруда утки. В отдалении виднелся Букингемский дворец, британский флаг трепетал на легком ветру.

Всего этого она больше никогда не увидит.

Чемоданы громоздились на кровати, придавая комнате нежилой вид. Туалетный столик опустел: исчезли привычные склянки духов, серебряная

щетка, расческа, ручное зеркальце, пудреница, баночка крем-клубника. И драгоценная фотография в сумочке, обернутая шарфом. Утром, собираясь, она достала из комода шелковый прямоугольник с павлиньим узором и уловила слабый аромат ландышей. Шарф принадлежал когда-то матери и до сих пор хранил ее любимый запах. Это доконало Нэнси: слезы, так долго сдерживаемые, хлынули ручьем. Уткнувшись в подушку, она словно воочию услышала голос матери: «Ну-ну, девочка: истинная леди должна держать себя в руках».

Надо спускаться в столовую. Человек, которого она оставляет навсегда, сидит за столом, углубленный в изучение «Файнэншл таймс». Он рассеянно взглянет на нее поверх газеты. Редферн принесет завтрак: яйца-пашот, сосиски, грибы, бекон. За едой муж, вероятно, спросит ее о планах на день. Он никогда не слушает, так что заранее приготовленная ложь останется незамеченной. После завтрака он уйдет в клуб, даже не подозревая, что жена отправляется в путешествие вокруг света.

К ланчу она сядет в поезд на Дувр, а к тому времени, как муж вернется домой, уже будет во Франции. В сумочке лежат билеты (пришлось заложить жемчужное ожерелье и серьги, подаренные на двадцать первый день рождения). Решение принято. Ночью она будет спать в другой стране, а к концу недели доберется до Багдада.

Даже в самых буйных фантазиях Нэнси не предполагала, что когда-нибудь поселится в городе посреди пустыни; ее представления основывались лишь на журналах и письмах кузины. Но куда деваться?

Ее взгляд остановился на двух нянях: те болтали на садовой скамейке. Судорожно вздохнув, Нэнси отвернулась и сунула руку в сумочку. Вот он... В животе запорхали бабочки.

– Приезжай, пожалуйста... – прошептала она. – Не оставляй меня одну...

* * *

В это время на другом конце Лондона женщина со светлыми волосами, выбивающимися из-под шляпки, поднималась по ступенькам Британского музея. Под мышкой она держала «Дейли экспресс», купленную второпях у мальчишки на углу. Она в принципе не привыкла покупать газеты и вряд ли выбрала бы эту, если бы не заголовок: «Загадочное самоубийство новобрачного».

Передавая деньги, Кэтрин не осмелилась взглянуть на мальчика: опасалась, что ее фотографию уже напечатали на первой странице. Поспешно скрывшись за поворотом, она развернула газету. Свежий ветер трепал страницы, мешая переверачивать. Внутри оказалась фотография Бертрама в военном мундире. Через два абзаца статья обрывалась – продолжение на следующем развороте, на улице не считаешь.

– Доброе утро, миссис Килинг, – дежурно приветствовал ее швейцар, раздвигая в улыбке моржовые усы.

Она кивнула и отвернулась. Интересно, видел ли он газету? Уже прочел? Ее будут обсуждать за утренняя чаем?

Не поднимая головы, Кэтрин пробралась в безопасное место, подальше от любопытных глаз: в подвале музея, этой пещере Аладдина древних сокровищ, имелась комнатка, выделенная для работников месопотамских раскопок. Только бы там никто не торчал с утра пораньше!

К счастью, комната была пуста. Кэтрин уселась в кресло и разложила газету на столе, заваленном глиняными черепками и бусинами, пролежавшими в пустыне тысячи лет.

На следующей странице напечатали еще одну фотографию покойного мужа, более свежую, снятую в Египте. Группа мужчин сидела во дворе дома, в котором располагалась штаб-квартира. От его улыбки у Кэтрин сжалось сердце, ее охватило чувство вины: за то, что жива, за то, что превратила священное таинство брака в смертный приговор...

Кэтрин пробежала глазами текст, внутренне съеживаясь: журналист со вкусом излагал скандальную историю. Бертрам погиб пять лет назад – так долго длилось расследование. Ее предупредили, что, возможно, придется дать показания в суде – при мысли об этом становилось плохо... К счастью, лично являться не пришлось: следователь принял ее письменные показания.

Суд вынес вердикт: полковник Бертрам Килинг покончил с собой, повредившись рассудком. В отчете упоминалось, что он храбро служил родине в Первую мировую. Многие, очень многие вернулись с той войны не в себе. Легко все списать на войну, однако истинная причина была вовсе не в ней. Кэтрин это знала, а журналист явно подозревал. Вынесенный вердикт оказался скучным, так что сюжет приправили сальными намеками: неспроста, ох, неспроста мужчина, женатый всего полгода, расстался с жизнью!

Никто не узнает правду – свидетелей не осталось. Доктор – болван! – тоже умер вскоре после Бертрама, то ли от тифа, то ли от холеры. Кара небесная, можно и так сказать.

Кэтрин сложила газету и выбросила в мусорное ведро. Метнувшись вдоль полок, вытащила три тоненькие книги и сунула в сумку. Десять минут спустя она уже сбегала по ступенькам, подзывая такси. Через час отправляется поезд, который увезет ее подальше от любопытных журналистов и их похотливых читателей.

В машине Кэтрин закрыла глаза и представила себе долгожданную пустыню: безбрежная рябь песка, ясное голубое небо, запах костра и консервов, гулкий, напевный призыв к молитве на рассвете. Через неделю она уже будет там...

Правда, сперва придется уладить дело со свадьбой в Багдаде. При мысли об этом по спине пробежали мурашки, словно кто-то прошел по ее могиле.

После смерти Бертрама она и не помышляла о новом замужестве, однако ханжи-инвесторы не оставили выбора: брак – единственная возможность работать в лагере, полном мужчин. Кэтрин приняла предложение археолога при одном условии: их союз никогда не будет консумирован. К ее удивлению, после секундного колебания он согласился (видимо, рассчитывал переубедить).

Дурак...

Голос Бертрама прозвучал так ясно, будто он сидел рядом. Если бы она только знала! Если бы сходила к врачу до первой брачной ночи...

– Куда собрались, мисс? – вторгся шофер в ее мысли.

– На Ближний Восток, – ответила она. – В Месопотамию.

– Ух ты! И что – туда можно доехать прямо с Виктории?

– Конечно. Садитесь на поезд до Дувра, а в Кале – на «Восточный экспресс». Железная дорога проложена до Дамаска, потом автобусом в Багдад.

– И долго так ехать?

– Всего пять дней.

Пять дней и ночей. Сколько это часов без учета сна? Меньше сотни. Не так уж много времени осталось, чтобы выдумать предлог не пускать в постель будущего мужа.

Глава 2

Лондон – Париж

В первую ночь Агата не отважилась выйти из купе. В море она всегда чувствовала себя скверно, и переправа через Ла-Манш ее совершенно вымотала. В поезде волнение уступило место невыразимому облегчению. Проводник сказал, что в купе больше никого не будет до самого Белграда, и она не стала опускать жалюзи, просто лежала, наблюдая за сумеречными пейзажами Нормандии. Поезд катил мимо черных деревьев, покачивающих голыми пальцами, мимо силуэтов лошадей, вспугнутых паровозным гудком... Мирные сельские картины, нетронутые временем. Трудно поверить, что еще лет десять назад здесь бушевала война.

Ей вспомнился Арчи, парящий над этими полями на своем биплане – один из немногих квалифицированных пилотов Британии, кому повезло выжить. Как-то, еще до женитьбы, он писал ей из Франции – спрашивал, не переживает ли она за него. Агата прочла между строк: в глубине души ему хотелось успокоить самого себя. С обратной почтой она послала фиалки и святого Кристофера, написала, что ни капельки не волнуется, ведь она видела его в воздухе и знает, насколько он хорош. Агата тщательно избегала каких-либо упоминаний о своей повседневной жизни, об искалеченных телах мужчин и мальчиков, за которыми приходилось ухаживать в госпитале в Торки.

«Ужасно грязная работа! Мне противно даже думать, что ты ею занимаешься».

Он написал это за неделю до первого отпуска, и с тех пор Агата никогда не упоминала о своей работе. Ее письма были заполнены мечтами о доме, о жизни, которая ждет их после войны.

Поспешное венчание состоялось в сочельник 1914 года – тогда они гостили в доме его матери. Накануне вечером Арчи долго рассуждал о том, как это неправильно – жениться, пока идет война. На следующее утро он ворвался к ней в спальню и объявил, что передумал: они должны обвенчаться немедленно! У него оставалось всего сорок восемь часов отпуска – не было времени купить платье, выбрать цветы, даже испечь торт. Агата выходила замуж в пиджаке и юбке, которые надевала на собеседование в госпиталь. Поймали викария и заплатили восемь фунтов;

свидетелем стал друг, случайно проходивший мимо церкви. После первой брачной ночи муж вернулся во Францию.

Агата закрыла глаза, пытаясь вытеснить из памяти его жесткое тело, вжимающееся в ее мягкую белую плоть. Она мысленно перенеслась в далекое прошлое, в место, где всегда царит лето – на пляж у подножия утеса в Девоне, в те беззаботные дни, где ребенком охотилась на крабов, подала яйца вкрутую и сэндвичи с рыбным паштетом. И мало-помалу провалилась в сон...

Проснулась от мягкого толчка: поезд остановился. Интересно, где это они? Париж? Или еще дальше? Дижон? Лозанна? Агата приподнялась на локтях, вглядываясь через стекло.

На платформе, залитой лунным светом, ее внимание привлекла фигура мужчины – было в нем что-то до жути знакомое... Высокие скулы, блестящие глаза...

Она моргнула, вытягивая шею. Последний раз они виделись несколько месяцев назад, и все же вот он, здесь, за окном, словно переправился вслед за ней через пролив, отстал где-то в Кале и теперь, обретя сверхъестественную скорость, вновь нашел поезд. Смотрит куда-то вдаль, с явным нетерпением. Губы дернулись, зашевелились, хотя рядом никого... С кем он разговаривает?

Внезапно в голове прозвучал знакомый голос:

Опять убегаем? Ну что ж, может, хоть сейчас получится...

Агата зажмурилась. Разумеется, это не Арчи! Тот сейчас в Англии, спит в своей постели. Возможно, видит ее во сне, представляет, что будет делать через несколько дней, после свадьбы...

Когда она перестала мучить себя и открыла глаза, призрак уже исчез. Ну и воображение...

Поезд тронулся, Агата улеглась и начала медленно вдыхать и выдыхать, считая до четырех. Каждый вдох приносил успокаивающий запах свежего белья. Затем она мысленно составила список всех приятных моментов путешествия: еда, музыка, новые пейзажи. Есть в поезде что-то надежное: в самом деле, она ведь не одна – стоит лишь позвонить, и тут же явится проводник.

Агата попыталась представить себе конечную цель путешествия и невольно поежилась. Удастся ли проделать такой путь в одиночку? А почему нет? Ведь ей уже тридцать восемь! И потом, не на Луну ведь едет, всего лишь в Багдад. И снова ее охватила легкая дрожь. На званом обеде в Лондоне то была дрожь предвкушения; сейчас добавились нотки страха.

Она почти ничего не знала о Багдаде. Однажды они с мамой ездили в

Египет – может, что-то в этом роде? В восемнадцать лет Агата куда больше интересовалась мужчинами и танцами, нежели пирамидами и гробницами.

Один полковник – очень добрый, довольно симпатичный, намного старше ее – на обратном пути попросил у матери ее руки. Агата порядком разозлилась, когда узнала об этом задним числом, уже в Девоне. Она чувствовала себя обманутой: ее даже не спросили! Теперь лицо полковника всплыло в полутьме купе. Если бы она вышла замуж за него, а не за...

Агата попыталась сосредоточиться на ритмичном перестуке колес. Только бы ей не приснился Арчи! Что угодно, только не он...

* * *

Нэнси перемещалась от окна к двери и обратно, меряя шагами купе, словно зверек в клетке. С тех пор как поезд подъехал к Лионскому вокзалу в Париже, она прижималась лицом к стеклу в надежде его увидеть. Увы, было слишком темно. На платформе толпился народ: кто-то ожидал, кто-то готовился сесть. Ей хотелось выпрыгнуть из вагона и побежать, заглядывая в лица. Нет, нельзя, слишком рискованно: она может его упустить, или еще хуже – он сядет, а она не успеет, и поезд уйдет без нее.

На каждой остановке Нэнси ждала его появления. На вокзале Виктория, пока другие пассажиры нежно прощались с любимыми, она торчала на платформе. Дежурный практически загнал ее в вагон, жалостливо подняв брови.

В Дувре он так и не объявился. Нэнси обошла все палубы в надежде, что он в последний момент успел вскочить на борт.

В Кале, где ожидал «Восточный экспресс», постоять на платформе не удалось: крайне обходительный проводник сразу отвел ее в купе, показал, как все устроено, и зачитал список блюд, предлагаемых на ужин. В иных обстоятельствах Нэнси пришла бы в восторг, однако сейчас была слишком взвинчена. К тому времени, как он закончил, поезд уже тронулся.

– Ваша спутница присоединится к вам в Париже, мадам? – спросил проводник с иностранным акцентом.

– Э-э... д-да... В Париже... да.

Нэнси смутилась. Она заплатила двойную цену за купе второго класса в надежде, что он поедет. В агентстве Кука ее уведомили о том, что в купе могут находиться лишь пассажиры одного пола; пришлось сочинить некую мисс Мюриэл Харпер.

Проводник улыбнулся, и она покраснела до ушей. Наверняка видит ее насквозь: подвел любовник, а никакая не подруга. Небось думает: бедная богатая девочка!

Париж был ее последней надеждой. Оставался призрачный шанс: он успел туда до нее и собирается сесть на поезд в темноте, чтобы избежать бдительных глаз проводника.

Нэнси глянула на часы – поезд отходит через пять минут.

Хлопнула дверь. Шаги в коридоре. Женский голос что-то сказал по-французски. Нэнси опустилась на сиденье, во рту пересохло. И тут послышался тихий щелчок. Резко обернувшись, она увидела, как дверная ручка дергается вверх-вниз. Одним прыжком Нэнси достигла двери.

– Милый!

Она бросилась в его объятия, от слез защипало глаза.

– погоди, дай мне войти!

Губы мимолетно скользнули по ее щеке.

– Где же твой багаж?

Он тяжело осел на постель.

– Я не смогу остаться – утром мне нужно сойти.

– Но...

– Не спрашивай, Нэнси, не сейчас! Давай лучше не будем терять времени – у нас всего одна ночь. Запри дверь и обними меня.

Он протянул руки, и она растаяла в его объятиях.

Потом, лежа в темноте на узкой койке, Нэнси вдыхала запах его влажной кожи. В дверь тихо постучал проводник. Она крикнула, что ей ничего не нужно. Смешно! Вот он, тот, кто ей нужен больше всего на свете, лежит рядом – и через несколько бесценных часов исчезнет.

Удаляющиеся шаги постепенно затихли. Нэнси потянулась к нему, но момент был испорчен – он уже садился. Чиркнула спичка, зажегся огонек сигареты. Вот теперь он скажет ей то, чего она так боялась.

– Я должен был приехать... Я не мог тебя подвести. – Он затаился и выдохнул струйку дыма, проплывшую мимо ее лица. – Сейчас такой сложный период... Ты ведь понимаешь, правда?

Нэнси почувствовала, как внизу живота закипают пузыри истерического смеха. Сложный? Да как он может сравнивать?! И все же она промолчала. Не издала ни звука. Пусть попробует объяснить.

– Мне кажется, жена подозревает... Боюсь, как бы не обратилась в газеты – представь, что с нами будет?

– Но ведь это уже не важно, мы будем далеко, в Багдаде. – Нэнси не видела его лица, в темноте светился лишь кончик сигареты.

Он испустил хриплый смешок, почти рычание.

– В Багдаде? Какого черта нам делать в Багдаде?

– Я... я не знаю. Просто... – Она запнулась. – Наверное, просто жить.

Мы же любим друг друга, разве этого недостаточно?

Молчание было ей красноречивым ответом.

Ей захотелось все рассказать. Боже, как ей хотелось облегчить наконец душу! Увы, нельзя. Он должен сам прийти, добровольно, иначе ничего не выйдет – у нее хватало мозгов это понимать. Да и остатки гордости не позволяют... Нет, она не опустится до эмоционального шантажа.

– Ты ведь знаешь, как ты мне дорога, – прошептал он. – Иначе стал бы я так рисковать, пробираясь сюда?

Он перегнулся через нее, чтобы затушить сигарету, и ткнулся носом в ее волосы.

– Просто обожди пару-тройку месяцев, не высывайся... – Он потерся щекой о ее шею, и по телу пробежали сладостные спазмы. – Мы будем вместе, обещаю.

Он скользнул ниже, и Нэнси закрыла глаза. Ей так отчаянно хотелось верить!

Глава 3

Лозанна – Милан

На следующее утро Агата проснулась в восторге: за окном высились Альпы. Лучи восходящего солнца отражались на снежных вершинах причудливыми розоватыми пятнами на фоне безупречного неба.

Она поспешно оделась: жакет от Сони Делоне в ярких полосах осенних цветов, шелковая блузка и шерстяная юбка в тон. Подойдя к маленькому зеркалу над раковиной, Агата поразилась собственному отражению: на солнце рыжина в волосах выглядела кричаще яркой. Парикмахер предупреждал о подобном эффекте: «Вы – натуральная блондинка, так что цвет может проявиться совершенно иначе».

Она улыбнулась непривычной для себя улыбкой и надела очки, чтобы довершить образ. Ярлычки, выглядывающие с багажной сетки над головой, подтверждали ее новую личину: миссис М. Миллер, Грейстон-хаус, Дрюстентон, Эксетер.

Агата открыла дверь купе и замерла в нерешительности, напуганная предстоящим походом в вагон-ресторан. Там будет столько народа! А вдруг ее узнают?

Но тут на помощь пришел желудок: где-то открылась дверь, и в коридоре повеяло запахом горячих тостов с беконом и кофе. Отец всегда говорил: для успокоения нервов нет ничего лучше хорошего завтрака. Живот заурчал в радостном предвкушении, и Агата последовала за ароматом.

Официант усадил ее спиной к паровозу и осведомился, какой чай предпочитает леди: индийский или китайский? Она вдумчиво изучала меню. Что выбрать: яйца «Бенедикт»^[2], кеджери^[3] или блинчики с кленовым сиропом? Восхитительные колебания... Официант вернулся с чайником «Дарджилинга».

Рядом с серебряными приборами, поблескивающими на солнце, лежала тщательно отутюженная газета^[4]. Агата развернула ее и потянулась за чаем. Подняв фарфоровую чашку с монограммой к губам, она заметила девушку, сидящую за столиком напротив.

Пожалуй, не больше двадцати пяти. Темные вьющиеся волосы,

нежные черты, непритязательный костюм хорошего покроя, капелька макияжа. У Агаты возникло странное чувство дежавю: где-то она ее уже видела, никак не вспомнить... К счастью, девушка не поднимала головы, и можно было спокойно ее разглядывать, прикрывшись газетой.

Что-то упало на кусочек тоста...

Девушка плакала.

Мало-помалу слезы полились ручьем. Незнакомка не издавала звуков, даже не делала попытки вытереть лицо – она застыла, словно парализованная горем. Агата подняла чашку и вновь опустила, нервно поглаживая ручку. Сделать вид, что не заметила? Нет, надо подойти.

И в этот момент девушка подняла голову. Глядя куда-то в дальний конец вагона-ресторана, она еле заметно шевельнула рукой – вроде бы хотела кому-то помахать, но боялась, что увидят.

Разумеется, Агата не стала поворачиваться и разглядывать, кому она там машет – это было бы невежливо. Однако тайну раскрыл неожиданный оптический эффект: луч света бросил на стекло отражение лица в дверном проеме.

Его лица.

Так, значит, это не призрак, ей не приснилось! Он здесь, в поезде.

Задрожала рука, звякнула чашка о блюдец. К счастью, звук заглушился внезапным скрежетом тормозов – поезд замедлял ход. Мимо пронеслись деревянные домики с заиндевелыми окнами, телеги, люди в меховых шапках, бледные узкие лица.

Поезд дернулся и остановился. Дверь в дальнем конце вагона распахнулась, мелькнул удаляющийся затылок.

Это и вправду был он?..

Агата украдкой покосилась на девушку. Та уткнулась в тарелку, волосы упали вперед, закрывая лицо.

Если это он, то кто же тогда она?..

Вагон вздрогнул, поезд тронулся, набирая скорость. Агата попыталась разглядеть название станции, но табличка пронеслась мимо слишком быстро. Наверное, они сейчас в Швейцарии или в Италии. Зачем бы Арчи сходить с поезда в этих местах?

Агата снова обернулась к девушке, но тут официант принес завтрак, заслонив обзор. Пока он раскладывал салфетку, подавал тарелку, интересовался, не нужно ли ей еще что-нибудь, девушка поднялась и вышла.

Любовница Арчи?..

Агату вдруг поразило, как мало она знает о женщине, укравшей сердце

мужа.

Имя – да, известно. Она даже видела ее однажды: Арчи пригласил домой партнеров по гольфу. Как назло, она тогда свалилась с гриппом, не в силах встать и поздороваться – нерадивая хозяйка!

Возможно, в тот момент ничего и не было, иначе муж не посмел бы ее пригласить. Субботним утром, проходя по коридору в ванную, Агата мельком увидела в холле двух мужчин и женщину. Те ее не заметили. Женщина сразу привлекла внимание: стройная, с темными вьющимися волосами. Когда гости уехали, она спросила Арчи, кто это был. «А, это Нэнси! Неплохой гандикап для женщины».

Больше Агата ее не видела, даже не думала о ней – до лета 1926 года, накануне дня рождения Розалинды. Именно в этот вечер муж решил признаться: есть другая женщина, значившая для него больше, чем жена и дочь.

Так вот она какая... Жаль, что не удастся толком вспомнить ту женщину в Саннингдейле.

Агата взяла приборы и постаралась отдать должное яйцам «Бенедикт», однако внутренности скрутило в тугой узел.

На выходе из ресторана она помедлила возле соседнего столика, сканируя его взглядом в поисках зацепок. Платок с инициалами? Нет, лишь мягкая салфетка и крошки тоста.

У тебя просто разыгралось воображение.

На этот раз голос матери.

Агата помедлила в коридоре, прижавшись лицом к прохладному стеклу. От дыхания расплылся пейзаж за окном: луга, присыпанные снегом.

Все не так! Она отправилась в путешествие, чтобы исцелиться...

От вереницы сосен, проносящихся мимо, закружилась голова. Нахлынуло ужасное ощущение одиночества – как тогда в гостиничном номере в Харрогейте, в ожидании Арчи, который приедет и заберет ее домой...

Почти два года назад Агата села в поезд, не сказав никому, куда едет: серым декабрьским утром, четыре месяца спустя после разорвавшейся «бомбы». Она умоляла дать ей немного времени, попытаться все наладить. В субботу они собирались отправиться на выходные в Йоркшир, в отель в Харрогейте, однако в пятницу вечером Арчи не вернулся домой. Она ждала всю ночь, и под конец в ней что-то сломалось.

Снова убегаем...

Где-то хлопнула дверь, и Агата поспешно отвернулась от окна из страха, как бы чего не подумали. Тут поезд заложил крутой вираж, и ей

пришлось ухватиться за поручень. Все еще в тумане собственных мыслей, она по ошибке открыла дверь чужого купе – на полке лежала какая-то женщина.

– Прошу прощения! – попятилась Агата.

– Миссис Миллер?

Женщина выглядела так, словно сошла со страниц «Вога». Высокая – ей приходилось пригибаться под багажной полкой; пижама из белого шелка, расшитая по краю черными египетскими иероглифами. От ее одежды исходил крепкий запах духов с ноткой ванили и еще чего-то вроде жасмина или нарцисса.

Незнакомка протянула руку и ослепительно улыбнулась, обнажая ряд ровных зубов. Безупречная кожа, никакого макияжа, кроме помады. Густые, блестящие волосы – скандинавский пепельный блонд, темно-синие, почти фиалковые глаза. Агате вспомнились колокольчики, растущие в полях возле дома ее матери в Торки.

– Кэтрин Килинг. – Ее рукопожатие было твердым, как у мужчины. – Простите, что напугала. Пришлось переселяться – клопы, представляете!

Она подняла брови и слегка передернула плечами, так, что округлая грудь шевельнулась под шелковой пижамой.

– Кто бы мог подумать, а? В «Восточном экспрессе»! Говорят, из-за обилия дерева в интерьере... Ну теперь расскажите о себе!

Агата заметила, что купе совершенно преобразилось: исчезли ее вещи. Со стола убрали расческу и несессер, ночная сорочка больше не свисала с крючка на двери, а шляпную коробку перевернули набок и запихнули в угол багажной полки. Она выбрала купе второго класса потому, что здесь было куда больше места, чем в одиночном купе первого, однако теперь ее охватили сомнения в правильности выбора.

– Какой дивный жакет! – Кэтрин провела изящным длинным пальцем по ткани. – Соня Делоне?^[5]

– Да.

– Так и думала. Мне довелось с ней сотрудничать.

– Правда?

– Я – художник-дизайнер, – кивнула Кэтрин. – Работала в модных домах Лондона и Парижа.

– Вы, наверное, очень талантливы, – вежливо заметила Агата. – По работе едете или так, для удовольствия?

Кэтрин расхохоталась, закинув голову.

– А разве это взаимоисключающие вещи? Я обожаю свою работу. – Она взяла со столика серебряную папиросницу. – Не желаете?

- Спасибо, не курю.
- Надеюсь, вы не против?

Кэтрин достала из кармана пижамы мундштук – черный с серебряным наконечником.

Агата совсем пала духом: придется делить купе с курильщицей! За годы брака с Арчи она смирилась с запахом сигарет, однако после развода успела привыкнуть к роскоши свежего воздуха в спальне.

– Турецкие, – пояснила Кэтрин. – Довольно неплохие. Коллега привез из Багдада. Надо будет раздобыть еще.

– Вы едете в Багдад? – поинтересовалась Агата. Странный выбор для человека из мира высокой моды; она-то думала, ее спутница сойдет в Милане.

Кэтрин выдохнула облачко дыма.

– В Ур – я там работаю на раскопках, рисую находки. Уже четвертый сезон пошел.

– Вы работаете с Леонардом Вулли? – с придыханием уточнила Агата.

– Да.

При упоминании этого имени Кэтрин отчего-то поморщилась и закатила глаза. Может, с ним сложно общаться или у него имеется какая-нибудь отвратительная привычка? Агате хотелось расспросить подробнее, но это было бы невежливо. Взамен она призналась, как с интересом читала о раскопках в газете, как это повлияло на ее выбор – ехать на восток вместо запада. Затем она спросила, какое из найденных сокровищ понравилось больше всего.

Кэтрин задумчиво стряхнула пепел.

– Пожалуй, головной убор царицы Пуаби^[6]. Два месяца потратила на восстановление – просто кошмар, куча мелких бусинок! – но оно того стоило.

Оказывается, в прошлом сезоне их группа нашла древнее захоронение, затерянное в пустыне на три тысячи лет. Среди замечательных находок им попался головной убор шумерской царицы. Кэтрин так увлекательно описывала процесс складывания фрагментов золота, лазурита и сердолика, что Агата мысленно перенеслась в другой мир и даже не заметила, как горные ландшафты за окном уступили равнинам Ломбардии – перед внутренним взором представали заманчивые картины сокровищ, найденных в Уре...

В дверь неожиданно постучали. Агата вздрогнула и вернулась с небес на землю. Вошел проводник с утренним кофе и спросил Кэтрин, не нужно ли перенести остаток вещей из прежнего купе. Обращение «миссис

Килинг» порядком удивило Агату, поскольку обручального кольца у соседки не было.

Когда он вышел, Кэтрин воскликнула:

– Ах, миссис Миллер, как нехорошо с вашей стороны! Я все болтаю и болтаю о работе, а вы позволяете! Ну же, расскажите что-нибудь о себе!

Она размешала сахар и подняла чашку к губам – на краю остался четкий коралловый полумесяц.

– Багдад – довольно необычная цель для женщины, путешествующей в одиночку...

Кэтрин сделала многозначительную паузу: ей явно хотелось узнать, куда и почему ее спутница едет без мужа.

Агата вздохнула. Она предвидела досужее любопытство и заготовила ответ заранее, но ей хотелось придать голосу убедительности. Сперва она рассказала Кэтрин, что дочь уехала учиться в пансионат – это было правдой, – поэтому она ужасно скучает, и ей необходимо отвлечься. Затем последовала собственно ложь:

– Мой муж... погиб на войне.

Она долго практиковалась перед зеркалом; говорила себе, что лучше притвориться вдовой, чем принять позорный статус разведенной женщины. И все-таки вслух это прозвучало чудовищно, словно она и вправду желала ему смерти. Да еще лицо, отразившееся в оконном стекле... Неужели это кара? Новая жестокая выходка подсознания – видеть то, чего нет?

Кэтрин наклонилась и похлопала ее по руке.

– Я тоже потеряла мужа...

Кровь бросилась в лицо. Теперь Агате стало стыдно вдвойне.

Какая ты испорченная!

Кэтрин отвернулась к окну.

– Мы познакомились, когда я работала медсестрой во Франции.

– Во Франции? – эхом откликнулась Агата. Трудно представить столь экзотическое сознание в грязи и крови полевого госпиталя. В Торки порой приходилось тяжело – страшно подумать, чего навидалась Кэтрин.

– Мы были женаты всего шесть месяцев. – Кэтрин потянулась за новой сигаретой.

– Война так жестока...

Банальность, однако опыт подсказывал, что лучше не копать глубоко.

– Когда все закончилось, я снова пошла в медсестры, – пояснила Кэтрин. – Сперва в Египте, потом отправилась в Багдад – так и попала на раскопки.

Собеседница ждала продолжения, но Кэтрин прикурила сигарету и

умолкла. В воздухе повисла пауза, словно попутчица, обрисовав обстоятельства своего брака, ждала в ответ того же самого.

Агата решила сменить тему и упомянула, что тоже бывала в Египте. Поговорили об интересных местах, увиденных в разное время. Затем Агата пустилась в описание рабочих будней в госпитале, больше акцентируя комические моменты: как они с подругой Эйлин учились химии в перерывах между сменами, как случайно взорвали кофейный аппарат, когда делали тест Марша на мышьяк. Она умолчала о том, что вышла за Арчи в следующие выходные после взрыва, что больные дразнили ее по поводу нового статуса, а один солдатик из Глазго заявил на всю палату, что «сестра Кристи» звучит лучше, чем «сестра Миллер», ведь это шотландская фамилия.

Было так странно возвращаться к работе уже замужней женщиной после единственной брачной ночи с Арчи, не зная, когда они увидятся в следующий раз – и увидятся ли вообще?.. Он сделал ей предложение через несколько дней после знакомства, на рождественском балу. Высокий, стройный, с вьющимися золотистыми волосами, Арчи обладал беззаботной уверенностью в себе, которая покорила ее с первого взгляда. К тому же он оказался превосходным танцором. Он пригласил ее на вальс, потом на фокстрот, но бальная карточка уже была заполнена. Арчи небрежно махнул рукой и велел ей не церемониться с остальными.

То же самое вышло и с предложением: она призналась, что уже помолвлена с Реджи Люси, артиллеристом. Какое это имеет значение? Арчи отмел жениха, словно соринку с пиджака сдул. «Если бы я был помолвлен, то сию минуту разорвал бы помолвку!»

Агата написала Реджи – доброму, нежному, терпеливому Реджи, который настоял на том, чтобы подождать по меньшей мере пару лет, прежде чем идти к алтарю, – и сообщила, что выходит за другого. С Реджи было так спокойно, так надежно «на берегу»: хороший товарищ без пылкой страсти. Однако теперь она пустилась в бурное море – влюбилась в незнакомца, в полную противоположность себе: практичного при ее романтичности, рационального там, где ее уносило воображение, жесткого при ее сентиментальности. Ей ужасно хотелось выйти за него, однако мать заявила, что надо подождать, пока он не начнет зарабатывать на ее содержание...

– Знаете, вам в Багдаде не понравится, – вдруг заявила Кэтрин.

Агата удивленно обернулась к ней.

– Почему вы так думаете?

– Там полно мемсаиб^[7] – все равно что не выезжать из Суррея:

сплошные приглашения на чай и теннисные клубы. Если хотите увидеть настоящую Месопотамию, лучше избегайте их общества.

– А... Я... э-э... забронировала номер в отеле «Тигрис палас» на пять дней, особых планов у меня нет.

Агата хотела было добавить, что надеялась посетить раскопки в Уре, но вовремя остановила себя – некрасиво напрашиваться к незнакомым людям.

Кэтрин нарушила неловкое молчание.

– Ну так приезжайте к нам.

Интересно, кто это – «мы»?

– У дома есть пристройка для гостей, – продолжала Кэтрин. – Хотя Леонард не очень любит туристов, против вас не станет возражать.

Леонард? Весьма фамильярно... Некий налет пренебрежения к всемирно известной личности. Может быть, в жизни на раскопках есть свои особенности, царят совсем другие принципы?

– Я не хочу вам мешать, спасибо. В агентстве Кука мне сказали, что можно нанять местного гида.

– Глупости! – фыркнула Кэтрин. – Я, конечно, люблю арабов, но с ними очень тяжело, если не знаешь все входы и выходы. Право, я настаиваю: вы должны поехать к нам! Я буду очень рада. Пять месяцев в году я окружена сплошь мужчинами – иногда, знаете ли, не хватает женского общества.

Ее тон был уверенным, однако в то же время проскальзывала едва уловимая нотка ранимости, чуть ли не страха перед будущим. Казалось бы, четвертый сезон...

У Агаты сложилось ощущение, что у Кэтрин в этой поездке совсем иной настрой, чем у нее: при всех разговорах о любви к работе в пустыне ее ждала какая-то невысказанная угроза.

Глава 4

Милан – Венеция

Поезд грохотал по мосту через Тичино. Агата решила написать письмо дочери, разбив на части впечатления о каждой стране, через которую они проезжали на пути в Стамбул, где и собиралась отправить письмо.

Мысль о том, что она не увидит Розалинду целых три месяца, причиняла страдания. Если бы Агата не отправилась в это путешествие, то смогла бы пару раз навестить дочь во время осеннего семестра. В школе дозволялось забирать девочек по воскресеньям – максимум четыре раза за семестр. Разумеется, теперь эти строго отмеренные визиты придется делить с Арчи.

Навещать Розалинду взялась ее сестра Мэдж. Девочка любила тетю Мэдж, но от этого чувство вины перед дочерью не уменьшалось.

Перед ланчем поезд остановился в Милане, и некоторые пассажиры, включая Кэтрин и Агату, сошли размять ноги, пока меняли локомотив.

Снежные Альпы остались далеко позади, платформа была залита солнцем. Агата прикрыла глаза ладонью, выискивая давешнюю девушку из ресторана. Той нигде не было видно. Может, сошла до Милана? После завтрака была еще пара остановок – Бриг и Домодоссола, названия незнакомые. Пустилась догонять мужчину, который сошел в горах?

Пока Кэтрин болтала о достопримечательностях Багдада, Агата в сотый раз мысленно повторяла, что ошиблась, что это никак не мог быть Арчи. Она даже представила себя прокурором, допрашивающим потенциального свидетеля в суде. Из двух случаев опознания первый происходил ночью на задымленной платформе, а второй – вообще мимолетное отражение. Ни один суд присяжных не сочтет эти свидетельства убедительными, сурово отчитывала она себя.

Когда они вернулись в вагон, Агата уставилась на свое отражение в зеркале, мысленно ругая себя за то, что разволновалась из-за каких-то фантазий. Арчи сейчас на работе, за своим письменным столом. Обедать пойдет, скорее всего, в «Критерион» на Пикадилли, а вечером вернется в съемную квартиру в западном Кенсингтоне. Через несколько дней предстоит свадьба. С чего бы вдруг ему все бросать и куда-то ехать, тем более в одиночку, тем более на поезде? Арчи ненавидел поезда – не

выносил транспорт, которым не мог управлять. Самолет или машина – пожалуйста, только не поезд. Ни за что.

Когда они отъезжали от станции, Кэтрин заявила, что слишком устала и не пойдет на ланч.

– Из-за этих противных клопов я всю ночь глаз не сомкнула! Пожалуй, закажу сэндвич и прилягу. Вы не возражаете?

Она сверкнула ослепительной улыбкой, явно давая понять, что желает получить купе в полное распоряжение на пару часов. Определенно, эта женщина привыкла добиваться своего.

Пробираясь по коридору в вагон-ресторан, Агата пыталась представить свою спутницу на раскопках среди пустыни – единственная женщина в мужском коллективе, а с ее внешностью проблем не избежать. Наверное, шарм в сочетании с железной волей был чем-то вроде брони, защитного механизма.

В обеденное время народу оказалось куда больше. Официант усадил Агату за столик с пожилой дамой из Канады; та рассказала, что едет навестить сына, работающего в нефтяной компании. Старушка оказалась туга на ухо, что существенно ограничило беседу.

– Не утруждайте себя разговором, – заявила она, размахивая насаженным на вилку венским шницелем. – Еда такая чудесная, что стоит уделить ей максимум внимания.

Агата заказала французский луковый суп, а после утиный паштет. К нему полагалось полбутылки кларета, который пришлось отправить назад: она плохо переносила алкоголь. Однако Агата не успела привлечь внимание официанта – ее визави проворно цапнула бутылку.

– Можно я заберу? Приятно иметь что-нибудь под рукой, про запас. Не люблю беспокоить проводников по ночам.

Агата улыбнулась про себя, представив, как женщина наливает вино в стакан с зубными протезами.

Когда пожилая леди поднялась из-за стола, ее слегка покачивало. Агата предложила ее проводить, однако не прошли они и полдюжины шагов, как подскочил официант.

Возвращаясь на место, Агата зацепилась взглядом за знакомый профиль: утренняя девушка сидела через два столика, лицом к паровозу, уткнувшись в книгу. Даже если бы она подняла голову, ей пришлось бы неудобно вывернуть шею, чтобы увидеть постороннего наблюдателя, поэтому Агата медлила возвращаться за свой столик, решив лучше разглядеть девушку. Правая рука лежала на столе, возле книги, но левая оказалась вне поля зрения. За завтраком Агата не успела заметить, было ли

на ней кольцо.

Свадьба Арчи должна состояться в следующую субботу. Агата знала точный день – Розалинда проговорилась. Та хотела быть подружкой невесты, но отец сказал, что свадьба будет скромной.

Она вернулась к недоеденному паштету, съела одну ложку и отодвинула тарелку. Ситуация так и не прояснилась.

Конечно, возраст подходит. И потом, было что-то навязчиво знакомое в ее лице... Наверное, просто давняя шапочная знакомая. Нет, не она, не Нэнси.

За окном простиралась водная гладь. Мелькнула табличка: «Лаго ди Гарда». Значит, скоро Венеция. По какой-то необъяснимой ассоциации на ум вдруг пришел Эркюль Пуаро. Интересно, что бы сделал бельгиец в такой ситуации?

Ответ пришел молниеносно: *используй маленькие серые клеточки.*

Да, разумеется, но как именно?..

Ирония ситуации: вот она, писательница, едет в поезде, который уже решила использовать в своих будущих романах, и ждет, когда воображение подскажет ей, что делать. Как это вообще возможно: создать персонаж, который на бумаге выходит умнее, наблюдательнее, сообразительнее ее самой?

После ланча Агата собиралась выпить кофе в салоне, чтобы потянуть время, пока Кэтрин отдыхает, но теперь решила остаться: хотелось посмотреть, куда пойдет девушка – это поможет определить, в какой стороне ее купе.

Агата присела сбоку и достала из сумочки пудреницу, отслеживая входящих и выходящих в зеркальце. Долго ждать не пришлось. Девушка вышла из-за стола, потом метнулась обратно за книгой и пошла в ту же сторону, где располагалось купе Агаты и Кэтрин.

Между паровозом и рестораном размещались всего два пассажирских вагона: первого класса и второго. Стала бы невеста Арчи ехать первым классом? Вряд ли. Агата давно подозревала, что деньги – ее деньги – были одной из причин его недовольства: независимая женщина с собственным доходом, она уже не была той девушкой, на которой он женился.

Пора вводить в действие вторую часть плана. Агата подозвала метрдотеля и сочинила легенду: якобы она мельком увидела знакомую, но боится подойти – а вдруг ошиблась?

– За каким столиком, мадам? – Он говорил с еле заметным акцентом – французским или еще каким.

Агата указала на столик, и он ушел к своей конторке в дальнем конце

вагона, чтобы свериться со списком, пока она топталась в проходе, чувствуя себя матерой преступницей.

– Энн Нельсон, мадам.

Метрдотель вопросительно улыбнулся. Сердце гулко билось в груди; казалось, он все слышит и понимает.

Энн... Нет, этого недостаточно. Энн вполне могут звать Нэнси. В Торки она работала с женщиной по имени Нэнси, а в письмах на ее имя всегда стоял первый инициал «А». Одна из странных английских привычек: окрестить девочку Энн, а называть ее Нэнси; так же как мальчика зовут Джек, а на самом деле он – Джон.

– А... э... Нельсон... – проямлила она. – Кажется, это фамилия мужа...

Нет, у нее другая фамилия, но очень похожая: мисс Нил – кажется, так... Может, путешествует под выдуманной фамилией? Да ну, вряд ли.

А ты сама-то?

– Передать ей что-нибудь? – лучился улыбкой метрдотель. – Какая приятная неожиданность, не правда ли?

– Э... нет, спасибо. Я... э-э... лучше найду сюрпризом. Не могли бы вы сообщить мне номер ее купе?

Агата самым бессовестным образом полагалась на общепринятые стереотипы: никому не придет в голову заподозрить в чем-то предосудительном женщину среднего класса в возрасте за сорок. И хотя ей не исполнилось сорока, в этих очках она вполне выглядела на этот возраст.

– Разумеется, мадам.

Метрдотель знаком подозвал одного из официантов и обратился к нему по-французски; тот проворно нацарапал номер в блокнотике, свисавшем с пояса. Агата оказалась права в своих предположениях: это был вагон второго класса, купе в дальнем конце, рядом с паровозом.

По пути в салон она лихорадочно соображала. Подойти к двери купе и постучаться? И что? Нельзя же в лоб спросить: дескать, это вы – любовница моего мужа? Или: а у вас фамилия настоящая?

Нет, прямолинейный подход ничего не даст, кроме неловкости. Тут нужна более тонкая стратегия: улучшить момент и завести случайный разговор – так больше шансов, что девушка ненароком проболтается.

Официант усадил ее за единственный свободный столик, принес кофе и птифур^[8]. Агата откусила пирожное в форме сердца, и на язык брызнул малиновый джем – невыразимое наслаждение. В дальнем конце салона пианист ударил по клавишам: начальные ноты «Фантазии» Шопена. За окном возник городок на вершине холма: терракотовые крыши лепились

вокруг старинной колокольни. Агата глянула на часы: до Венеции меньше часа. Восточный экспресс отправляется лишь в девять вечера, так что у нее куча времени на то, чтобы посмотреть город. Она давно предвкушала эту возможность; нельзя позволять гипотетической... как ее назвать... случайности портить долгожданные планы.

Служащий в агентстве Кука попытался навязать ей заранее оплаченную экскурсию, однако Агата была твердо намерена избегать подобных моментов: ей хотелось посмотреть город с речного трамвайчика, каким пользовались обычные горожане. У нее с собой имелся путеводитель, так что она рассчитывала справиться самостоятельно.

Неожиданно в голову пришла мысль: дождаться, пока та девушка сойдет с поезда, и последовать за ней на безопасном расстоянии, а там уже невзначай вступить в разговор.

Ты сошла с ума. Выброси эту ерунду из головы!

Голос Арчи, низкий и угрожающий.

Вспомнился последний вечер, когда он ушел из дома в ярости из-за ее отказа разводиться. Она никогда не забудет его взгляд – словно чужой человек поселился в когда-то родном теле.

Арчи требовал развода, однако наотрез отказался связывать имя Нэнси с бракоразводным процессом – вместо этого он собирался подстроить какую-то фальшивую встречу с подставным лицом в отеле.

Если бы он был честен, если бы у них с Нэнси хватило смелости признать свою связь, она бы сдалась гораздо раньше. Несправедливо и обидно – вдвойне! – что она вынуждена предстать перед судом, а Нэнси останется в тени, в стороне от скандала. А когда пришлось сообщить Розалинде новость о том, что папа больше не будет жить с ними, ее родная девочка отвернулась и сказала:

– Папа меня любит – это тебя он не любит!

Мужской голос – настоящий, невыдуманный – вернул ее в реальность.

– Не возражаете, если я присоединюсь? – Юное загорелое лицо, улыбающиеся карие глаза, аккуратные усы. – Простите за вторжение, просто негде больше сесть.

– Да, конечно, пожалуйста!

Молодой, примерно одних лет с Джеком, ее племянником. Хотя тому уже скоро тридцать, сама идея подойти и заговорить с незнакомой женщиной его бы ужаснула. Зато незнакомец вел себя весьма непринужденно. Он рассказал ей, как давно мечтал посетить Венецию, и спросил, бывала ли она там раньше. Вскоре они уже сравнивали путеводители и обсуждали сравнительные характеристики гондол и

вапоретто^[9].

Тем временем пианист доиграл Шопена и с легким поклоном поднялся.

– Ах, какая жалость... – пробормотала Агата.

Ее спутник кивнул.

– Вы сами играете?

– Когда-то играла, теперь уже времени нет.

– Сегодня вечером в соборе святого Марка репетиция. Вам нравится Вагнер?

У Агаты загорелись глаза.

– Что играют?

– «Идиллию Зигфрида».

– А билет нужно покупать заранее?

– Вход бесплатный, но лучше прийти заранее, а то мест не будет.

Незаметно для себя Агата стала рассказывать ему, как однажды сестра Мэдж привела ее в «Ковент-Гарден» и представила самому Вагнеру. В отрочестве она мечтала стать Изольдой, сделать карьеру оперной певицы.

– Наверное, так на меня повлияла сцена смерти. Помните, когда поет душа. Казалось, я вижу крылья, их цвет...

Она умолкла, смутившись оттого, что делится фантазиями с незнакомцем.

– Я вас прекрасно понимаю, – кивнул тот. – Иногда музыка так действует. Освобождает ум, не правда ли? Как будто дуешь на одуванчик.

Агата кивнула в ответ. Не похоже на разговор с Джеком, совсем не похоже. Интересно, что за жизнь ведет этот молодой человек? Что сделало его таким восприимчивым?

Юноша рассказал, что его бабушка пела в брюссельской опере партию Саломеи на премьере «Иродиады» Массне. Значит, музыка у него в крови. Агата невольно улыбалась: всего полчаса назад она вспоминала Эркюля Пуаро, а теперь увлечена разговором с усатым мужчиной явно бельгийского происхождения.

К ним подошел официант и сообщил, что через пять минут поезд прибывает в Венецию. Как быстро пролетело время!

– Желаю вам приятного вечера.

Незнакомец поднялся и протянул руку к голове, чтобы снять шляпу, которой не было. Поняв свою ошибку, он покраснел и поспешно удалился.

Лишь тут Агата вспомнила, что он так и не представился и не сказал, куда едет. Интересно, увидятся ли они еще?

* * *

Поезд замедлил ход, и Нэнси опустила штору. Она не знала, виден ли Лидо из окна: даже мимолетного взгляда будет достаточно. Однако попытка заблокировать вид лишь разворошила тлеющие угли остальных органов чувств. Запах сырого песка, смех и музыка, просачивающиеся сквозь деревянные стены пляжного бунгало; вкус нагретой солнцем кожи, прикосновение его пальцев... Трудно поверить, что прошло больше полугода.

Она была так несчастна в свой медовый месяц – но тут появился он и спас от ее брака, обреченного с самого начала.

Это муж предложил через две недели после свадьбы отправиться в гости на итальянскую виллу, расписывал, как будет здорово. На самом деле все это было подстроено: вся затея – лишь искусный план обмануть ее самым мерзким способом. До чего же она была наивна! В первую брачную ночь Феликс был слишком пьян. Он пришел на следующий вечер, однако настоял на том, чтобы спать в своей комнате, а наутро не явился к завтраку. Две недели спустя Нэнси чувствовала себя униженной его постоянным безразличием. Только по приезде в Венецию правда наконец открылась.

На вторую ночь муж собирался допоздна играть в карты. Поздно ночью она решила удивить его сюрпризом и прокралась к нему в спальню, когда он, по расчетам, должен был лежать в постели. Он там и был – только не один.

Спотыкаясь, она выбежала во двор, оглушенная увиденным. На террасе в лунном свете сидел один из гостей – высокий красивый мужчина, с которым ее познакомили за день до того. Увидев ее, он вскочил, предложил свой платок и спросил, не поранилась ли она. Нэнси рассказала, что произошло. Он не задавал вопросов, лишь сидел и слушал молча.

Уже зашла луна и над морем поднялась утренняя звезда, когда они попрощались. Незнакомец поцеловал ей руку и долго смотрел в глаза, прежде чем уйти.

На следующий день он постучался в дверь ее комнаты и вошел с подносом: кофе и персики из сада. Она пригласила его войти, уверенная, что муж не станет ее искать. Он смешил ее разными историями из жизни, а потом предложил искупаться. Вскоре это стало частью ежедневного ритуала.

На вилле Реццониго мало кто отваживался вылезать из постели раньше полудня. Нэнси поднималась каждое утро в восемь тридцать. На

второй день он проплыл мимо под водой, проворный и гибкий, словно рыба, задев ее бедра плечом. Она чуть не потеряла равновесие, но он приподнял ее над волнами. Она нагнулась и поцеловала мокрый соленый лоб; он запрокинул ей голову назад, и вскоре их губы встретились...

Они лежали на песке у самого края воды; его пальцы повторяли изгиб ее руки, и кожа под ними горела. Они ничего не обсуждали, не планировали, однако на следующий день после купания он достал ключ от пляжного бунгало. Там пахло сухими водорослями и оливковым маслом: пустая бутылка лежала на деревянной скамье – единственном предмете мебели. Он разложил полотенце на песке, и они упали, переплетаясь руками и ногами, все еще скользкие после купания.

Три дня спустя они лежали в тени, поедая зеленые фиги и дыню. Неожиданно он взял ее за руку, его глаза затуманились.

– Милая, я должен тебе кое-что сказать...

И он рассказал о жене и дочери. Она резко села, вся дрожа.

– Мне надо было сразу все выложить, с самого начала. Но я так сильно тебя хотел...

Он испытующе заглядывал ей в лицо.

– Ты имеешь полное право меня презирать, хотя я не жалею ни секунды! А ты?

Она не успела ответить – неподалеку, у отеля «Эксельсиор» заиграл джазовый оркестр; хмельная женщина в розовой шелковой пижаме танцевала на песке.

– Нам пора, – сказал он, – а то опоздаем на ланч, и все заметят.

В тот день – это был их последний день на вилле – все фотографировались на пляже. Разлученная с ним, она была не в силах улыбаться. Снимок запечатлел ее напряжение: Нэнси напоминала загнанного зверька. А он смотрел прямо на нее беспокойным взглядом – похоже, сытый по горло шарадой, в которую превратился отдых.

А потом они встретились – две недели спустя в кинотеатре на Лестерсквер. Это было несложно организовать: выяснилось, что они жили буквально в миле друг от друга. Если бы он не был так близко, если бы жил за сотни миль, кто знает – может, она смогла бы выбросить его из головы... Чистая попытка – смотреть на цветущие деревья Грин-парка, зная, что он совсем рядом...

Правда, теперь расстояние между ними росло с каждой минутой – он сел в ночной поезд до Кале, завтра уже будет в Лондоне, – а Багдад так далеко!

Мы будем вместе, обещаю...

Неужели он сказал это не всерьез?..
Нэнси легла и закрыла глаза.

* * *

Кэтрин так и не вставала с постели. Укрытая одеялом, она возлежала на подушках с раскрытой книгой.

– Вы не собираетесь выходить? – спросила Агата, доставая шляпную картонку.

– Нет, пожалуй. – Кэтрин зевнула и потянулась. – Я так и не смогла уснуть: повсюду хлопают дверьми. На стоянке будет потише. К тому же я видела Венецию раз пять.

Агата открыла дверцу над умывальником, проверяя отражение в зеркале. На губе красовалось пятно шоколада. Боже, что подумал этот молодой человек!

Повернув голову, она зацепила взглядом отражение лица Кэтрин в зеркале; контраст не улучшил ее настроения.

– Вы пойдете на экскурсию? – Кэтрин подняла голову от книги, пока Агата рылась в сумочке в поисках помады.

– Я не особенно люблю толпу – предпочитаю спокойно ходить в одиночку.

– Очень разумно, – одобрила Кэтрин. – Люди бывают ужасно утомительны, правда? Поскорей бы уж они все сошли!

Агата могла бы обидеться на эту ремарку, ведь она была непосредственной помехой тишине и покою, однако реплика сопровождалась столь милой улыбкой, что обижаться было невозможно.

– Интересная книга? – спросила она.

– О да. – Кэтрин вытащила закладку и закрыла книгу. – Хотя обычно я не читаю такие вещи.

Она положила книгу на столик у окна. Рисунок на обложке был знаком Агате не хуже собственной двери: элегантная нога в красной бархатной туфельке выступала из машины на тротуар; черные буквы на фоне грозового неба. Ее словно током ударило...

– Называется «Убийство Роджера Экройда». – Кэтрин деловито взбивала подушки. – Агата Кристи написала – ну та самая, которая сбежала в Харрогейт, а потом ее искала вся полиция Англии.

Агата рывком застегнула сумочку и схватилась за ручку двери,

пробормотав что-то про посещение уборной перед остановкой. Добравшись до конца коридора, она заперлась в крошечной кабине и опустилась на сиденье. Поезд уже тормозил и вдруг слегка накренился. Агата трясущейся рукой ухватилась за поручень.

Глупая! Думала, что удастся сбежать...

Глава 5

Венеция

Поезд вздрогнул и остановился. Кэтрин подошла к окну, чтобы опустить штору. Пассажиры уже высыпали на платформу, горя желанием увидеть как можно больше за отведенные несколько часов. Она отодвинула краешек шторы, разглядывая толпу, и вскоре заметила его.

– Ах, Макс, – пробормотала она, – просто не смог удержаться, да, милый?

Он все-таки сбрил бороду, которую отращивал в прошлом сезоне! Усы идут ему больше. И похудел!.. Неплохо выглядит в этом костюме – совсем не похож на обтрепанного студентика, что присоединился к команде три года назад.

Кэтрин проследила за ним взглядом, пока он не исчез в толпе, и снова легла. В голове проносились картинки, словно в немом кино. Макс всегда был ее любимчиком. В первом сезоне она сразу очаровала его, гоня за десять миль за сигаретами и сладостями; в награду ему разрешалось расчесывать ей волосы. У него это хорошо получалось: уверенно и в то же время нежно.

Когда они оставались наедине, атмосфера искрила электричеством. Ему явно хотелось прикоснуться к ней. Это ее возбуждало, однако он боялся переступить некую грань, зайти дальше позволенного, и такая власть пьянила.

Закрыв глаза, Кэтрин представила его руки, скользящие по телу... Невинные фантазии безопасны, воображаемый человек не причинит вреда, а вот настоящий Макс, дай ему волю, может быть опасен.

Она не ожидала увидеть его в поезде: нет нужды выезжать так рано, он вполне мог остаться дома еще на неделю. Может, его пригласили на свадьбу? Не хотелось бы: ведь это не настоящее торжество, а всего лишь деловое соглашение.

Кэтрин широко распахнула глаза. Ей пришла в голову ужасная мысль: а вдруг Леонард пригласил Макса на роль шафера? И он будет стоять позади нее на церемонии и протягивать кольца? Это была бы чистой воды пытка!

* * *

Агата сошла с поезда одной из последних. Проходя мимо купе таинственной незнакомки, она задержалась и прислушалась. Шторка на двери была опущена, изнутри не доносилось ни звука. Разве что постучаться?

Выходя из здания вокзала, Агата попыталась выбросить Энн Нельсон из головы. Ее ждет самое большое в жизни приключение – о таком можно только мечтать, если нет средств; нельзя позволить страхам его испортить.

Чего ты, собственно, боишься?

С самого отъезда этот вопрос то и дело всплывал в голове. Одиночество, тоска по дому – сперва страхи казались простыми, однако в поезде они вышли на новый уровень: теперь она боялась, что прошлое село в поезд вместе с ней и сердечная боль рано или поздно ее поглотит.

Прогуливаясь по мощным улочкам, Агата вдыхала причудливую смесь пыли, кофе и сигарет: континентальный запах, совсем не такой, как дома. Несмотря на мрачные мысли, в глубине души кольнуло радостное предвкушение.

Агата встала в очередь в ожидании вапоретто. К несчастью, прибытие «Восточного экспресса» в Венецию совпало с окончанием учебного дня в школе; казалось, полгорода спешит домой. При виде группы девочек возраста Розалинды у Агаты сжалось сердце.

Судно причалило к пристани, толпа потащила ее вперед. Ей повезло занять место: многие, включая женщин, остались стоять, цепляясь за что попало. Молодые люди преспокойно сидели, и не думая уступить.

Агата уже начала раскаиваться в своем решении, но тут лодка вышла в Гранд-канал, и она невольно приоткрыла рот, захваченная движущейся картинкой: орнаментальные фасады зданий из камня и позолоченного дерева, цветы на балконах, музыка с плавучих ресторанчиков, гондолы, скользящие вдоль узких полос зеленой воды...

По плану она рассчитывала высадиться на мосту Риальто и пройтись по сувенирным лавочкам, а потом направиться в сторону площади Сан-Марко, но увидела табличку с указателем «Рыбный рынок» и решила выйти раньше. Вскоре она запуталась в лабиринте узких, извилистых улочек, перемежающихся шаткими деревянными мостиками. Указатели постепенно исчезли, и Агата поняла, что заблудилась. Отрезанная от шумного центра высокими влажными стенами старых домов, она вдруг ощутила зловещую тишину – каждый шаг отдавался гулким эхом. Мощеная

улица привела к запертым воротам.

Обернувшись, Агата заметила в окне мужчину, наблюдавшего за ней; от его взгляда у нее внутри все сжалось. Она застыла, буквально парализованная зловещей ухмылкой, что расплзалась по его лицу. Внезапно рука мужчины потянулась к ширинке.

Агата опустила голову и что есть силы бросилась назад; стук подошв резонировал в такт с бьющимся сердцем. Добежав до моста, она согнулась над деревянными перилами, пытаясь отдышаться. Навстречу скользила гондола, но живописное зрелище было безнадежно испорчено.

Лодка подошла ближе, и можно было разглядеть парочку, сидящую за гондольером. Они целовались; он гладил ее по волосам и что-то шептал на ухо. Уже перед самым мостом мужчина поднял голову и... У него оказалось лицо Арчи, обрамленное несуразными черными волосами. Ну конечно же, это не он! Пара походила на итальянцев или испанцев, но никак не англичан. И все же лицо...

Агата вывернула шею, не сводя с пары глаз, пока гондола не исчезла за поворотом. В этот момент она поняла, чего боится больше всего: потерять рассудок.

Спотыкаясь, Агата брела по улицам в надежде выйти к каналу. Намерение увидеть площадь Святого Марка уже отпало – лишь бы добраться до уютной безопасности «Восточного экспресса». Внезапно на глаза попала табличка в форме стрелы: *Piazza San Marco*^[10], и она решила следовать в указанном направлении – так хотя бы больше шансов выйти на центральные улицы.

Вынырнув из каменного туннеля, растянувшегося над мостовой, Агата замерла от неожиданности: перед ней раскинулась широкая площадь, всюду сновали люди и голуби. Последние лучи заходящего солнца падали на позолоченные стены собора Святого Марка. Древние камни сияли, словно портал в небесный город, охраняемый крылатым львом.

В проеме центральной арки Агата глянула на часы: репетиция наверняка уже началась. Она помедлила в нерешительности. После развода у нее разладилось с церковью, появилось ощущение чужеродности, неприкаянности. Она даже перестала ходить к причастию – не то, чтобы разуверилась, скорее наоборот, Он разуверился в ней. Разведясь с Арчи, она подвела Господа, нарушила святой обет и хотя иногда захаживала в церковь, чувствовала себя незванным гостем.

Несмотря на колебания, Агата все же направилась к базилике, словно ее тянули невидимые руки. Пройдя под мозаичной аркой, она вступила в прохладный полумрак.

Глаза медленно привыкали к темноте. Порывшись в сумке, Агата вытащила шелковый шарф и повязала на голову.

Опять прячемся?

Насмешливый голос Арчи.

В полутьме двигались фигуры: зажигали свечи, крестились, опускались на колени для молитвы. Ощущение чужеродности усилилось, и лишь музыка удержала на месте: меланхоличный напев скрипки – ровно в тон ее чувствам.

Пройдя чуть дальше, Агата невольно запрокинула голову: купола и своды покрывала роскошная позолоченная мозаика – словноходишь в пещеру, полную сокровищ. Серебряные лампы бросали на окружающий интерьер причудливые блики. Экзотические птицы, рогатые демоны, апостолы с дикими глазами в бурном море, Иоанн-Креститель, достающий Иисуса из реки со змеями...

Звуки музыки исходили из бокового придела, слева от нефа. Агата неуверенно двинулась туда, но путь ей преградил служитель в форме.

– *Mi dispiace, non ci sono posti a sedere*^[11].

Агата непонимающе нахмурилась.

– Мест нет. – Словно из ниоткуда возник давешний молодой человек с поезда. – Можно сесть там, за ширмой.

Агата последовала за ним вокруг колонны, и действительно, в проемах между фризами из резных деревянных драконов и львов, охраняющих вход в часовню, было видно солиста.

– Присаживайтесь, прошу вас. – Молодой человек жестом указал на единственный стул.

– Но это же...

– Нет, правда, я только рад постоять – насиделся в поезде.

Он сверкнул белозубой улыбкой под темными усами.

Стул, хоть и древний, с высокой спинкой, оказался весьма удобным. Агата прислонилась головой к прохладному дереву и рассеянно скользила взглядом по золоченому потолку, позволяя музыке заполнять ее целиком. Казалось, душа отделяется от тела и воспаряет вверх, к загадочным существам. Пожалуй, впервые с момента отъезда она почувствовала себя в безопасности, вдалеке от мучительных голосов и преследовавших ее всю дорогу лиц-наваждений.

Если Господь существует, то музыка – его язык. Агата закрыла глаза, чтобы не отвлекаться, и лишь вдыхала древний, успокаивающий запах старой церкви, отполированного дерева, тающего воска, застоявшегося ладана. Она даже успела задремать, когда голос позади вернул ее к

реальности.

– Вы хорошо себя чувствуете?

Перевернутое лицо, черная стрелка усов пронзает нос... Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить: он склонился над ее стулом, оттого и голова набок.

– Вам понравилось?

Темные, как ягоды терновника, прищуренные глаза в этом ракурсе приобрели некий восточный флер.

– Да, очень!

Агата поспешно вскочила, надеясь, что он не заметил ее позорной дремоты.

– Не знаю, как вы, а я умираю от жажды. Не хотите ли чего-нибудь съесть или выпить? У нас еще целый час.

Агата на долю секунды заколебалась. Если бы предложение исходило от мужчины ее возраста или старше, можно было бы подозревать скрытый умысел, но юноша так молод и предложил так простодушно, что она спокойно согласилась. К тому же она в чужом городе, никто ее тут не знает...

– Прошу прощения, я так и не представился. – Он протянул руку. – Макс Маллоуэн.

– Аг... Мэри, – поправились она. – Мэри Миллер.

Он отпустил ее руку и слегка поклонился.

– Куда бы вы предпочли – в бар или в ресторан?

– Ну... не знаю. Я не очень голодна, но бары как-то не по мне... – Она умолкла, боясь показаться неблагодарной и смешной.

– Вы любите мороженое?

Агата кивнула с куда большим энтузиазмом.

– Неподалеку есть отличное местечко.

Когда они вышли наружу, было уже темно. Молодой человек повел ее через площадь, свернул на улочку, запруженную лавками, где продавали всякую всячину – от сигар до карнавальных масок. Пересекли мост, ведущий к каналу Гвидекки, и вышли к кафе на берегу: свечи на столиках, немислимое разнообразие мороженого в меню.

– Вы пробовали фисташковое? Очень вкусное. А если вам нравится ликер, возьмите «Амаретто».

Агата призналась в непереносимости алкоголя. Новый знакомый сочувственно покачал головой.

– У меня в Оксфорде была обратная проблема: слишком много кларета и недостаточно усидчивости, как говорили мои наставники.

Агата непроизвольно моргнула. Джек, ее племянник, учился в Оксфорде – возможно, даже в одно время с ним. Она уже собиралась спросить, когда мистер Маллоуэн окончил колледж, однако передумала: опасно упоминать Джека – так можно себя выдать. Вместо этого она рассказала, как они с матерью на отдыхе в Корнуолле заказывали по полпинте^[12] сливок в качестве альтернативы вину.

– И выпивали?

– До последней капли. Теперь это мой любимый напиток.

Он рассмеялся.

– Интересно, в «Восточном экспрессе» такое подают?

– Наверное, дали бы, если бы я попросила, только я не смею – боюсь, сочтут обжорой.

– Я считаю, на отдыхе можно позволять себе все, что хочется. – Молодой человек широко улыбнулся. – А поскольку здесь вряд ли подают сливки, я настаиваю, чтобы вы заказали два мороженых в качестве компенсации.

Довольно странное ощущение: он гораздо моложе, а обращается с ней как с ребенком. С другой стороны, юное лицо Макса скрывало мудрую душу, по выражению ее матери. Несмотря на разницу в возрасте, он казался значительно старше ее.

После долгих мучительных размышлений Агата остановила свой выбор на вкусе *cioccolato fondente*^[13], а к нему *dulce de leche*^[14] – божественное сочетание для сливочного маньяка. Макс выбрал *crema dei Dogi*^[15]; по его словам, вкус напоминал патоку с ноткой марсалы^[16].

За едой он поинтересовался, куда она направляется.

– Поездом в Дамаск, потом в Багдад. А вы?

– Я схожу в Триесте. Вообще-то я еду в том же направлении, но сперва нужно съездить в Бейрут забрать кое-что. – Он зачерпнул очередную ложку. – У вас в Багдаде семья?

Агата выдала ему ту же легенду, прибавив, что надеется посетить Ур. Макс заметно оживился.

– Так я как раз туда и еду! Я работаю на раскопках.

Удивительное совпадение! Агата рассказала, что едет в одном купе с его коллегой, и тут же заметила странность: на секунду собеседник слегка изменился в лице, как будто в мороженое попала муха. Всего лишь мимолетный взгляд, поспешно спрятанный под улыбкой, но актером он был никудышным.

– А, так вы в одном купе с миссис Килинг? Я и не знал, что она в

поезде – думал, поедет морем. – Молодой человек старательно выскребал ложечкой остатки со дна. – Ну и как вы с ней уживаетесь?

Агата чуть помедлила с ответом.

– Очень обаятельная личность. – Макс не поднимал глаз, и ей никак не удавалось разглядеть выражение его лица. – По-моему, у нее была весьма интересная жизнь.

– Это верно. В высшей степени примечательная личность. Кстати, скоро сменит фамилию: теперь придется называть ее миссис Вулли.

– Миссис Вулли? Так она...

– Вот именно. Выходит за нашего уважаемого босса. В следующий вторник, в англиканской церкви на Хайфа-стрит.

Агата озадаченно покачала головой.

– Странно, что Кэтрин об этом не упомянула. Столько о себе рассказывала – о раскопках, о мистере Вулли, – и ни разу не заикнулась о том, что выходит замуж.

Макс лишь пожал плечами: то ли не знал, то ли не хотел разглашать причину сдержанности Кэтрин. Глянув на часы, он ловко сменил тему.

– Пожалуй, нам пора – уже пять минут девятого.

– Ох! – Агата встревоженно засуетилась. – А вы знаете дорогу? Я ужасно заблудилась по пути сюда.

– Не волнуйтесь, мы возьмем такси.

Едва они подошли к воде, тут же причалила лодка. На этот раз, к счастью, толпы не было, и они спокойно уселись. Когда веревка скользнула в воду, Агата обернулась посмотреть на мягко освещенные фасады зданий на противоположном берегу. Мимо всего в нескольких метрах проплыла гондола. Еще одна парочка – держатся за руки, улыбаются пассажирам. Мужчина поднял руку и неловко помахал. Агата силой заставила себя взглянуть на него, опасаясь давешних галлюцинаций. К ее невыразимому облегчению, лицо мужчины осталось прежним – ни следа Арчи в глазах, скулах, линиях рта.

Внезапно Агата поняла, что за это нужно благодарить молодого человека, сидящего рядом. С помощью музыки и мороженого ему удалось преобразовать зловещее впечатление от города в приятное, радостное. Гондола растворилась в ночи, и Агата испытала необъяснимое ощущение покоя.

В темноте путешествие по Гранд-каналу приобрело особый флер волшебства. Фонари проливали на черную воду разноцветные пятна, отстающая штукатурка сияла в лунном свете. Иногда в поле зрения попадали элегантно одетые господа или уличные артисты.

Макс почти всю дорогу молчал – за исключением редких замечаний – и только на перроне вдруг ошарашил ее неожиданным заявлением.

– Большая просьба: не говорите, пожалуйста, миссис Килинг, что видели меня в поезде, ладно? – Он огляделся по сторонам, словно боялся, что Кэтрин вот-вот появится. – Только не сочтите меня невоспитанным – просто я предпочел бы избегать ее общества до начала работы.

– Позвольте спросить, почему?

Макс застенчиво улыбнулся.

– Не обещаю ответить честно. Не хочу влиять на ваше мнение о ней своими личными предубеждениями.

– Можете не рассказывать, если не хотите, – предложила Агата. – Я услышала достаточно и могу представить, каково вам всем торчать месяцами на такой жаре, в замкнутой группе...

Макс тихонько покачал головой.

– Кэтрин – прекрасный художник и отличный пресс-агент; если бы не она, у нас бы давно закончились спонсоры. Беда в том, что в ней слишком сильна потребность... – Он умолк, задумчиво потирая подбородок. – Потребность контролировать людей. Опутывает тебя чарами, оглянуться не успеешь, как становишься ее рабом. Будьте осторожны, – добавил он, криво улыбнувшись.

Агата не успела ответить – Макс приподнял шляпу и повернулся к своему вагону.

– Благодарю за компанию, миссис Миллер. Надеюсь, скоро встретимся.

И с этими словами он удалился.

Глава 6

Венеция – Триест

Нэнси отослала проводника, пришедшего предложить ей ужин. Конечно, надо бы поесть, однако сил не было. Чтобы отвлечься, она порылась в сумочке и достала письмо Делии.

Если кузина и удивилась решению Нэнси нанести ей визит, то вида не подала. В письме фигурировали планы походов в экзотические рестораны, в театр и в теннисный клуб.

Крупный, смелый почерк Делии – характерная черта женщины, бросившей вызов условностям и выполнявшей мужскую работу на чужбине. Нэнси всегда перед нею благоговела, с детства. Делия была на двенадцать лет старше, лучшая ученица в школе. В восемнадцать она поступила в Кембридж, где изучала классические языки, а в свободное время еще и фарси.

Когда началась война, МИД завербовало Делию на столь засекреченную работу, что даже родители не знали, где она. В мирное время ее направили в Багдад. Нэнси толком не поняла, чем занимается кузина; по словам дяди Роулэнда, присматривает за местными.

Больше всего Нэнси боялась, что Делия узнает истинную причину визита и тут же вышвырнет ее вон. Отложив письмо, она безотчетно обводила пальцами причудливые узоры платья в том месте, где живот слегка выступал. Даже не верится... В последние несколько недель Нэнси ощущала внутри слабое шевеление. Это напомнило ей случай из детства: в камин залетела малиновка; пытаясь локтем открыть окно, чтобы выпустить птичку, она чувствовала трепыхание крылышек в кулаке.

Как хорошо, что придумали трикотажные платья и свободные жакеты с большими карманами! Нэнси совершенно не хотелось врать кузине, однако и скандальную правду тоже нельзя обнародовать. Она заготовила легенду: дескать, сбежала из Англии, спасаясь от жестокого мужа. Конечно, врать нехорошо, но от этого зависит дальнейшая судьба, ведь у Нэнси никого не осталось, кроме Делии. Жизненно важно получить ее в союзники, убедить в том, что другого выхода не было.

Пронзительный гудок паровоза смешал все мысли. Поезд тронулся. Вскоре темнота за окном милосердно скрыла напоминания о самых

счастливых и самых несчастных днях ее жизни.

Когда поезд уже набирал скорость, раздался стук в дверь.

– Мадам?

Опять проводник! Какой внимательный, заботливый... Почему он не может оставить ее в покое?

– Спасибо, все хорошо, – повысила она голос. – Мне ничего не нужно.

– Мадам... – Голос стал громче, в нем добавилась тревожная нотка. – У меня для вас телеграмма.

Нэнси вскочила с постели с бьющимся сердцем. Он передумал! Решил все-таки поехать с ней! Наверное, отправил телеграмму, как только сошел с поезда.

– Благодарю вас!

Трясущимися руками она взяла бланк, закрыла дверь и развернула жесткую бумагу.

Слова плыли перед глазами.

«ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ СМЕРТИ ДЕЛИИ ГРЭНФИЛД».

* * *

Кэтрин ужинала в купе: на подносе остатки фаршированных яиц и чашка вальдорфского салата^[17].

– Ну как вам понравилась Венеция?

– Потрясающе! – Агата сняла шляпку и повесила на краешек багажной полки. – Правда, ужасно устала. Вы не против, если я лягу?

Проводник уже преобразовал купе на ночь, опустив полку и прицепив сбоку лесенку. Кэтрин не соизволила поинтересоваться желаниями спутницы, явно пометив нижнюю полку как свою территорию. Впрочем, Агата не возражала, предпочитая уединение верхней полки. Она собиралась раздеться лежа, если удастся, чтобы не устраивать стриптиз перед соседкой.

– Вы не голодны? – Кэтрин отодвинула поднос и взяла книгу. – Скоро придет проводник – заказать вам что-нибудь?

– Нет, спасибо. – Агата открыла шкафчик с раковиной и вытащила из стакана щетку. – Я наелась восхитительного мороженого.

– Не возражаете, если я еще немного почитаю? Сна ни в одном глазу!

Против этого Агата тоже не возражала: она обладала счастливой способностью быстро засыпать где угодно и редко просыпалась. Прошлая ночь не считается – все-таки она впервые спала в поезде, целое приключение!

Убирая щетку, она заметила в зеркале отражение книги. Судя по количеству страниц, Кэтрин уже дочитала «Убийство Роджера Экройда» до середины. Подумать только, даже не подозревает, что автор романа крепко спит у нее над головой!

Агата вскарабкалась наверх, легла и принялась раздеваться, стараясь не стучать локтем о стены. Когда она, извиваясь червяком, пыталась пролезть в ночную рубашку, снизу раздался голос Кэтрин:

– Как вы думаете, она и вправду потеряла память?

Агата молчала, охваченная паникой.

– Ну та писательница, Агата Кристи, – продолжала Кэтрин. – Или это все притворство?

Агата осторожно выдохнула.

– Я... м-м... мало знаю об этом деле, – промямлила она.

– Да что вы! Во всех газетах писали! Конечно, нельзя верить всему, что пишут... По-моему, брошенная машина – своего рода крик о помощи, как вы считаете?

Язык словно прилип к гортани. Агата замерла с рубашкой вокруг талии, прикидываясь спящей.

– Я думаю, амнезия была идеей мужа: чертовски удобная дымовая завеса – кто его знает, что там на самом деле произошло...

Зашуршали простыни; может, Кэтрин и не ждет ответа, размышляет вслух по ходу чтения. Агата по-прежнему не шевелилась, опасаясь выдать себя малейшим движением.

Много позже – казалось, прошла целая вечность – Кэтрин наконец выключила свет, и Агата задремала.

Среди ночи она вдруг проснулась и резко села, задев головой потолок – нестерпимо хотелось облегчиться. Тут она вспомнила, что в спешке забыла посетить уборную перед сном.

Агата свесила ноги и нашарила лестницу. Ступеньки скрипнули под ее тяжестью, и она замерла, прислушиваясь. Снизу доносилось ровное дыхание Кэтрин. Агата спустилась на пол и нащупала дверную ручку. Она ни за что не решилась бы выйти из купе в одной сорочке, но где искать халат в такой темноте? И где очки? Мысленно застонав, Агата вспомнила, что сунула их под подушку. Только бы не встретить никого в коридоре!.. Который час? Наверное, проводник уже закончил обход и лег спать.

Свет в коридоре приглушили, оставив необходимый минимум для ночных походов в уборную. Во всех купе темно – видимо, уже глубокая ночь. Однако в конце коридора что-то мелькнуло, и сердце упало – неужели уборную успели занять?

Агата замерла в нерешительности, и тут ее лицо обдал внезапный порыв ледяного ветра, – в конце вагона открыли то ли окно, то ли дверь. Что они там, с ума посходили?.. Обхватив руками вздымающуюся сорочку, Агата решительно зашагала к источнику сквозняка, но подойдя ближе, вдруг замерла как вкопанная. Это была та самая девушка, Энн Нельсон. Она высунулась из окна, ветер облепил лицо волосами, побелевшие пальцы на ручке двери. Агату осенила ужасная догадка: собирается выброситься!

На долю секунды в голове пронеслось:

Вот и хорошо.

Нэнси умрет, и Арчи будет свободен.

Отмахнувшись от этой мысли, Агата побежала по коридору. Дверь распахнулась, металл лязгнул о металл. Силуэт девушки выделялся на фоне облаков.

– Нэнси! – Рев ветра заглушил ее голос. – Не надо!

Незнакомка резко обернулась. Агата обхватила ее за талию, пытаясь оттащить от двери, однако внезапный порыв ветра сбил ее с ног, она почувствовала, что падает. Уже виднелась земля внизу, камни, блестящие в лунном свете. Она взмахнула руками, ища, за что бы уцепиться... Неожиданно тело дернулось в сторону, словно ее подхватила невидимая рука. Последнее, что она помнила – удар головой о поручень и темнота...

Глава 7

Загреб – София

Ей снился Торки, сад, полный цветущих нарциссов. Они с Арчи нарядились для скачек; вдруг он протянул руку и поменял местами их шляпы. Поля налезли ей на глаза, и когда она сдвинула шляпу, то увидела, как он улыбается из-под вуали и шелковых маргариток. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. «Боже, до чего я тебя люблю!» – воскликнул Арчи, но тут его шляпа снова съехала ей на лицо, стало нечем дышать... А потом она падала куда-то – мимо нарциссов, в холодную, темную землю; мимо костей Тони, ее терьера; мимо червей размером с пожарный шланг и ухверток с клыками... Вниз, все дальше и дальше...

В чувство ее привел металлический запах йода. Агата открыла глаза и увидела за окном голубое небо. Прямо над ней нависало лицо Кэтрин; белокурый нимб волос делал ее похожей на ангела.

Она промокнула рану; Агата поморщилась и рефлекторно поднесла руку к голове.

– Нет-нет, не трогайте. – Голос Кэтрин звучал по-другому, мягче обычного.

– Я... Она...

Агата попыталась сесть, в голове царил полный хаос.

– Не надо ничего объяснять. – Кэтрин обняла ее за плечи и уложила обратно на подушку. – Я все видела. Раздался страшный грохот, и я выбежала в коридор. Повезло вам – чудом не свалились. Вы спасли ей жизнь.

– Так она?..

– В порядке. Отделалась парой синяков. Вы ее знаете?

Агата отвела взгляд. У нее нет никаких доказательств.

– Досточтимая Энн Грэнфилд. – Кэтрин достала из зеленой жестяной коробочки повязку и наложила ей на лоб. – В прошлом сезоне – дебютантка года по версии «Татлера»^[18], красовалась на обложке «Вога». В этом году вышла за виконта Нельсона – в апреле или в мае, кажется. Интересно, что пошло не так?

Агата зажмурилась – и не от йода. Новости Кэтрин ощущались как

удар под дых. Так, значит, это вовсе не любовница ее мужа, а просто какая-то другая Нэнси: светская красавица, чье лицо стало публичной собственностью – по крайней мере, теперь понятно, почему она показалась смутно знакомой.

Но кто же тот мужчина? Агата готова была поклясться, что видела своего бывшего мужа. Мог ли Арчи связаться с женой виконта? И не потому ли так отчаянно старался не упоминать ее фамилию в процессе развода? И если это был он, то зачем Нэнси убивать себя, ведь они только что попрощались?..

Агата осторожно приоткрыла глаза – в окно слепило солнце. Интересно, сколько времени прошло и в какой стране они находятся?

– Лежите-лежите, не вставайте.

– Я хотела... – Агата снова опустила голову на подушку. – Где мы?

– В Югославии – недавно пересекли границу. – Кэтрин глянула на часы. – Вы недолго пролежали без сознания. В Триесте привели врача. Впрочем, вы, наверное, не помните.

Агата нахмурилась.

– Нет... Я... И что он сказал?

– Что у вас, возможно, сотрясение мозга и за вами надо присматривать. Как вы себя чувствуете? Не тошнит, надеюсь?

Агата дотронулась до виска. Болит или не болит? Рана от удара о поручень, конечно, ноет... Тут она непроизвольно охнула.

– Что, что такое? Больно?

– Я... Нет... Очки... Вы не видели мои очки?

– Вот они – проводник нашел, когда убирал постель.

Кэтрин протянула ей очки в роговой оправе. В ее глазах Агата прочла намек на улыбку, которая могла означать что угодно – или ничего. Может, Кэтрин рассмотрела ее фотографию на обложке книги и узнала?

– Я посижу тут и почитаю, если вы не возражаете, – сказала Кэтрин, и в ее голосе не было ни малейшей иронии. – А вы закройте глаза и попытайтесь уснуть. Через час-другой, если станет получше, закажу нам что-нибудь поесть.

На Агату вдруг нахлынула усталость, как будто слова Кэтрин обладали гипнотической силой. Делать нечего: если обман раскрыт, с последствиями разберемся потом. Прямо сейчас ей хотелось только одного: забвения.

* * *

Нэнси натянула простыню на лицо. Ей ужасно хотелось остаться одной. Увы, в купе прочно обосновалась устрашающего вида итальянка в тесно прилегающем голубом мундире железнодорожной компании.

Итальянским Нэнси владела не лучше, чем итальянка – английским, так что разговор получился весьма ограниченный. Впрочем, объяснений не требовалось: синьорину Тедадьди явно приставили караулить неудавшуюся самоубийцу.

– Ты спать, нет?

Это прозвучало чуть ли не как приказ, несмотря на добрые намерения охранницы. Впрочем, Нэнси было не до сна – голова горела, как в огне.

А если бы ей удалось? Если бы та женщина не успела ее схватить? Теперь, в безопасности купе, она уже ни в чем не была уверена – разве только в том, что рада остаться в живых, независимо от последствий. Стоя в распахнутом дверном проеме, на ледяном ветру, вышибающем дух, она вдруг почувствовала знакомое трепыхание в животе, как будто наполовину сформировавшееся существо трясло прутья клетки, пытаясь привлечь к себе внимание. Тогда она поняла, что не имеет права на столь отчаянный шаг – ведь от нее зависит еще одна жизнь.

Нэнси закрыла глаза, думая о спасительнице. В памяти сохранились лишь сумбурные обрывки: белый хлопок, развевающийся на ветру, словно парус, женщина в ночной сорочке на пути в уборную... Если бы она не проснулась, если бы не вышла из купе...

Нэнси судорожно вдохнула. Интересно, а что она сама стала бы делать в подобной ситуации? Хватило бы у нее духу помешать незнакомому человеку спрыгнуть с поезда на полном ходу?

Кто бы ни была та женщина, она здорово поранилась. При воспоминании об этом Нэнси непроизвольно вонзила ногти в ладонь: разбитая голова, капли крови на рубашке... Надо срочно ее разыскать, умолять о прощении и поблагодарить. Да, поблагодарить: несмотря на панику, вспухающую изнутри каждый раз, когда она пыталась думать о будущем, жить, несомненно, стоило – и было ради чего. Вдруг нахлынуло нестерпимое желание рассказать доброй самаритянке, что она спасла не одну жизнь, а целых две.

Нэнси приоткрыла глаза на долю дюйма, покосившись на свою итальянскую сиделку. Та писала что-то в блокнот. Интересно, нужно ли просить разрешения выйти из купе? Возможно, синьорине Тедадьди приказали сопровождать ее до самого Дамаска. Вполне объяснимо: компания хочет избежать дурной славы. А вот в Багдаде ее никто не ждет – сойдя с поезда, она будет предоставлена сама себе.

При мысли о кухне перехватило горло. Последний раз они виделись два года назад: Нэнси провожала Делию на вокзале после отпуска. Помнится, они смеялись над парочкой моряков, которые высовывались из вагона и посылали воздушные поцелуи.

– Приезжай в гости! – крикнула Делия, поднимаясь по ступенькам. – Устроим вечеринку!

Нэнси улыбалась и махала до тех пор, пока дым не отогнал ее с края платформы. Слово «Багдад» звучало так странно, так чужеродно. Слушая рассказы Делии о тамошней жизни – о жаре, насекомых, местных с выводком жен, – Нэнси думала про себя: вот уж никогда бы не поехала туда отдыхать!

Невозможно поверить в смерть Делии! Она с такой страстью отдавалась работе, была так влюблена в жизнь... В телеграмме причина смерти не упоминалась. Интересно, кто ее отправил? Наверное, кто-нибудь из британского консульства, где работала Делия. Может, обратиться к ним – вдруг помогут найти жилье на первое время, пока она не решит, что делать дальше. В конце концов, это их работа – помогать британским гражданам в затруднительном положении, разве не так? А положение хуже, чем у нее, трудно выдумать.

* * *

Кэтрин разглядывала спящую Агату. В ярком солнечном свете стало заметно, что волосы, откинутае со лба, у корней другого цвета. Отросли всего на долю дюйма, с окрашивания прошло не больше недели; и все же вполне достаточно, чтобы стало ясно: Мэри Миллер не была от природы рыжей.

Кэтрин открыла титульную страницу с портретом автора и поднесла книгу как можно ближе к лицу спутницы. Да, нос тот же самый: крупный, римский, но не сказать, чтобы некрасивый. Широкая линия рта, нижняя губа чуть полнее верхней. И брови: если бы Кэтрин рисовала ее лицо, бровям она уделила бы особое внимание. Ничего искусственного – никаких выщипываний, косметики. Брови разлетались над глазами, словно крылья чайки; концы заходили за линию ресниц на добрых полдюйма.

Конечно, трудно утверждать наверняка. Как будто рассматриваешь артефакты пустыни, полузасыпанные песком. Кэтрин привыкла собирать целое из кусочков, наметанным глазом определяя, чего не хватало. Глядя на

спящую женщину, она мысленно видела, как фотография из книги переносится на лицо, накладываясь на плоть.

– Это ведь ты, правда? – прошептала она.

* * *

Агата проспала всю Югославию и очнулась лишь на границе с Болгарией. На платформе стояла палатка с черно-белыми колбасками, наваленными рядом с дымящейся жаровней. Мимо окна прошла женщина с подносом, на котором лежали кусочки чего-то похожего на запеченную тыкву, приправленную орехами и глазурью. Глянув на часы – половина третьего, – Агата вдруг почувствовала волчий голод.

Впрочем, Кэтрин это предвидела. Она тут же вызвала проводника, и тот принес тарелку изящно сервированных сэндвичей, а к ним – шоколадный мусс.

– Хорошо, что у вас проснулся аппетит. Какие планы на вечер? До ресторана дойдете?

– Пожалуй, – кивнула Агата. – Только куда ж я с этим? – Она коснулась рукой лба, ощупывая повязку. – Я, наверное, выгляжу как страшилище.

– А мы прикроем чем-нибудь. У вас есть шарф?

– Нет, только шляпки.

Кэтрин покачала головой.

– Ничего, у меня есть шарф – сиреневый с черными блестками. У вас найдется что-нибудь подходящее по цвету?

– Разве что черная накидка...

– Отлично! – резюмировала Кэтрин. – А других очков у вас нет? Эти вам ну совсем не идут.

– Э... я... – У Агаты перехватило горло.

– У вас очень красивые глаза, не стоит их прятать.

Кэтрин вновь улыбнулась загадочной улыбкой Моны Лизы. Провоцирует ее на признание? Или это ее обычный прямолинейный стиль общения?

К счастью, в дверь постучал проводник с букетом белых роз и французской лаванды.

– Для вас, мадам, – сказал он, протягивая ей карточку.

– От нее? – поджала губы Кэтрин.

– Да. – Агата прочла вслух: – «С глубокой признательностью и пожеланиями скорейшего выздоровления. Надеюсь лично поблагодарить вас, когда вы поправитесь. Нэнси Нельсон».

– Вряд ли эта особа посмеет показаться на ужине. – Кэтрин достала сигарету и вставила в серебристый мундштук. – Наверняка попросит вас зайти к ней в купе. Интересно, что она придумает в свое оправдание?

* * *

Агата вышла в уборную, и Кэтрин решила воспользоваться случаем. Руки чесались, еще когда та спала, да риск был слишком велик – малейшее неверное движение могло ее разбудить.

Конечно, нехорошо рыться в чужих вещах, но ведь это для ее же блага! Если Агата и вправду хочет посетить Ур, ей придется заслужить уважение Леонарда. Он терпеть не мог туристов, совершенно их не выносил, а уж затея с гостями для него будет просто кошмаром, особенно если гостя – женщина.

Зато Леонард всегда уважал ясный ум, невзирая на пол. Другой фактор, гарантировавший его внимание, – деньги. Если Мэри Миллер и вправду Агата Кристи, Леонард примет ее с распростертыми объятиями.

Понадобилось лишь несколько секунд, чтобы найти искомое: пальцы нащупали нечто плоское и твердое, завернутое в кружевной платок. Мелькнул черный матовый уголок, золотой вензель британского герба – лев с единорогом... Кэтрин покосилась на дверь и наскоро пролистала страницы. Вот оно, доказательство: Агата Мэри Кларисса Кристи, девичье имя – Миллер.

* * *

Проходя мимо купе Нэнси, Агата помедлила. *«Надеюсь лично вас поблагодарить, когда вы поправитесь»*. Звучит как официальное приглашение постучать в дверь, однако жалюзи были опущены. Может, спит? Агата огляделась по сторонам и приложила ухо к стеклу.

Раздался кашель, потом скрип – кто-то встал или сел?.. А вдруг она не одна? Вряд ли человека в состоянии стресса оставили без присмотра. Наверное, лучше позвать проводника: пусть спросит, можно ли ей зайти. С

другой стороны, в данных обстоятельствах это выглядело чересчур формально, даже несколько абсурдно.

Едва она подняла руку, чтобы постучать, как дверь внезапно распахнулась. В проеме возникла крупная сердитая женщина в форме железнодорожника.

– Кто там? – послышался изнутри дрожащий, типично английский голос.

Женщина в форме оглянулась через плечо. В открывшуюся щелочку между ее массивным телом и дверным проемом Агата успела заметить Нэнси: та сидела на краю полки, засовывая ноги в шлепанцы в цвет бирюзового халата.

– Можно войти? – робко улыбнулась Агата.

Охранница нахмурилась.

– Она спать.

– Но я же вижу, что она проснулась.

Женщина подвинулась, загораживая вид.

– *Non capisco*^[19], – ответила она.

Агата не собиралась сдаваться.

– *Parlez-vous français?*^[20]

Настороженный взгляд.

– *Un petit peu*^[21].

Агата бегло говорила по-французски – сказалося детство, проведенное в Париже с матерью. Она объяснила свою роль в этой истории и пообещала надолго не задерживаться.

Охранница бросила на нее мрачный взгляд, затем посмотрела на часы.

– *Жесть* минут, – пробормотала она и направилась в сторону уборной.

– Миссис Миллер! – Хотя Нэнси улыбалась, ее подбородок дрожал – было видно, что держится из последних сил. – Мне ужасно жаль... Я... Ваша голова... – Она умолкла и достала из кармана платок.

– Пустяки, всего лишь царапина.

Агата заметила, что карие глаза покраснели и опухли – видимо, проплакала всю ночь.

– Если вы хотите остаться одна, я не обижусь.

Нэнси закрыла глаза и протяжно вздохнула.

– Спасибо, что пришли. Эта ужасная женщина... Чувствую себя как в тюрьме!

Агата села на стул, принесенный для охранницы. В голове роились десятки вопросов.

– Вы знаете, как меня зовут... Откуда?..
– Видела где-то вашу фотографию – кажется, в журнале.
– А... – Прерывистый вздох. – Наверное, думаете, с ума сошла.
– Ну я... – Агата умолкла, понимая, что любой ответ будет бестактным.

Нэнси упорно разглядывала ковер, словно в его узоре скрывался ответ.

– Банальная история: я вышла замуж за человека, которому безразлична.

Слова повисли в воздухе. Агата замерла, ожидая продолжения.

– Мне казалось, убежать проще всего. – Долгая пауза. – Я ехала в Багдад, к кузине – надеялась остановиться у нее и обдумать, что делать дальше. А прошлой ночью получила телеграмму...

Нэнси разжала руку с платком, смятым в тугой шарик, и уставилась на него глазами, полными слез.

– Делия, моя кузина, умерла.

– Ох... Мне очень жаль!

Горе Нэнси притягивало, словно магнит. Агате захотелось наклониться к ней, обнять дрожащие плечи, однако останавливало воспоминание о лице, отразившемся в оконном стекле. Глаза, так похожие на Арчи... Если остается хоть малейший шанс, что он в этом замешан...

– Мне было... одиноко, – бормотала Нэнси едва слышно. – Я лежала в темноте, слушала стук колес, и вдруг мне пришло в голову, что единственное решение – спрыгнуть с поезда.

Она провела рукой по волосам.

– Я всех разочаровала. Отец перевернулся бы в могиле, если бы узнал, что я натворила. Он считал, что Феликс будет превосходным мужем. – Девушка содрогнулась всем телом, словно неприязнь к мужу граничила с ужасом. – Но я не могла остаться – не могла этого вынести...

– Кто-нибудь знает, где вы? – спросила Агата самым нейтральным тоном.

Нэнси моргнула, словно не понимая вопроса.

– Мне не к кому возвращаться, если вы об этом. Кроме Делии, у меня никого не осталось.

Не к кому возвращаться... Тогда кто же тот мужчина?..

Агате вдруг пришло в голову, что она ошиблась: сложила два и два, а получила пять. Увидела отражение лица в стекле и решила, что Нэнси смотрела в ту сторону. А если, допустим, лицо зеркально отразилось с противоположного конца вагона? А Нэнси всего лишь пыталась привлечь внимание официанта где-то вне поля зрения Агаты?

Если так, то человек, похожий на Арчи, мог быть кем угодно: например, пассажиром, который сел на поезд в Париже и высадился через несколько остановок. Агата мысленно обругала себя идиоткой.

– Мы были женаты меньше года, но мне казалось – целую вечность...

Нэнси отвернулась к окну, глядя на горные пики, отливающие в предзакатном свете пурпурным.

– Простите за нескромный вопрос: давно вы замужем?

– Тринадцать лет.

– Вы когда-нибудь... – Нэнси умолкла, снова разглядывая ковер. – Вы когда-нибудь чувствовали, что все, дальше продолжать невозможно?

Ее слова перенесли Агату назад, в прошлое: четырнадцатое декабря 1926 года, за десять дней до их двенадцатой годовщины. Вспомнилось лицо Арчи, когда он поднимался по ступенькам отеля в Харрогейте, его взгляд, полный холодной ярости. Никогда в жизни она не чувствовала себя настолько одинокой...

– Я его очень любила, – вырвалось непроизвольно. – Мы... Я...

Она никому не рассказывала об этом – ни Шарлотте, ни даже сестре. Ее чувства к Арчи, причина, по которой она инсценировала самоубийство, – все это было слишком больно, слишком унижительно... Но перед ней сидела женщина, которая и в самом деле пыталась покончить с собой.

Внезапно нахлынуло желание уберечь ее, рассказать правду, насколько возможно.

– Он влюбился в другую женщину, и для меня жизнь кончилась.

Нэнси смотрела на нее широко раскрытыми глазами – надо было продолжать.

– Это случилось в пятницу вечером. Я ждала его, а он не вернулся домой. Тогда я поехала туда, где он мог быть – к дому его друзей. Там стояла ее машина – той девушки, с которой он встречался. Не знаю, о чем я думала... Я припарковалась и долго сидела в машине – смотрела на дом, на тени, движущиеся в окне. Потом уехала в ночь, сама не знаю куда. Помню только – хотелось умереть. Я оказалась у старого карьера и подумала: а не съехать ли вниз?

– И что же вас остановило?

Агата перевела взгляд на горы, темнеющие за окном. Она знала, как нужно ответить. Да, по дороге она думала о Розалинде, но когда заглушила мотор, ее мысли сосредоточились на Арчи: как можно все устроить, как вывернуть его мир наизнанку...

– Я не смогла оставить дочь. Это было бы... – Агата умолкла, и от ее

дыхания затуманилось стекло.

Голова Нэнси качнулась на долю дюйма – едва различимый кивок.

– А потом я вспомнила еще одну вещь, которую нам сказала учительница на уроке математики. Мне тогда было двенадцать.

Припоминая точные слова, она помедлила. То, что казалось столь глубокомысленным, сейчас уже подверглось сомнениям. Учительница говорила о любви и страдании, о Христе в Гефсиманском саду; о том, что каждый из них в какой-то момент почувствует себя одиноким, брошенным всеми – даже Богом. И когда время придет, они должны знать – это не конец, Бог рядом и поможет, если вверить ему себя. Почему-то эти слова запали в душу крепче любой проповеди, однако не стоит повторять их Нэнси – не сейчас.

– И что же она сказала? – Нэнси наклонилась ближе.

Агата перевела дух.

– Она сказала: «Каждый из вас рано или поздно впадет в отчаяние». – В принципе, недалеко от оригинала. – «Невозможно любить без страданий – но кто не любил, тот никогда не познает смысла жизни». Потом еще добавила: «Когда все оборачивается против вас и кажется, что больше нет сил, не сдавайтесь: именно в этот момент наступит поворотный пункт, и все изменится».

Агата глянула на свои руки, на обручальное кольцо.

– Я завернулась в пальто и закрыла глаза... Должно быть, уснула, а когда проснулась, было уже утро. Сквозь туманную дымку вставало солнце, где-то неподалеку пел дрозд, и я радовалась, что живу.

– Спасибо.

Рука Нэнси поднялась и застыла на полпути: ей хотелось дотронуться до плеча собеседницы. Снаружи слышались шаги, и она отдернула руку.

– Если захочется улизнуть, приходите ко мне, – сказала Агата, поспешно вставая. – Я в купе номер шестнадцать.

Глава 8

София – Симеоновград

Кэтрин подняла голову от книги и глянула на часы, удивляясь, куда пропала Агата. Прошло уже двадцать минут! А вдруг она потеряла сознание и лежит там на полу, бездыханная?

Кэтрин вскочила на ноги. Зачиталась дурацкой книжкой с загадочным сюжетом: труп в комнате, запертой изнутри! Ерунда, конечно – жвачка для мозгов, как сказал бы ее отец; и все-таки довольно неглупо.

Едва она схватила дверную ручку, как та повернулась.

– Вы не спешили. Я уже собиралась послать спасательную экспедицию!

– Я зашла к Нэнси Нельсон, – пояснила Агата.

– Ах, уже Нэнси... – Кэтрин склонила голову набок. – Ну и?

– У нас не было возможности толком поговорить. – Агата опустилась на банкетку, потирая лоб рукой. – При ней какая-то женщина из железнодорожной компании.

– Наверное, боятся повторения, – понимающе кивнула Кэтрин. – Она объяснила, как все вышло?

– Сбежала от мужа. – Агата помедлила, глядя мимо Кэтрин в темноту за окном. – Говорит, не могла дольше выносить его нелюбовь. Собиралась остаться у родственницы в Багдаде, какой-то Делии, но получила телеграмму – оказывается, та умерла. Вот она и не выдержала.

– Делия? – нахмурилась Кэтрин. – Делия Грэнфилд?

– Не знаю, она не упомянула фамилию.

– Наверняка та самая. Я ее встречала пару раз. Умная, бегло говорила на арабском и фарси. Скорее всего, была шпионкой.

– Да что вы!

– Работала на британское консульство. Знакомилась с женами местных и через них отслеживала деятельность в курдской общине. Как-то раз приезжала на раскопки, Леонард ей все показывал.

– Интересно, как она умерла...

– Ну, учитывая, каким опасным делом она занималась, вряд ли своей смертью.

– Бедная Нэнси! Ей и без того досталось...

Кэтрин вытащила из сумочки портсигар.

– И что же она собирается делать, не сказала?

– Не знаю. На ее месте я бы села на ближайший поезд до Лондона. Дома у нее больше шансов, чем в чужом городе, где никого не знаешь. Хотя она говорит, что не может вернуться.

Кэтрин прикурила сигарету и выпустила облачко дыма.

– А что, муж и вправду такая скотина?

– Вполне возможно...

Глаза Агаты стали похожи на речную гальку, взгляд ожесточился. Наверное, думает о собственном браке. Когда она сбежала в Харрогейт, в газетах писали о том, что у Арчи Кристи есть любовница.

Кэтрин вытащила изо рта сигарету. Так легко сказать всего четыре слова: «я знаю, кто вы», но что-то останавливало. Можно притвориться перед самой собой, что Агата еще слаба физически и морально после событий прошлой ночи и надо бы ее пощадить; или, допустим, стоит уважать ее решение скрываться под чужим именем... На самом деле все было не так. По правде говоря, Кэтрин просто наслаждалась властью, которую даровало ей тайное знание. Она еще разыграет эту карту – потом, когда придет время.

– Пора переодеваться к ужину, – сказала она вслух. – Только сперва надо сменить повязку: кровотечение уже наверняка остановилось.

Пока Кэтрин отдирала присохшие бинты, Агата не издала ни звука: ушла в себя, в свой внутренний мир – как привыкла делать в момент сочинительства. Тут Кэтрин ее прекрасно понимала: она и сама практиковала подобный эскапизм, когда восстанавливала древний артефакт. Мысленное усилие, необходимое для визуализации разрозненных кусочков в единое целое, – лучшая терапия, лучший способ избавиться от тяжелых воспоминаний.

Кажется, в «Татлере» печатали фотографии со свадьбы Нэнси Нельсон. Интересно, что она чувствовала? То же, что и сама Кэтрин, когда шла к алтарю: волнение, влюбленность, наивную веру в будущее... Сколько времени понадобилось для крушения иллюзий? Похоже, этот брак рухнул еще быстрее, чем ее собственный.

Опять же, Агата... Что произошло на самом деле? По своему горькому опыту Кэтрин знала – нельзя верить всему, что пишут в газетах. Почему она выбрала именно Багдад? И зачем притворяется вдовой? Неужели до такой степени ненавидит мужа? Или чувствует себя виноватой за развал семьи и не в состоянии признать развод? Кэтрин нахмурилась, разглаживая пластырь. Если все дело в чувстве вины, она уложит эту женщину одной

левой...

* * *

«Восточный экспресс» катился по Болгарии. Начался дождь, стекла испещрили косые полосы. Когда Агата с Кэтрин вошли в ресторан, в окна уже бил град. Все взгляды были прикованы к стихии, чему Агата мысленно порадовалась: ей казалось, что громоздкая повязка сильно выделяется под шарфом. Едва женщины успели сесть, как вечернее небо прорезала огромная молния, за которой тут же последовал устрашающий удар грома. Раздались испуганные восклицания. Официант, подошедший с меню, покровительственно улыбнулся.

– Не волнуйтесь, леди, – сказал он. – В Родопах^[22] грозы – не редкость, скоро пройдет.

Но тут сверкнула очередная молния. Женщина за соседним столиком вскочила на ноги, опрокинув бокал вина и чудом не залив платье из зеленовато-голубого шелка, украшенное блестками. Пока второй официант менял скатерть, Кэтрин разглядывала присутствующих, словно искала кого-то. Заметив любопытное выражение лица Агаты, она пояснила:

– Видела тут вчера одного парня с раскопок, хотя сегодня что-то не показывается. – Она вытащила из сумочки сигарету. – Наверное, пересел на пароход. Его зовут Макс. Вы с ним увидите на месте.

Агата кивнула. Признаться, что они знакомы? Взвесив обстоятельства, она благоразумно решила оставить эту информацию при себе.

– Такой, знаете, типаж сильного молчуна. – Кэтрин, вставила сигарету в мундштук. – А когда впервые приехал в Месопотамию, был робким мышонком: только что из Оксфорда, совсем зеленый.

– А сколько ему лет?

Кэтрин зажала губами мундштук.

– Двадцать пять, – проямлила она и достала зажигалку, инкрустированную перламутром; через столик поплыла струйка дыма. – Хотя выглядит старше. Ему пришлось пережить нелегкие времена. У него был близкий друг в Оксфорде, Эми Говард – сын лорда Говарда. На последнем году обучения тот заболел. Диагноз оказался фатальным: лимфома Ходжкина^[23]. Макс был с ним до конца.

– Какой ужас! – воскликнула Агата и чуть поморщилась: вышло донельзя банально.

– Да, на Макса это произвело сильное впечатление. Он не сразу раскрылся, но однажды ночью рассказал мне все.

Кэтрин затянулась и выпустила дым в сторону. Женщина за столиком через проход бросила на нее злобный взгляд, но Кэтрин лишь хладнокровно ей улыбнулась.

– Макс обещал другу на смертном одре, что примет католицизм. Видимо, Эми был очень религиозен, и его мужество сильно повлияло на Макса. На раскопках он каждое воскресенье ездит на мессу – двадцать миль по пустыне на осле.

Это описание никак не вязалось с живым, остроумным человеком, который угощал ее мороженым в Венеции. Наверное, горе научило Макса быть осторожным, не выдавать себя...

– Леонард не разрешает ему брать машину – не любит католиков, – продолжала Кэтрин. – Отец Лена был англиканским пастором, он и сам собирался пойти по его стопам. Помешан на Ветхом Завете: на каждой найденной плите выискивает имена из Книги Бытия. Убежден, что на месте Ура произошел Всемирный потоп.

Агата читала об этой теории в газете. Судя по выражению лица Кэтрин, та не разделяла мнения будущего супруга. В статье напечатали фотографию Леонарда Вулли: суровый мужчина смотрел из-под густых, нависших бровей жестким, непримиримым взглядом, в глазах – фанатичное рвение. Волосы на макушке поредели, у висков серебрилась седина. Пожалуй, на добрых десять лет старше Кэтрин. Странная пара... Видимо, общая страсть к археологии преодолела барьер возраста и внешности. А может, просто неудачная фотография, и в жизни Леонард Вулли не такой уж монстр...

– Ваш заказ, мадам.

Официант поставил перед ней маленькое произведение искусства: розовый мусс в форме морской звезды, а вокруг – анемоны, вырезанные из редиса и моркови. Рот непроизвольно наполнился слюной.

– Вам понравится Макс. – Кэтрин смяла сигарету в пепельнице. – Он просто душка.

* * *

После ужина перешли в салон. Кэтрин заказала два коктейля «Белый русский»^[24].

– Я не буду, спасибо. Мне стакан воды, пожалуйста, – попросила Агата.

– Голова болит?

– Нет, дело не в этом – плохо переношу алкоголь.

– Бедняжка! – передернула плечами Кэтрин, отчего бисер на шифоновом платье заплясал в такт дождевым каплям. – Ну а я собираюсь пуститься во все тяжкие. На раскопках спиртное не достать, да и Леонард – убежденный трезвенник.

В дальнем конце вагона пианист ударил по клавишам: Гершвин, «Рапсодия в блюзовых тонах». Агата вздохнула. В салоне было накурено: кроме Кэтрин, еще несколько мужчин курили сигары. Ей ужасно хотелось открыть окно; к несчастью, гроза не унималась.

Официант принес коктейль. Следом за ним к их столику подошел мужчина и попросил разрешения присоединиться. Высокий, печального вида француз представился инженером, рассказал, что едет в Сирию.

Агата сразу поняла, что Жан-Клод – так он велел себя называть – очарован ее соседкой. Она не слишком хорошо владела французским, да и английский собеседника изрядно хромал. Агата могла бы легко вступить в разговор, однако с самого начала чувствовала себя третьей лишней.

Было интересно наблюдать за Кэтрин: она походила на хищную птицу, парящую над кроликом. Не то чтобы флиртowała – нет, не столь прямолинейно; скорее смотрела из-под ресниц, чуть склонив голову набок и приоткрыв губы в полуулыбке, словно все, что он говорил, было умно и забавно. Инженер рассказывал о строительстве дамбы – ничего интересного, сухие цифры и факты, однако Кэтрин слушала с большим вниманием.

Жан-Клод заказал еще коктейлей и впервые повернулся к Агате, вопросительно глядя на ее стакан воды. Та восприняла это как сигнал к отступлению.

– Я, пожалуй, лягу пораньше, вы не против? – обратилась она к Кэтрин.

– Да-да, конечно. – Кэтрин едва повернула голову в ее сторону, не сводя глаз с нового собеседника.

Интересно, что сказал бы Леонард Вулли, если бы увидел свою невесту, поглощающую коктейли в обществе незнакомца, размышляла Агата по пути в купе. Фотография в газете, а также обмолвки Кэтрин создавали впечатление человека сурового, принципиального, ставящего работу превыше всего. Трудно представить, чтобы он вдруг решил развлечься. Может, этот вечер – последняя попытка Кэтрин оторваться на

свободе? И если она и вправду любительница флирта и вечеринок, то зачем же, ради всего святого, выходить за Вулли?

Глава 9

Любимец – Стамбул

Агата не слышала, как вернулась Кэтрин. В беспокойные минуты предсонного полубытья она думала о Нэнси. Со вчерашней ночи прошла, казалось, целая вечность. Распахнутая дверь, порыв ветра, земля, летящая навстречу... Оставалось надеяться, что Нэнси крепко спит, а не переживает ночные события и не планирует «повторить на бис».

К тому времени как Агата заснула, гроза понемногу утихла, однако посреди ночи она вдруг проснулась словно от толчка. Поморгала, привыкая к темноте, и тут только до нее дошло, в чем дело: вокруг царила необычная тишина – поезд стоял.

Агата спустилась вниз, чтобы выглянуть из окна; лестница скрипнула под ее тяжестью.

– Который час? – пробормотала Кэтрин. От нее исходили густые водочные пары. Интересно, сколько «Белых русских» она прикончила после ухода Агаты?

– Не знаю.

Приподняв уголок жалюзи, Агата непроизвольно охнула. Тучи рассеялись, на ясном небе светила огромная полная луна, а внизу поблескивала вода – по самые колеса.

Агата опустила оконную раму на пару дюймов. От ледяного воздуха, пахнущего хвоей, защипало кожу.

– Бррр! Холодно! – проворчала Кэтрин.

Снаружи послышался чей-то окрик; смутные фигуры бродили по колесу в воде.

– Похоже, пути затопило.

– Что?! – Кэтрин тут же проснулась окончательно и зашарила в темноте в поисках выключателя.

Раздался стук в дверь. На пороге стоял проводник с дымящимся кувшином и двумя чашками.

– Леди, не волнуйтесь, пожалуйста, у нас возникла небольшая проблема. – Он поставил поднос на стол. – Прошу прощения, мне нужно ненадолго отлучиться. На случай, если вы проголодаетесь, в вагоне-ресторане есть фрукты и выпечка.

– Спасибо. – Кэтрин наклонилась и понюхала содержимое кувшина. – Горячий шоколад – фу!

Она сморщилась.

– Мне нужно в уборную.

И снова послышался стук в дверь.

– Ой, извините! Я думала... – В дверном проеме стояла Нэнси Нельсон, дрожа от сквозняка.

– Вы, наверное, к миссис Миллер? – Кэтрин жестом показала за спину. – Прошу меня извинить.

Она зажала рот ладонью и метнулась к выходу мимо Нэнси. Та озадаченно смотрела ей вслед, кутаясь в шелковый халат.

– Прошу прощения, миссис Миллер, я не знала, что вы не одна. Вашей подруге нехорошо?

– Ничего страшного, – улыбнулась Агата. – Небольшое расстройство желудка.

– Она пошла посмотреть, в чем дело, – та женщина, что сидит со мной. Вот я и подумала...

– Да, конечно, проходите. – Агата отодвинула единственный стул. – Не хотите горячего шоколада?

Нэнси присела, взяла предложенную чашку и поднесла к губам, вдыхая аромат.

– Как ваша голова?

– Спасибо, заживает. – Агата уселась на краешке постели. – Скоро уже и повязка не понадобится.

– Это хорошо.

Наступило молчание.

– Я чувствую, судьба подает мне знак – не надо ехать дальше. – Нэнси отпила немного и уставилась в чашку. – Я собиралась в Стамбуле пересесть на обратный поезд до Лондона.

– Вы же сказали, что вам некуда возвращаться?

– У меня такое чувство, словно я очутилась между молотом и наковальней. Я не хочу возвращаться, но боюсь ехать в неизвестность. Теперь, когда Делия... – Она недоговорила.

Агата открыла было рот, но передумала. Непростая ситуация. Собственно, она почти не знала эту девушку. С другой стороны, Нэнси до боли напоминала ей себя – ту отчаявшуюся женщину холодной декабрьской ночью два года назад. Ей нужна помощь – однако стоит ли нянчиться с человеком, находящимся в тяжелой ситуации? В конце концов, она едет в захватывающее путешествие открывать новые миры, а не

связывать себя попутчиками...

Не будь эгоисткой!

Голос матери прозвучал в голове громко и отчетливо.

– Если это вас утешит, – осторожно начала Агата, – я тоже еду в Багдад. Не представляю, понравится ли мне там, хотя намереваюсь задержаться на пару месяцев.

– Правда?

Агата кивнула.

– Можем путешествовать вместе, если хотите.

На лице Нэнси впервые проявилось подобие улыбки.

– Я забронировала номер в отеле на несколько дней, пока не освоюсь. Наверняка у них найдутся места.

– Благодарю вас, вы очень добры... – Нэнси с трудом улыбнулась. – Вы уверены, что я не помешаю? У вас, наверное, какие-то планы?

– Да не особенно. Я специально не строила никаких планов: гораздо интереснее, когда не знаешь, куда тебя занесет завтра.

– Здорово! Только... – Нэнси крутила на пальце обручальное кольцо. – Мне стыдно признаться... На самом деле у меня не будет времени на развлечения – придется искать работу. Понимаете, у меня почти нет денег... Чтобы купить билет, пришлось продать драгоценности.

Агата взяла кувшин и долила ей в чашку шоколад.

– А какую именно работу вы ищете?

– Не знаю... Где-нибудь в конторе, наверное. Я никогда раньше не работала; правда, помогала отцу вести дела в поместье, пока мы не разорились. Я хорошо считаю и еще умею печатать.

Агата застыла с чашкой в руках.

– Пожалуй, я могу предложить вам временную работу. Мне нужен секретарь.

По правде говоря, ей вовсе не нужен был секретарь – Агата прекрасно умела печатать сама. Однако едва она произнесла эти слова, как вдруг почувствовала нечто вроде облегчения. Развод за одну ночь превратил ее из любителя в профессионала: хобби стало единственным источником дохода. К тому же пугала перспектива унылого сидения перед чистым листом. Может, с помощницей она скорее почувствует себя настоящим писателем?

Нэнси заметно оживилась.

– А что я должна буду делать?

– В основном перепечатывать рукописные заметки – ничего трудного. – Агата не была готова полностью раскрыть свое инкогнито. – Я планирую снять дом на пару месяцев: вы можете работать в обмен на стол

и кров, а тем временем подыщете себе постоянное место.

Нэнси не успела ответить – дверь распахнулась, и в купе ворвалась Кэтрин. Ее глаза сверкали от возбуждения, на щеках горел румянец – от недавнего похмелья и следа не осталось.

– Боже правый, там просто как в окопах! Люди по пояс в грязи! Неизвестно, насколько мы тут застряли.

Она присела на нижнюю полку рядом с Агатой, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой.

– Я захватила для нас полуночное пиршество.

Кэтрин развернула льняную салфетку: груши, бананы, кексы, пирожные.

– Прошу прощения, я не представилась – Кэтрин Килинг.

– Нэнси Нельсон. – Девушка пожала протянутую руку и встала. – Что ж, не буду вам мешать...

– Глупости! Чем больше народу, тем веселее. – Кэтрин подала Нэнси яблочный штрудель. – Это ведь вы были на обложке «Вога»? Я помню ваше платье – от Диора, кажется? Я делала эскиз для парижского шоу.

Нэнси явно не ожидала такого напора. На мгновение Агате показалось, что она сейчас выбежит из купе, однако девушка все же присела и взяла штрудель, разглядывая его, словно ключ к разгадке.

– Да, я обожала это платье. Вы работаете в индустрии моды?

– Уже нет. Сейчас я работаю в Британском музее, на раскопках в Месопотамии. – Кэтрин сняла с полки сумочку, достала оттуда маленький блестящий объект, напоминающий гальку, и положила на стол рядом с бананами. – Вот что я теперь рисую.

– А что это? – поинтересовалась Агата.

– Амулет лунного бога. Возьмите, если хотите, – это копия. Я нашла его в одной из могил, а Хамуди, наш бригадир, его для меня скопировал.

– Заяц? – уточнила Агата, разглядывая резную поверхность.

– Да. Переверните. Видите, что на обратной стороне?

– Похоже на пару следов, а между ними что-то... Змея? – Агата передала амулет Нэнси.

– Верно. В Древней Месопотамии это был магический символ, очень могущественный – защищал умершего в загробной жизни.

– Из чего он сделан? – спросила Нэнси.

– Из кабаньего клыка.

– Очень красивый. – Нэнси передала его обратно.

– Спасибо. – Кэтрин спрятала амулет в сумку. – Всегда ношу с собой. Глупо, конечно, но я с ним ни за что не расстанусь. Вы тоже наверняка

возите с собой что-нибудь такое, без чего невозможно ездить. – Она вопросительно посмотрела на Агату.

– Ну у меня ничего интересного нет – разве что фотография дочери...

Это была неправда. Во внутреннем кармане сумочки лежало письмо от издателя, Джона Лейна, написанное девять лет назад: предложение напечатать ее первую книгу «Загадочное происшествие в Стайлзе».

– А у вас? – Кэтрин повернулась к Нэнси.

Агата переводила взгляд с одной на другую, опасаясь, какой эффект возымеет столь откровенное любопытство.

– У меня есть шарф, – ответила Нэнси после мимолетного колебания. – Старый уже, поеденный молью, узор из павлиньих перьев. Напоминает мне о детстве на Цейлоне. Помню, я просыпалась по утрам и наблюдала за павлинами на деревьях.

– Здорово! – Кэтрин взяла со столика грушу и с аппетитом надкусила. – Всегда хотела поехать на Цейлон. Долго вы там пробыли?

– Около десяти лет. У моего отца была чайная плантация возле Тринкомали, я там и родилась.

– Наверное, переезд в Англию стал для вас настоящим потрясением, – предположила Агата.

– Да, пожалуй. Я так и не привыкла к холоду. А еще долго отвыкала остерегаться змей, когда отправлялась на прогулку.

– Ну тогда в Багдаде вы почувствуете себя как дома, – улыбнулась Кэтрин. – Летом у нас страшная жара. И вообще круглый год тепло, даже на Рождество.

– Я пыталась себе представить... – Нэнси моргнула и наклонила голову, стяхивая крошку с халата.

– Там очень красиво. Настоящий Эдем: всюду цветы... Жаркими летними ночами над рекой длинными белыми ленточками висит туман, а когда наступают сумерки и в домах зажигаются лампы, вода блестит как золото, и в ней колеблются причудливые отражения...

Несколькими умело подобранными словами Кэтрин целиком захватила внимание Нэнси: той уже хотелось знать как можно больше о Месопотамии, о жизни на раскопках. Пока Кэтрин потчевала ее историями про арабских шейхов и спрятанные сокровища, Агата припомнила слова Макса, сказанные на вокзале в Венеции: «Опутывает тебя чарами, оглянуться не успеешь, как становишься ее рабом. Будьте осторожны...»

Тем временем Кэтрин ухитрилась незаметно направить русло разговора в сторону планов самой Нэнси. Задумавшись, Агата не сразу поняла, что происходит, пока не уловила конец фразы:

– ...и миссис Миллер любезно предложила мне временную работу секретаря.

– Правда? – Кэтрин повернулась к Агате. – Мэри, вы не рассказывали, что едете в Багдад по делам. А чем вы занимаетесь?

– Ну я... – Агату бросило в жар. – Я немного пишу... для журналов. Планирую цикл дорожных зарисовок.

Губы Кэтрин сложились в улыбку Моны Лизы.

– Как интересно! А в какие журналы вы пишете? Может, я...

Ее прервал пронзительный визг паровозного гудка.

– Ой, что это? – Кэтрин подошла к окну, вглядываясь в сереющий предрассветный пейзаж. – Что-то виднеется... Похоже, пригнали дополнительный локомотив, чтобы вытащить нас отсюда.

Раздался еще один гудок, более отдаленный.

– Мне пора. – Нэнси поспешно вскочила на ноги, плотнее запахиваясь в халат. – Спасибо, вы очень добры!

* * *

На рассвете поезд тронулся. Завтрак подали, когда они уже пересекали границу с Турцией, а к обеду на горизонте показался Стамбул.

Нэнси не появилась ни к завтраку, ни к обеду; не видно было и Жана-Клода, французского знакомого Кэтрин.

– Мне удалось от него избавиться, – ответила Кэтрин на вопрос Агаты, как прошел вечер. – Ужасный зануда! Как можно быть настолько помешанным на всяких технических штуках, не представляю!

Агате стало жаль француза с грустными глазами, оставленного всего лишь за страсть к своей работе. Зачем же тогда Кэтрин сидела с ним в салоне, ведь она легко могла уйти пораньше?

– Ой, смотрите! – Кэтрин указала в окно вилкой, полной семги.

Поезд миновал странного вида домики с дощатыми стенами и шел вдоль серых каменных бастаионов – остатков кровавого прошлого, – за которыми мелькало море.

– Здесь ничего особенного не разглядишь, – прокомментировала Кэтрин, потягивая шабли. – Вот пересечем Босфор, оттуда и увидите настоящий Стамбул.

– Очень жаль, что мы проезжаем мимо, – покачала головой Агата.

– Ничего не поделаешь – слишком много времени потеряли прошлой

ночью. Не переживайте – все посмотрите на обратном пути. Вы надолго в Багдад?

– Пока не знаю. – Агата намазала маслом кусочек тоста. – Как понравится. На Рождество, конечно же, вернусь домой.

– Рождество... – криво улыбнулась Кэтрин. – Я уж и не помню, какое в Англии Рождество.

– А как вы празднуете в Месопотамии?

– Берем выходной – единственный за весь сезон.

– Сурово!

Кэтрин кивнула.

– Леонард – настоящий рабовладелец. У него все просто: приехали работать – значит, надо работать, днем и ночью. Помню, один случай, когда к нам приехал Макс: однажды вечером он достал колоду карт и уселся играть в джин с Майклом, нашим чертежником. В это время Леонард трудился в комнате древностей – он каждый вечер там сидит до двух, до трех ночи, – а когда вышел и застал их, то устроил такой скандал! Если, говорит, не можешь работать, иди лучше спать!

Пересказывая эпизод, Кэтрин веселилась от души. Агата была озадачена. Судя по обмолвке Макса, свадьба должна состояться через три дня. Кэтрин то и дело упоминала Леонарда Вулли, но ни словом не заикнулась о столь серьезном событии – почему? С ее стороны вроде бы нет повода для утайки: вдова выходит замуж второй раз, ничего постыдного. Может, с его стороны имеется какая-нибудь скандальная история? В газетах вроде бы не упоминалась тема личной жизни археолога, однако это не значит, что все безупречно. Неужели Кэтрин удалось превратить надменного сына викария в дрожащее желе, охваченное страстью? После вчерашнего представления в салоне вовсе не трудно представить ее в роли соблазнительницы.

Поезд замедлил ход, приближаясь к последней станции на территории Европы. В голове вновь зазвучал голос Макса: *«...не говорите, пожалуйста, миссис Килинг, что видели меня в поезде... я предпочел бы ее избегать до начала работы»*. Интересно, что все это значит? Неужели Макс пал жертвой ее обаяния, подобно Жан-Клоду? Похоже, Кэтрин нравится заманивать мужчин, а потом безжалостно бросать, наигравшись. Если так, то Леонард Вулли, должно быть, исключительный человек, раз ему удалось заманить ее в ловушку.

Глава 10

Стамбул – Улукышла

Переход из Европы в Азию выдался суматошным. По ту сторону узкой полоски воды, разделяющей два континента, ждал поезд, так что пассажиров и багаж спешно выгружали на паром. В безумном хаосе людей и чемоданов Агата потеряла Кэтрин из вида.

На пароме главной задачей было избежать приступов морской болезни, которые измучили ее на Ла-Манше. Агата решила, что лучше остаться на воздухе, и, поднявшись на верхнюю палубу, нашла свободное местечко у самого борта. Сходни уже убрали; пронзительный гудок сирены – и паром отошел от причала.

По счастью, Босфор был спокойным, как зеркало. Словно зачарованная, она уставилась на мечети и минареты на фоне лазурного неба.

– Красиво, правда?

Сзади подошла Нэнси.

– В жизни не видела ничего подобного. – Агата подвинулась, чтобы Нэнси могла встать рядом. – Трудно представить, что через несколько минут мы ступим на другой континент.

– Жду не дождусь, – улыбнулась Нэнси. – Кстати, я наконец-то свободна: служба синьорины Тедадьди официально завершилась. Я толком не поняла, что она сказала, но суть уловила: железнодорожная компания не обладает полномочиями в Азии.

– Вас ждет потрясающий новый мир! – Агата повела рукой в сторону противоположного берега, вдоль которого покачивались бесчисленные рыбацкие лодки. До нее внезапно дошло, что эти слова можно с таким же успехом адресовать себе самой.

– До вчерашней ночи я ужасно боялась... – Нэнси поежилась. – Вы серьезно насчет секретаря?

Агата кивнула. При свете дня идея показалась еще более безрассудной: пригласить к себе совершенную незнакомку на целых два месяца! Однако отступать некуда: взять свои слова назад было бы жестоко.

– Да, серьезно – если вы уверены, что сами хотите. Не нужно соглашаться только из вежливости. Если в Багдаде подвернется что-нибудь

получше, не стесняйтесь отказать.

– Нет-нет, мне все подходит – я даже и мечтать не смела! Только вы должны кое-что пообещать.

– Что?

– Вы приехали сюда развлекаться, открывать новые места, и я вовсе не хочу вам мешать. Как только я обрету крышу над головой, то буду счастлива посидеть дома, пока вы путешествуете, а потом, когда вернетесь, займусь вашими набросками.

– А вам не будет скучно?

Нэнси хмуро улыбнулась.

– Поверьте, после всего, что мне пришлось вынести...

Она оглянулась через плечо, словно боялась, что муж вот-вот появится из-за угла.

– А вот и миссис Килинг! Выглядит потрясающе!

В лучах ослепляющего солнца к ним навстречу пробиралась Кэтрин. Выглядела она и вправду шикарно в льняном костюме белого цвета в синий горошек. Широкие брюки, в которых Агата смотрелась бы бесформенно, на Кэтрин сидели безупречно; блузка в тон отделана синим у горловины и лентой того же цвета под грудью. Завершал ансамбль кардиган с короткими рукавами, брошенный на плечи.

– А я думала, вы отстали!

Она втиснулась между Агатой и Нэнси.

– Мы восхищались пейзажем, – ответила Нэнси. – Хотя вы наверняка уже сто раз видели...

– Зовите меня просто Кэтрин. Да, видела, но до сих пор производит впечатление. Последний раз я пересекала пролив рано утром: небо такое бледное, цвета незабудок, туман над водой, купола и минареты выглядят призрачно, как миражи... – Кэтрин оглянулась на приближающуюся линию берега. – Мой вам совет: запаситесь провизией на рынке – еда в поезде будет отвратительная.

– А долго еще до Дамаска? – спросила Нэнси.

– Ну если никаких приключений больше не предвидится, должны успеть к завтрашнему обеду. У нас будет пара часов на посещение базара, а дальше только пустыня. – Кэтрин задрала рукав блузки и выгнула шею, изучая локти. – Черт! Так и думала: противные клопы!

Агата заметила на бледной коже ряд красных точек.

– Наверное, прошлой ночью покусали. – Кэтрин сморщилась, потирая кожу.

– Не расчесывайте, – посоветовала Агата. – Там может быть инфекция.

– Да, похоже, распухает. – Она выставила обе руки на всеобщее обозрение.

– У меня есть мазь против зуда, – предложила Агата. – Правда, в чемодане...

– Спасибо. Обычно я сама беру – ума не приложу, как могла забыть? Кэтрин покачнулась и сделала слабую попытку ухватиться за перила.

– Вам плохо? – Нэнси поймала ее за локоть.

– Я... мне... – Кэтрин сильно побледнела.

– Вам надо присесть. – Агата взяла ее под вторую руку. – Обопритесь на нас, вот так...

Когда паром причалил к другому берегу, Кэтрин заявила, что ей полегчало, и даже отказалась от помощи турецкого матроса, предложившего ей руку на сходящих, но все еще выглядела бледной. Агата убедила ее не ждать автобуса на солнцепеке, а вызвать такси.

На вокзале Хайдар-паша царил полный хаос. «Таврский экспресс» стоял наготове, однако никто не мог сесть, пока таможенники не проверят каждый чемодан, отправляющийся в Сирию. В воздухе стоял крик, пассажиры негодующе стучали баулами, пытаясь привлечь внимание.

– Их нужно подкупить, – прошептала Агате на ухо Кэтрин. – У вас есть фунтовая банкнота?

– Вроде была... – Агата принялась шарить в сумочке.

– Помашите ею в воздухе.

Агата усомнилась, но все же сделала, как велено. Таможенник в золотых позументах подхватился и начертил мелом загадочные знаки на их чемоданах. От него исходил мощный запах пота – настоящий мужской запах. Ей вспомнился Арчи. Как они бежали со станции наперегонки в день свадьбы; как упали на кровать, снимая друг с друга одежду; смеялись, как дети, когда его рубашка застряла... А потом лежали без сна, слушая, как колокол церкви Всех Святых отсчитывает драгоценные часы ночи, и она вдыхала его запах...

– У вас есть еще фунт? – вернул ее в реальность голос Кэтрин. Она уже отправила Нэнси к прилавкам в дальнем конце вокзала закупаться провизией и теперь объясняла Агате, как подкупить носильщика, чтобы тот выбрал вагон получше. Царственно восседая на самом большом чемодане, Кэтрин в изнеможении обмахивалась журналом.

– Вы уверены, что сможете ехать дальше? – с тревогой спросила Агата.

Кэтрин кивнула, и струйка пота скатилась по щеке.

– Все будет в порядке, как только выберусь из этой дыры.

* * *

«Таврский экспресс» оказался вполне удобным, хотя и без особой роскоши. У Нэнси было отдельное купе; Агата с Кэтрин поселились в соседнем, со смежной дверью. Едва она разместила багаж, как раздался тихий стук.

– Кэтрин спит, – прошептала Агата. – Надеюсь, ей полегчает – на пароме она едва не упала в обморок...

– По-моему, у нее жар.

Нэнси разложила на столе припасы: персики, виноград, бананы и с полдюжины кубиков пахлавыв на промасленной бумаге, прозрачной от сочащегося меда.

– Похоже на то, – кивнула Агата. – Укусы на руке выглядят устрашающе.

Из-за стены послышался приглушенный звук, высокий и резкий, словно крик о помощи. Нэнси вскочила на ноги и распахнула дверь, Агата следовала за ней по пятам.

Кэтрин лежала на боку, замотанная в простыню, с мокрым от пота лицом. Услышав скрип двери, она замахала руками.

– Убирайтесь! Оставьте меня в покое!

Она перекатилась на другой бок, потянув за собой простыни.

– Кэтрин... – Агата склонилась над ней. – Вы слышите меня?

– У него пистолет!

Нэнси испуганно охнула.

– Она бредит, да?

Агата кивнула.

– Намочите полотенце, пожалуйста.

Нэнси открыла шкафчик с раковиной, пока Агата держала голову больной.

– Зачем он ему сказал, дурак безмозглый! – Кэтрин повысила голос. – Все равно что сам спустил курок!

– Все будет хорошо, только лежите смирно...

Нэнси протянула Агате мокрое полотенце и встретилась с ней взглядом.

– О чем это она?

Та приложила палец к губам.

– Такой шок... Никто не смог бы... – Кэтрин мотнула головой, сбрасывая полотенце.

– Нужен врач, – прошептала Нэнси. – Я позвоню?

Агата покачала головой.

– Врач ничем особо не поможет. Во время войны мне приходилось иметь дело с инфицированными ранами – тут практически то же самое: организм должен справиться с лихорадкой. Нам остается лишь наблюдать и пытаться сбить температуру.

– Тогда будем дежурить по очереди, – решила Нэнси.

– Разве вы не понимаете? – Кэтрин вдруг села на постели, широко открыв глаза. – Они говорят – ваш муж умер!

Она схватила Агату за воротник блузки, выкручивая ткань между пальцами.

– Он сделал это у подножия пирамид, словно принес жертву...

* * *

Следующие несколько часов Агата с Нэнси тихо перемещались из одного купе в другое, совсем как монахини ордена со строгим уставом. Нэнси велела проводнику не стучать в двери до утра. На ужин он принес им жаркое в мисках – жидкий суп с невнятными кусками мяса; Кэтрин оказалась права насчет качества еды.

Слава богу, что у них есть пахлава, думала Нэнси. Даже мятые и раскрошившиеся, божественные кубики просто таяли на языке.

Над Мраморным морем садилось солнце. Прибрежную линию усыпали небольшие островки; в угасающем свете они походили на серые холмики, словно стая китов нежилась в воде. Поезд свернул влево, удаляясь от побережья, и принялся карабкаться по горному серпантину.

Нэнси прислушалась. Никаких посторонних звуков, лишь отдаленное пыхтение паровоза да ритмичный перестук колес. Должно быть, Кэтрин еще спала.

Обрывки ее лихорадочной речи рассыпались в голове, как бусины с порванного ожерелья. «У него пистолет»... «Зачем он ему сказал, дурак безмозглый»... «Они говорят – ваш муж умер»... «Он сделал это у подножия пирамид»... Что произошло? Неужели муж Кэтрин покончил с собой? Мысль о том, что кто-то осуществил ее робкую попытку, парализовала своей неотвратимостью. Что же ему такого сказали, ради всего святого?! Интересно, насколько Агата в курсе личной жизни соседки? Может, та успела излить ей душу, как и она сама?

Когда поезд окутала темнота, Нэнси сменила Агату у постели больной.
– За последние полчаса ей стало немного легче, – прошептала Агата. – Все так же беспокойна, но уже потише.

Нэнси села на освободившийся, еще теплый стул. Они договорились дежурить по три часа, а в перерывах дремали в соседнем купе. Агата выглядела измученной, и Нэнси решила ее не будить – высидеть до утра, если получится.

Ночь тянулась бесконечно. Она потеряла счет времени в беспрестанном хождении туда-сюда с мокрым полотенцем и одеколоном. Жар быстро осушал ткань, распространяя запах лаванды; от этого клонило в сон, но она мужественно держалась, листая заранее припасенный «Вог». Разглядывая лица моделей, Нэнси не могла поверить, что когда-то была частью этого мира.

Мысль о будущем пугала. Жизнь в чужом городе с ребенком на руках... Нэнси осознавала, что, принимая предложение новой подруги, всего лишь хватается за соломинку. Сколько еще она сможет прятать изменения, происходящие с телом? Что скажет эта добрая женщина, когда узнает правду? Нэнси отложила журнал и медленно провела руками по животу. Да, разница есть, особенно когда сидишь. Одежда все еще впору, однако в Багдаде придется хитрить, чтобы скрыть свое положение как можно дольше. Никто в здравом уме не возьмет секретаршу на шестом месяце беременности. Нужно постараться найти какую-нибудь другую должность, заработать на квартиру и няню, но до того придется играть роль сбежавшей жены.

Поезд уносил ее все дальше и дальше от отца ребенка. Наверное, тот уже в Лондоне. Нэнси знала улицу, на которой он живет, ходила мимо дома, мучая себя. Жена, маленькая дочь... Она ускоряла шаг, боясь ненароком увидеть в окне ребенка. Уже тогда она понимала – еще до того, как ее собственный ребенок дал о себе знать – что если увидит его дочь, то никогда не осмелится написать ему то письмо, умоляя поехать с ней в Багдад...

– Умираю, как пить хочется! – Кэтрин внезапно села на постели, полотенце соскользнуло на пол. – Можно мне стакан воды?

– Да, конечно! – Нэнси вскочила на ноги. – Вам уже лучше? Мы так волновались...

– Правда? – Кэтрин поежилась, натягивая простыню поверх шелковой сорочки, отделанной кружевом.

– Мы дежурили по очереди.

– Ах вы мои милые! Неужели я была так плоха?

– У вас был жар – наверное, от укусов.

– Чертовы клопы! – Кэтрин разглядывала свою руку. – Долго я спала?

Который час?

Нэнси глянула на часы.

– Без десяти шесть.

Кэтрин озадаченно моргнула и потянулась к шторам.

– Господи, уже светает! Какой сегодня день? Где мы вообще?

– По-моему, еще в Турции. Мы уже давно нигде не останавливались. И кстати, сегодня воскресенье.

Кэтрин прижала руку ко лбу.

– Я как-то странно себя чувствую... Голова кружится. Пожалуй, надо поесть, только сил нет.

– Может, попробуйте немножко винограда?

Кэтрин медленно кивнула.

– Разве что одну штучку...

Нэнси отщипнула ягоду, разрешила пополам и удалила косточки.

– Подержите сперва во рту, вдруг начнет тошнить.

Кэтрин сделала как велено и через пару секунд проглотила ягоду.

– М-м-м, вкусно. Можно еще одну?

В дверях появилась Агата.

– Выглядите куда лучше, – сказала она. – Простите, Нэнси, я, должно быть, не услышала будильник.

– Ничего страшного – я решила, что вам необходимо как следует выспаться после той ночи.

Агата хмуро улыбнулась и присела на краешек постели.

– Виноград – отличная идея!

– Очень вкусный, – согласилась Кэтрин. – То, что доктор прописал!

– Помню, когда мы жили на Цейлоне, я сильно заболела. – Нэнси переставила миску с фруктами на тумбочку у кровати, чтобы Кэтрин могла дотянуться. – У меня была няня – местная, ее звали Аманти. Я отказывалась есть и пить, и родители пришли в отчаяние. Она попросила у них виноград и сидела у моей постели днем и ночью; как только я открывала глаза, она совала мне ягоду в рот. И по сей день ее вспоминаю, когда ем виноград.

– Как я вам завидую! – Кэтрин оторвала половину грозди и принялась жадно заглатывать вместе с косточками. – А мое детство прошло в Лондоне. Отвратительно! Холод, смог, бесконечный город, растянувшийся во все концы... Обожаю Месопотамию – там ровно наоборот.

– А я завидую вам – у вас есть профессия, – вздохнула Нэнси. – Я

хотела стать учительницей на Цейлоне, но... судьба распорядилась по-другому.

– А что произошло? – поинтересовалась Кэтрин.

– Дядю убили на войне, и мы возвратились в Англию. Папа унаследовал титул и землю в Котсволде – звучит, как благословение, но все обернулось проклятием...

Нэнси умолкла. Не слишком ли много она выдала? Обе женщины смотрели на нее выжидательно. Наверное, можно рассказать – отцу уже не повредит...

– Налог на наследство нас придушил. Мама умерла еще на Цейлоне, я была единственным ребенком и пыталась помочь отцу держаться на плаву, но ничего не вышло. Постепенно мы распродали все, что было, – поля, картины, мебель. А когда шел дождь, мы бегали по дому с ведрами, потому что крыша протекала, как решето...

Нэнси отвернулась к окну. Ей стыдно было признаться в остальном: единственной возможностью спасти дом стал выгодный брак, и она приняла предложение Феликса ради отца – который умер через месяц после свадьбы от сердечного приступа.

От дальнейших расспросов ее спас гудок паровоза.

– Ой, смотрите! – Кэтрин привстала на постели, уткнувшись носом в стекло. – Киликийские ворота!

Нэнси вытянула шею, ожидая увидеть портал в древний город или разрушенный замок, но вокруг возвышались колонны песчаника, розовые в первых рассветных лучах.

– Где? Куда смотреть-то?

– Сейчас увидите, – пообещала Кэтрин. – Это проход через Таврские горы. Сюда привел свою армию Александр Македонский в триста тридцать третьем году до нашей эры; святой Павел шел здесь на пути к галатам^[25]. Сейчас будет остановка, чтобы пассажиры смогли выйти полюбоваться видом.

Раздался второй протяжный гудок, и «Таврский экспресс» встал.

– Идите! – Кэтрин махнула в сторону дверей.

– Идите вы, Нэнси, – предложила Агата. – А я посижу.

– Глупости! – закатила глаза Кэтрин. – Не волнуйтесь за меня!

– Вы уверены? – нахмурилась Агата.

– Абсолютно! Поторопитесь – стоянка короткая. Поверьте, оно того стоит!

Из-за восточного хребта осторожно выглядывало солнце. Сперва ничего толком не было видно. Подойдя к остальным пассажирам, обе

невольно ахнули.

– Как будто стоишь на краю вселенной! – Нэнси взяла Агату под руку. Скала под ногами уходила почти вертикально вниз. Перед ними в утренней рассветной дымке расстилалась широкая долина.

– Невероятно! – прошептала Агата. – Будто смотришь на землю обетованную...

Эти слова пробудили в Нэнси чувство, не поддающееся описанию, затмевающее страх, отчаяние, одиночество последних дней, чувство... пожалуй, даже радости. Солнце поднималось выше, и она всем телом ощущала его тепло. В воздухе витали запахи кедра, можжевельника и дикого ириса. Долина меняла цвет на глазах: от молочно-сиреневого до дымчато-серого, а затем зеленовато-желтого.

– В такие моменты особенно радуешься... – Агата умолкла и с опаской покосилась на спутницу.

– Все нормально. – Нэнси пожала ей руку. Захотелось сказать: да, она тоже рада, что живет. Но в памяти вдруг всплыло его лицо, заслоняя горизонт, и все померкло.

Глава 11

Адана – Дамаск

На следующей станции платформу оккупировала стая лоточников. Агата высунулась из окна, и в животе заурчало: аромат жареного мяса соперничал с сернистым запахом паровозного дыма. К ней подбежал дикого вида человек с подносом фаршированных листьев, маринованного мяса на шампурах и миской ярко раскрашенных яиц.

– Есть хотите? – Агата оглянулась через плечо на остальных.

– Я – пас, – отозвалась Кэтрин. – Кроме винограда, ничего больше не осилю.

– А что там? – засомневалась Нэнси.

– Идите и посмотрите сами! – засмеялась Агата. – Понятия не имею, но пахнет изумительно!

Кэтрин выгнала их завтракать в купе Нэнси – ее тошнило от запаха.

– Как вы думаете, это ягнятина? – Нэнси зубами сняла кусок мяса с шампура.

– Скорее всего, просто баранина. А это, должно быть, виноградные листья.

– Я и забыла, какими вкусными бывают острые блюда, – улыбнулась Нэнси. – Когда мы жили на Цейлоне, я обожала карри.

– Это в сто раз лучше, чем вчерашнее жаркое, – согласилась Агата. – Уж на что я непривередлива, но там были одни хрящи в жире!

– Теперь, надеюсь, до Дамаска протянем. – Нэнси взяла виноградный лист, свернутый в форме сигары, и с удовольствием откусила. – Оставим немного Кэтрин на случай, если у нее проснется аппетит?

Агата кивнула.

– Хорошо, что ей полегчало. Я уже начала было волноваться, как она выдержит переход через пустыню.

– То, что она говорила прошлой ночью... – Нэнси крутила в пальцах уголок бумажного пакета, служившего им тарелкой. – Я понимаю, это не мое дело... Неужели он и вправду покончил с собой?

– Не знаю... Они познакомились во время войны, когда Кэтрин работала медсестрой во Франции, и брак продлился всего полгода – так она мне рассказывала. Я решила, что он погиб в бою.

– А еще пирамиды... – Нэнси подняла голову. – Думаете, просто бред?
– Она упоминала, что жила в Египте после войны. Может, вместе с мужем туда уехали, не говорила.

– Если он и вправду покончил с собой, я... Это ужасно! Она была так добра ко мне, а я... Напомнила ей...

– Не переживайте! Во-первых, мы не знаем, как все было на самом деле. И потом, даже если вы невольно всколыхнули подавленные воспоминания, она уже наверняка все забыла.

Нэнси кивнула, глядя в окно. Поезд пробирался вдоль горного ущелья; чахлые кусты цеплялись за пологие утесы, далеко внизу поблескивала река.

– Вы очень храбрая девушка, – продолжала Агата. – Нужна большая смелость, чтобы вырваться на свободу и начать новую жизнь на другом конце света.

Солнце било в глаза, и Нэнси моргнула. Храбрая... Ах, если бы это было правдой!

* * *

«Таврский экспресс» держал курс на юго-восток через Турцию в сирийский Алеппо, а оттуда в Бейрут, повторяя изгибы Средиземного моря. Так странно осознавать, что в Венеции то же самое море. Здесь было даже красивее, чем на побережье Северной Италии: бесконечная цепь песчаных бухт на фоне голубых гор в дымке.

Нэнси отсыпалась у себя в купе. Кэтрин съела крутое яйцо и пару персиков и тоже задремала. Агата сидела у окна, поглощенная меняющимся ландшафтом – не хотелось тратить время на сон. Через час океанские просторы уступили место большим домам с плоской крышей в окружении садилов с цветущим жасмином и алым молочаем – поезд въезжал в Дамаск.

– А ожидаешь чего-то более цивилизованного, правда? – закатила глаза Кэтрин, выбравшись на платформу. – Казалось бы, самая древняя столица в мире.

Их багаж подхватила банда носильщиков, орущих друг на друга; остальные бежали позади, стараясь отобрать чемоданы. Наконец вмешался агент «Кука». После успешной доставки багажа на автобусную станцию он предложил им экскурсию, однако Кэтрин его прогнала.

– Они никогда не возьмт в приличные места, – заявила она. – Я сама буду вашим гидом.

– Но вы только что встали! – запротестовала Агата. – Вам нельзя переутомляться.

– Я и не собиралась, – улыбнулась Кэтрин. – Первая остановка – самое расслабляющее место на свете, к тому же нас повезут.

Когда Агата с Нэнси увидели, что она подразумевает, у них отвисла челюсть: у здания вокзала выстроились оседланные верблюды. Кэтрин подошла к погонщику, стоящему рядом, и обратилась к нему на арабском. Последовал короткий разговор, во время которого она уперла руки в бока и несколько раз качала головой; наконец, полезла в сумку и достала пятифранковую банкноту.

– Грабеж среди бела дня! – проворчала Кэтрин, возвращаясь. – А, не важно – вы не пожалеете!

Агата в ужасе наблюдала за процедурой усаживания: хозяин поставил верблюда на колени, Кэтрин подошла к нему вплотную и умостила в седло боком. Верблюд поднялся, выпрямив сперва задние ноги; на мгновение показалось, что Кэтрин сейчас полетит вниз головой.

– Давайте! – задорно позвала она с высоты. – Вам понравится! Только так и нужно смотреть город.

Агата с Нэнси обменялись растерянными взглядами.

– Я что-то не уверена... – пробормотала Агата. – Вы видели, как он покачулся? Совсем как на лодке в шторм – а меня всегда тошнит...

– Я тоже не горю желанием, – кивнула Нэнси. – Никогда не умела ездить верхом: однажды меня сбросила лошадь, и теперь я боюсь...

– Ну чего ждете? – крикнула Кэтрин через плечо. – У нас не так много времени!

– Если уж Кэтрин способна на такое после болезни, то и нам не стоит быть нежными фиалками, – неуверенно улыбнулась Агата. – Я рискну, если вы со мной.

– Ну, я... э-э...

Нэнси побледнела, однако не успела ничего сказать: погонщик подхватил ее и усадил в седло самого маленького верблюда.

– Держитесь крепче и наклонитесь назад! – крикнула Кэтрин.

Нэнси зажмурилась, но верблюд поднялся на ноги аккуратнее, чем его собрат. Она в изумлении открыла глаза.

– Ой... Я еще в седле!

– А то! – засмеялась Кэтрин. – Это ведь не слон! Давайте, Мэри, ваша очередь!

Едва Агата подошла к своему верблюду, как тот издал утробное рычание и плюнул в нее.

– Фу! – Она еле увернулась. – Кажется, я ему не нравлюсь!

– Похлопайте его по заднице, – посоветовала Кэтрин. – Покажите, кто тут хозяин!

– Мне совсем не хочется до него дотрагиваться...

Агата неуверенно подняла руку. Животное изогнуло шею по-змеиному, намереваясь повторить злобный трюк. К счастью, тут ее подхватили сзади, и вот она уже наверху, защищенная от «жидких бомбардировок» передней частью седла, похожей на перевернутую ножку стула.

Пока верблюд поднимался на ноги, Агата насмерть вцепилась в седло, вспомнив карусель в Торки, где кружились под музыку деревянные лошадки. Мать сделала роковую ошибку: за несколько минут до того купила ей мороженое. Трудно сказать, кто злился больше: владелец карусели, которому пришлось ее отмывать, или сестра, сидевшая впереди, которой пришлось идти домой с блевотиной в волосах.

По счастью, верблюд двигался медленно и ровно – совсем не похоже на лодку в шторм, – и Агата могла спокойно разглядывать улицу и крыши торговых палаток. Впереди виднелась древняя каменная арка.

– Это Баб аш-Шарки, – пояснила Кэтрин, поравнявшись с ней. – Восточные ворота – те самые, через которые святой Павел входил в Дамаск. Их построили римляне и посвятили солнцу. – Она оглянулась через плечо. – Нэнси, вы там как?

Погонщик взял верблюда под уздцы и подвел к остальным.

– Не так страшно, как я думала, – откликнулась та. – Даже приятно, когда привыкнешь.

– Это Прямая улица, – продолжила Кэтрин. – Помните, та самая, из Библии? Арабы называют ее Мидхат-паша Сук, потому что она проходит через рынок, по-местному – сук. Сейчас вы почувствуете аромат специй. А мы направляемся в хамам на другом конце города.

– А что это? – Агата судорожно вцепилась в седло: ее верблюд вдруг заинтересовался раздавленным помидором.

– Баня, – ответила Кэтрин. – То, что нужно после пяти суток в поезде: вас отмоют до скрипа и сделают массаж с ароматическими маслами. Неземное блаженство! Затем вернемся через Хан Аль-Харир – шелковый базар; может, что-нибудь присмотрим. Ну а дальше останется время быстренько перекусить – и на автобус.

– Звучит заманчиво, – улыбнулась Нэнси. – А чем это пахнет? Похоже на... духи?

– Лепестки розы. – Кэтрин махнула рукой в сторону дальних прилавков. – Видите вон там мешки? Они набиты сухими лепестками и

бутонами: их используют не только для духов, но и в качестве приправы. Потом, если захотите, можно попробовать розовую воду и мороженое.

По мере продвижения воздух наполнялся все более экзотическими ароматами. Мешки с кардамоном, куркумой и корицей перемежались с корзинами орехов и ягод можжевельника. С крючков над чашами ладана и сухого лимона свисали связки чеснока и свежей мяты. Стены по обеим сторонам улицы отражали звонкие крики арабов, рекламирующих свои товары.

В одном из лотков жарилось мясо на вертеле, и рот Агаты непроизвольно наполнился слюной. Продавец отрезал куски мяса, укладывая на маленькие треугольнички хлеба и поливал густым темно-красным соусом.

– Что это? – спросила она Кэтрин.

– Кебаб в ягодном соусе. Дамаск славится своими черешнями: они растут по всей Сирии. Из них делают соус с корицей и фисташками – объеденье!

Путь к баням лежал через базар, где продавали ковры, медные горшки и тарелки, деревянную мебель с причудливой инкрустацией. Мимо сновали женщины в парандже, увешанные корзинами со снедью; в тени на корточках сидела стайка нищих.

– В прошлом году мне не удалось здесь пройти – шло восстание против французов, – объяснила Кэтрин. – Тысячи людей остались без крова – вот почему вокруг столько нищих.

К ним подбежал маленький полуголый мальчик возраста Розалинды. Темные глаза в обрамлении густых ресниц смотрели отчаянно, с вызовом. Агата порылась в кармане, ища мелочь. Подойдет турецкая лира или нет? Надо же что-то дать...

– Не надо! – воскликнула Кэтрин, хотя было уже поздно. – Сейчас все за нами побегут! Скорее!

Она пришпорила верблюда, и тот дернулся вперед.

Бани находились в конце длинной узкой улицы. Кэтрин добралась раньше остальных и проворно спешила.

– А как слезать? – Нэнси ухватила за седло обеими руками.

– Не волнуйтесь, он все сделает. – Кэтрин мотнула головой в сторону погонщика, неторопливо шедшего следом.

Легким ударом палки тот заставил верблюдов опуститься на колени. Слезать куда проще, подумала Агата, осторожно вставая на ноги. Она взглянула на Нэнси, чье лицо явно выражало радость от возвращения на твердую землю.

– Молодцы! – улыбнулась Кэтрин и повела за собой в полутемный прохладный зал. – А теперь пойдём и побалуем себя!.. Тут женское отделение, не бойтесь. Мужское на другой улице. Только здесь можно увидеть женщин без паранджи.

Посетительниц провели в кабинки, где полагалось раздеться и оставить свои вещи.

– Вы готовы? – поплыл над кабинками голос Кэтрин.

– А что теперь? – опасливо поинтересовалась Нэнси.

– Ляжете на стол, и вас хорошенько вымоют, а потом сделают массаж.

– А где он? Стол то есть?

– В общем зале. Вы стесняетесь? Там одни женщины.

Агата вышла в шелковой сорочке и панталонах. Нэнси обмоталась полотенцем, которое нашла в кабинке.

– Я в первый раз тоже стеснялась. – Совершенно нагая Кэтрин невозмутимо подкалывала волосы. – У арабов другое отношение к наготe: они куда менее чопорны, чем мы, британки, когда рядом нет мужчин.

Агата старалась не пялиться на курчавые волосы, темным пятном выделяющиеся на фоне молочной кожи. Кэтрин поманила подруг за собой. Шлепая босыми ногами по тростниковым циновкам, они прошли в зал. В нос ударил резкий запах лимона и розмарина, издали доносился женский щебет. Наконец женщины вошли в зал, полный голых арабов, которые дружно уставились на бледных пришельцев. Кэтрин произнесла что-то по-арабски, указав рукой на Агату с Нэнси. Банщицы кивнули. Одна из них открыла шкаф, достала полотенце размером с простыню и подвесила на веревку, протянутую над столом. Ту же процедуру она повторила еще с одной простыней – получился импровизированный тент.

– Ну вот! – улыбнулась Кэтрин. – Тут вас никто не увидит, можно не стесняться.

Она повернулась к Агате.

– И вам такое же?

Та кивнула. В бытность медсестрой ей доводилось видеть множество голых мужчин, а вот пациенток в госпитале не было. Если не считать родной сестры, Агата ни разу не видела голых женщин. Ей стало неудобно, она устыдилась своего тела, прекрасно осознавая, что после родов не сравнится с тугой роскошной плотью Кэтрин.

Краем глаза Агата заметила, что Нэнси поспешно нырнула за занавески. Интересно, она-то чего стесняется? Моложе их с Кэтрин лет на десять, ни грамма жира... Конечно, она росла единственным ребенком в семье – отсюда и застенчивость?

Агате неожиданно пришло в голову, что возможна и другая причина. Сколько бишь Нэнси замужем? Пять или шесть месяцев? В любом случае вполне достаточно для того, чтобы забеременеть. Этот вариант проливал новый, холодный свет на обстоятельства той ночи. Что она чувствовала, получив телеграмму, если вдобавок знала о ребенке...

И сразу же вспомнился похожий эпизод, когда она сама обрадовала новостью Арчи. Они ехали в такси, ей стало нехорошо, и Арчи крикнул водителю, чтобы ехал помедленнее. «Нет-нет, дело не в этом», – возразила она и прошептала ему на ухо истинную причину. Его лицо застыло и вытянулось, испещренное желтыми лучами уличных фонарей. Когда он наконец заговорил, слова пронзили ее в самое сердце. «Я не хочу ребенка. Ты будешь думать только о нем, а меня забросишь...»

Агата почувствовала чье-то прикосновение и обернулась. Банщица жестом указала на стол, и она послушно легла. Мысль о том, что кто-то чужой будет дотрагиваться до самых потаенных уголков тела, никак не способствовала расслаблению. Агата со вздохом закрыла глаза и приготовилась терпеть, однако прикосновение душистой теплой мочалки оказалось на удивление приятным. Банщица методично прорабатывала все тело, начиная со ступней. К тому времени как она добралась до колен, Агата впала в сладкую дрему. Даже не хотелось идти отмокать в горячую ванну. Последовавший за этим массаж подействовал еще более усыпляюще. Теперь она легла на живот, чувствуя, как теплая струйка масла стекает на спину. И вновь сильные умелые руки занялись делом, разминая узлы напряжения во всем теле.

– Пора! – ворвался в ее сны чей-то голос. Она была в саду, играла в крикет с Арчи и Розалиндой. Кого-то – не ее – звали со стороны дома. Тут появилась мать с ужасно сердитым лицом – что-то выговаривала, но слов не слышно...

– Просыпайтесь!

Агата очнулась, сиюсье разобраться, что перед ней. Чья-то пара ног... А, ноги принадлежат Кэтрин! Она села, потирая глаза и уже не стыдясь наготы.

– Нам пора двигаться, если хотим успеть за покупками. – Кэтрин улыбнулась. – Ну как, понравилось?

Агата кивнула.

– Будто заново родилась.

Эти банальные слова вдруг поразили ее своей неожиданной глубиной. Казалось, вместе с потом и сажей с нее сошла вся горечь последних двух лет. Не навсегда, конечно же – вернется столь же неумолимо, как и грязь

под ногтями. И все-таки она будет нежиться в этом моменте, пока возможно. Агата уже и не помнила, когда последний раз чувствовала себя так спокойно, так свободно...

Глава 12

Дамаск – Багдад

На базаре Сук Аль-Харир Агата купила отрез белого шелка, расшитого темно-синими узорами – отослать домой сестре – и пару кожаных туфель, украшенных золотом, для Шарлотты. Еще она заметила куклу в красном одеянии и головном уборе сирийской невесты для Розалинды.

Нэнси и Кэтрин задержались у прилавка с готовой одеждой.

– Я бы тоже хотела ходить в парандже, – завистливо сказала Нэнси. – Представьте, какая экономия времени: не нужно беспокоиться ни о прическе, ни о макияже.

– Ну конечно, можно и так посмотреть, – откликнулась Кэтрин. – Хотя вообще это в корне неправильно – заставлять женщин закрываться, когда мужчины одеваются как им заблагорассудится.

– Да, разумеется, вы правы. И все-таки – если женщина сама хочет, тут есть некоторые преимущества...

– Вы же не собираетесь и вправду покупать себе паранджу? – спросила Агата, задумчиво поглаживая шаль из сиреневого кашемира.

– Нет, но мне ужасно понравилось вот это платье. – Она указала на длинное одеяние из светло-зеленого шелка с серебристой отделкой на воротнике.

– Вам пойдет, – заметила Кэтрин. – Почему бы не взять?

– Не стоит. – Нэнси покосилась на Агату. – Разве что купить отрез и попробовать смастерить что-нибудь подобное.

Кэтрин глянула на часы.

– Только не тяните – до отправления всего час.

– По-моему, я видела что-то похожего цвета вон там. – Агата указала на прилавок. – Пойдем глянем?

Пятнадцать минут спустя они присоединились к Кэтрин в кафе на открытой веранде на краю базара. Она уже заказала на всех, и не успели дамы усесться, как им принесли огромную тарелку еды.

– Это на всех, – пояснила Кэтрин. – Тут фалафель^[26], табуле^[27] и баба гануш^[28].

Агата ни разу не слышала о таких блюдах. Пока они ели, Кэтрин

перечисляла ингредиенты: бобы, мята, помидоры, баклажаны, дробленая пшеница, кедровые орехи, черешня, фарш из ягнятины. Когда тарелка опустела, она поманила официанта и сказала что-то по-арабски.

– Я заказала на десерт фирменное блюдо – розовую воду и миндальное мороженое с фисташками.

Перед мысленным взором Агаты вдруг предстал Макс, слизывающий каплю *crema dei Dogi* с уголка рта. Где он сейчас? Наверное, где-нибудь в Средиземном море, ближе к Азии.

И снова в голове зазвучали слова предостережения: «*Опутывает тебя чарами, оглянуться не успеешь, как становишься ее рабом...*» Агата бросила взгляд на Кэтрин, которая в этот момент пыталась привлечь внимание официанта. Сегодня они безропотно подчинялись ее планам и командам, так что да – она действительно опутывает чарами, но приятными. Верблюды, массаж, базар, еда... Агата улыбнулась про себя – этот день она запомнит навсегда.

* * *

Пассажиров «Таврского экспресса» ожидала группа автобусов. Заправляли всем братья Нэрны, австралийцы по происхождению. Один из них одобрительно оглядел Кэтрин с головы до ног; в уголках ясных голубых глаз прятались морщинки, выделяющиеся на фоне загорелой кожи.

– Нам нужны места впереди, – твердо заявила Кэтрин. – Моя подруга плохо переносит дорогу.

Она оглянулась через плечо на Агату, которая внимательно слушала Нэнси и чему-то хмурилась.

– Места уже забронированы, – ответил австралиец.

– Так разбронируйте! – Кэтрин сунула ему билеты. – Иначе вам придется отмывать салон!

Он наклонил голову, изучая билеты.

– Постараюсь что-нибудь придумать, мисс...

– Миссис. – Кэтрин величаво кивнула. – Благодарю, мистер Нэрн.

Ее губы раздвинулись, обнажая превосходные зубы. Она повернулась, чувствуя на себе его взгляд.

– Зовите меня просто Джим!

Агата с Нэнси встретили ее с волнением.

– Все в порядке, – успокоила их Кэтрин. – Можно не беспокоиться.

– Это хорошо. – Агата бросила взгляд на ближайший автобус. – Мы видели, как один из водителей пронес в салон ружья. Они были замотаны в одеяло, но дула торчали наружу.

– Ничего особенного, стандартные меры предосторожности. Я бы остереглась пересекать пустыню без оружия. Пойдемте!

Трех арабов в парандже прогнали в заднюю часть автобуса. Одна из них везла в корзинке живых цыплят; те тоже протестующе заверещали.

– Ужасно стыдно занимать чужие места, – сокрушалась Агата.

– Да бросьте! – Кэтрин плюхнулась на сиденье у окна. – Они к этому привыкли, а вы – нет. Им самим вряд ли понравится, если вас стошнит посреди девятнадцатичасового перехода, особенно в такую жару.

Десять минут спустя автобус уже ехал мимо фруктовых садов и финиковых пальм, которые мало-помалу уступили место бесплодной пустыне. Однообразие пейзажей оказывало гипнотический эффект, и вскоре Нэнси с Агатой задремали.

Кэтрин покосилась на спящие лица – ей тоже хотелось забыться сном. Меньше чем через сорок часов она будет стоять у алтаря англиканской церкви в Багдаде. Кэтрин представила, как Леонард стоит рядом, улыбается ей, поворачивается, чтобы поцеловать... При мысли об этом кровь застыла в жилах.

Ей вдруг отчаянно захотелось излить душу, высказать все страхи, накопившиеся за время пути. Кэтрин снова глянула на спящих женщин. Наверняка вымотались оттого, что сидели с ней прошлую ночь.

Что-то изменилось в этой поездке. Началось, пожалуй, с наводнения, когда все они собрались ночью в одном купе. А потом Кэтрин заболела, и между женщинами возникла особая связь; теперь они – не просто попутчицы. Ей так хотелось исповедаться...

Кэтрин мысленно оборвала себя на слове, которое протискивалось из дальнего угла сознания.

Друзьям.

Она привыкла считать себя женщиной, у которой нет друзей. Во всяком случае, друзей женского пола. Если бы кто-нибудь попросил ее составить список самых близких людей, первыми на ум пришли бы мужчины с раскопок. Конечно, есть еще сестра, в Норфолке живет, но они никогда не были особенно близки. Не настолько, чтобы рассказать о смерти Бертрама. Не настолько, чтобы рассказать о... чем? Даже слов таких нет. Доктор что-то плел про врожденную нечувствительность к гормонам и никак не мог дать определение состоянию, которое свело Бертрама в преждевременную могилу.

Кэтрин перевела взгляд за окно: кругом лишь небо и песок. Здесь легко потеряться, несмотря на кажущуюся открытость. В полдень совершенно невозможно определить, куда ты идешь – на север или на запад; иногда автобусы сворачивали не туда, путаясь в лабиринте дорог.

Не про тебя ли это?

Она до сих пор хранила в себе голос Бертрама. Если бы только он рассказал ей сразу, поговорил бы с ней вместо того, чтобы броситься в ночь с оружием!

Ты вовсе не обязана...

– Но я хочу! – прошептала она своему отражению в оконном стекле. Если она сейчас откажется от брака с Леонардом, придется следующим же поездом возвращаться в Лондон. Причем не в Британский музей – для нее там работы не будет. Нет, надо будет навязывать свои услуги, отираясь в домах моды. Беда в том, что мир гламура, когда-то такой манящий, больше не привлекает. Просто невозможно вернуться к проймам, сумочкам и шляпкам после вступления в истинно мужской мир, мир затерянных цивилизаций и зарытых сокровищ.

Именно этого ей и хотелось – жить как мужчина.

Она приручила их всех – всех молодых людей, с которыми работала, а значит, и с Леонардом справится, если подойти к делу с умом. Несмотря на весь свой авторитет, в делах любовных он был новичком – уже судя по тому, что не протестовал против отмены первой брачной ночи. Она станет его дразнить, как дразнила Макса: мелькать перед ним, словно картина в художественной галерее – смотреть можно, трогать нельзя.

Сидящая рядом Нэнси пошевелилась во сне, вздрогнула, будто ей снился кошмар. Впрочем, неудивительно – с ее-то историей. Да и у Агаты не лучше: судя по газетам, еще не успели высохнуть чернила на постановлении о разводе с мужем, чья измена довела ее до нервного срыва. Ну и как теперь им рассказывать о предстоящей свадьбе? Начнут проявлять фальшивый энтузиазм, изо всех делать вид, что рады за нее. Потом начнутся расспросы: как все развивалось и тому подобное – чистая мука!

И все же Кэтрин поймала себя на мысли о том, что хочет пригласить подруг в церковь. Зачем? Для моральной поддержки? Теперь, перед неотвратимым событием, ей почему-то стало страшно.

Впереди показалась высокая песчаная дюна – как в окрестностях Каира. Примерно в это время, на закате, ее муж взобрался на пирамиду Хеопса и выстрелил в себя.

Она даже не видела его тела. Ужасные новости принес начальник Бертрама. Кэтрин хотела ехать в морг, но он отсоветовал. Будучи в

состоянии шока, она подчинилась, – а потом пожалела и долго мучила себя воображаемыми сценами его гибели. Дошло до того, что она боялась лечь спать.

При мысли о том, что ей придется повторять клятвы, данные Бертраму, Кэтрин охватила паника, захлестнули боль и чувство вины...

Послезавтра я выхожу замуж.

Как им сказать? У самого Багдада, в момент расставания? «Ой, кстати, я тут замуж выхожу – придете?» Зато не будет времени на расспросы.

* * *

Единственным ориентиром на всем протяжении пути между Дамаском и Багдадом была крепость Рутба. Автобусы подъехали к ней примерно к полуночи.

Агата проснулась и глянула в окно. Где-то в темноте мерцал слабый огонек – единственный признак жизни. Затем показались огромные деревянные ворота, по обеим сторонам которых стояли стражники в тропических шлемах и высоких кожаных ботинках с поднятыми ружьями. Они по очереди заходили в автобус, рассматривая пассажиров со свирепым выражением лица.

– «Верблюжьей войска», – прошептала Кэтрин. – Ищут бандитов, маскирующихся под приличных путешественников.

Наконец досмотр завершился, автобусам позволили проехать в крепость, и ворота за ними вновь закрылись. Затем появился Джим Нэрн с мегафоном.

– Небольшая остановка на три часа, – объявил он. – Места у них немного, но если вы не против потесниться, кое-какие кровати найдутся.

На деле оказалось еще теснее. Кэтрин, Агату и Нэнси провели в комнатку без окон с кирпичными стенами. Единственной мебелью служила пара двуспальных кроватей. Пока женщины решали, кто где спит, в комнату запустили еще трех арабов в парандже.

– Повезло еще, что мы все стройные! – Кэтрин хлопнула по матрасу, стряхивая на пол песок. – Ну кто будет «свинкой посерединке»?^[29]

– Может, пальто не снимать? – Нэнси осторожно уселась на кровать. – Фу! Это что, таракан?

Она указала на темную точку, ползущую по стене.

– А вон еще один! – Агата задрала голову к потолку, где тускло светила

голая лампочка.

На другом конце комнаты послышалось шуршание, и вперед вышла одна из арабок, держа в руке небольшую жестянку.

– Не бояться, – сказала она. – У меня огонь.

– Что она делает? – Нэнси с любопытством вытянула шею, наблюдая за тем, как та чиркает спичкой.

– Поджигает семена индийского тмина, – объяснила Кэтрин. – Чувствуете, чем пахнет?

Дымок из жестянки постепенно распространялся по комнате.

– Похоже на розмарин или чабрец...

– Здесь его используют, чтобы отпугнуть насекомых. – Кэтрин кивнула, улыбаясь женщине, которая поставила жестянку на пол между кроватями. – Очень эффективный метод, жаль, я не догадалась взять в поезд.

Дым поднимался к потолку, а тараканы поспешно скрывались в дыре за плинтусом, которую другая арабка находчиво загородила чемоданом, после чего все устроились на ночь.

Кэтрин закрыла глаза, однако сон не шел. Рядом лежала Нэнси; сквозь тонкую ткань пальто ощущалось тепло ее тела. Судя по дыханию, остальные спали. По другую сторону комнаты храпела арабка.

Оставалась всего одна ночь свободы.

Кэтрин попыталась представить, что рядом лежит не Нэнси, а Леонард, и рефлекторно съежилась. Не то чтобы он ей не нравился... Не красавец, конечно; не чета Бертраму, который вскружил ей голову с первого взгляда. Но даже если бы Леонард был самым прекрасным мужчиной на свете, это ничего бы не изменило – она все равно боялась бы...

Нэнси перевернулась на другой бок.

– Кэтрин, вы не спите? – прошептала девушка.

– Нет. Никак не заснуть.

– Мне тоже. Скорей бы утро. Здесь как-то неуютно. Если даже я и засну, обязательно будут сниться кошмары, да?

Кэтрин ужасно захотелось выложить все разом. Тайна цеплялась к ней, неотвязная, словно запах горящих семян у кровати. Если вышептать ее сейчас, в темноту, что-нибудь изменится? Станет легче? Ни Нэнси, ни кто-либо другой ничем помочь не в состоянии; лучше хранить свой секрет молча, поддерживать имидж деловой женщины, которая живет как хочет и никого не боится.

– Ночные кошмары не так страшны, как этот жуткий храп, – пошутила она. – Похоже на верблюда Мэри.

Нэнси захихикала в темноте.

– Я рада, что вы не спите. Так жутко, когда лежишь ночью одна, правда?

* * *

Было еще темно, когда Джим Нэрн забарабанил в двери. Люди выползали во двор, как сонные мухи, и молча плелись в автобус. Через час на востоке забрезжил первый луч. Когда горизонт из серого превратился в абрикосовый, автобусы вдруг остановились. Агата вглядывалась в окно мутными со сна глазами. Группа мужчин в традиционных арабских одеждах устанавливала примусы и доставала из плетеных корзин медные сковороды. Потом – к ее удивлению – на свет появились крупные связки сосисок.

Джим Нэрн, до противного бодрый – хотя вряд ли он успел выспаться, – созвал пассажиров на выход.

– Завтракать! – рявкнул он в мегафон. – Выстраивайтесь в очередь перед автобусом!

В воздухе пахло мясом, над кастрюлями поднимался пар. Агата стала в очередь и вскоре получила лепешку с завернутой в нее колбаской. Запивать все это полагалось кружкой горячего сладкого чая.

Агата села на песок, скрестив ноги по-турецки, и вгрызлась в лепешку. Завтрак показался ей самой вкусной едой на свете. Было что-то волшебное в атмосфере пустыни на рассвете: бледно-розовые, коралловые, голубые краски, прохладный свежий воздух. Внезапно прежняя жизнь в Англии показалась мелкой и незначительной... Вот о чем она мечтала! Здесь, на этой бесплодной земле, она была по-настоящему оторвана от всего бренного. Утренняя тишина, восход солнца, песок вместо сиденья, вкус сосисок и чая...

Когда пришло время отъезжать, арабы погрузили свою походную кухню на спины верблюдов и исчезли за гребнем песчаной дюны.

– Кочевники-бедуины, – пояснила Кэтрин. – Вы их еще увидите, когда приедете на раскопки. – Она повернулась к Нэнси, сидящей через проход. – Вы ведь тоже приедете к нам?

– Ну я... – Нэнси нерешительно переводила взгляд с Кэтрин на Агату, словно спрашивая разрешения.

– Можем поехать вместе, – предложила Агата. – А далеко это от

Багдада?

– Прилично – около двенадцати часов поездом, зато по пути можно осматривать разные интересные места. Например, можно остановиться на день в Кербеле или Ухайдире. Мы разместим вас в пристройке, вам понравится. Мальчики будут в восторге!

– Звучит заманчиво... Вы очень добры!

Крик в передней части автобуса заставил всех вздрогнуть. Водитель неожиданно свернул влево, и вскоре они увидели причину: посреди колеи стоял грузовик, из окон торчали ружейные дула.

– Бандиты! – прошипела Кэтрин. – Не волнуйтесь, они за нами не поедут – ждут проходящих караванов.

– Тех кочевников, что готовили нам завтрак? – нахмурилась Нэнси.

– Нет, те уже далеко. Будут другие – купцы, возвращающиеся из Дамаска, вот кого они ждут.

После нескольких миль тряски на ухабах автобус снова вернулся на колею. Около десяти утра Агата заметила на горизонте купол и минареты, мерцающие в жарком воздухе пустыни.

– Это Фаллуджа, – пояснила Кэтрин. – Сейчас увидите Евфрат.

На въезде в город пришлось ехать по мосту, сделанному из лодок. Автобус угрожающе раскачивался, и Агата ощутила приступ тошноты; к счастью, на твердой земле недомогание быстро прошло. Затем потянулись пальмовые рощи, и вскоре слева показались золотые купола еще одной, более крупной мечети; Кэтрин сказала, что это Кадимия.

– Скоро подъедем к Тигру, – пообещала она. – До Багдада всего несколько миль.

Наконец-то выехали на приличную дорогу с рядами пальм по обеим сторонам. В лужах воды бродили стада буйволов. Неожиданно рядом выросли дома и сады, полные цветов. Агата заметила теннисные корты, на которых прыгали молодые люди европейского вида.

– Добро пожаловать на территорию мемсаиб, – усмехнулась Кэтрин. – Это Альвия, модный пригород. На вашем месте я бы его избегала.

Мало-помалу теннисные корты и опрятные сады уступили место трущобам. Хибары, сложенные из бензиновых канистр, окружали широкое огороженное пастбище, полное буйволов. В салон проник запах навоза, и все зажали носы.

– Город Буйволов. – Кэтрин указала на пару женщин, шлепающих в грязи; улыбаясь, они бросали корм в лохань. – Похоже на трущобы, хотя на самом деле эти люди довольно богаты по местным меркам: буйвол стоит не меньше сотни фунтов. Видите, какие у них браслеты на ногах?

Женщины побрели назад. Действительно, на лодыжках блеснуло что-то серебряное. На руках у каждой болталась куча браслетов: цепочки из серебра, отделанные бусинками из лазурита, нефрита и янтаря.

Город Буйволов располагался на берегах реки Тигр, которую пересекал очередной мост из лодок – не такой длинный, как первый. Вскоре, въехав в Багдад, они направились к величественной мечети с куполами цвета бирюзы. Там автобус остановился, и Агата вдруг поняла, что пятидневное путешествие закончилось: она прибыла в гостиницу «Тигрис палас».

Пока водитель выгружал багаж Агаты и Нэнси, Кэтрин вышла попрощаться.

– Хочу дать вам пару советов на всякий случай. Когда пойдете за покупками, помните: на Ближнем Востоке все не так, как кажется. Если человек яростно машет на вас, то на самом деле приглашает подойти, а если манит, то, наоборот, гонит прочь. Если хотите, чтобы вас услышали, нужно кричать – так здесь принято. Будете разговаривать обычным голосом, на вас не обратят внимания – подумают, что вы просто бормочете себе под нос.

– А вы где будете жить? – спросила Нэнси.

– На другом конце города, в гостевом доме. Леонард не любит тратиться на жилье. – Кэтрин драматически закатила глаза. – Прошу прощения: звучит, пожалуй, слишком осуждающе.

Она помедлила – лишь на секунду.

– Кстати, мы завтра венчаемся. Я и Леонард то есть. Придете?

Глава 13

Багдад

Интересно, проживает ли здесь еще кто-нибудь, думала Нэнси, проходя мимо пустынного холла гостиницы «Тигрис палас». Чай подавали в прохладном внутреннем дворике; прислуживал официант в униформе, вполне годящейся для фешенебельного отеля.

– Почему же она не сказала нам раньше? – продолжила разговор Нэнси, раскладывая на коленях салфетку.

– Не хотела лишней суеты? – предположила Агата, пока официант наливал чай. – Все-таки второй брак.

– Все равно могла бы упомянуть. Может, сомневается?

– Наверное, обдумывала во время путешествия, пыталась определиться...

– У меня такое было наутро после того, как Феликс сделал предложение. – Нэнси потянулась за сэндвичем. – Я рассказала отцу – тот был в восторге, – а сама смотрела в окно на проклюнувшиеся почки и думала о том, что замужество похоже на эти листики, такие нежные, бледные... не знаю, незащищенные, что ли... Вот они распустятся, и все – назад дороги нет. А вдруг гроза или мороз?

– Вы хорошо знали Феликса?

– Не особенно. Видела его несколько раз в гостях под Рождество. А потом он пришел на костюмированную вечеринку, которую устроила моя одноклассница. Когда я приехала, все уже изрядно напилось. Феликс был в костюме Зорро – вылитый Дуглас Фэрбенкс^[30] в красном плаще и черной шляпе. Позже я узнала, что до моего приезда он успел сделать предложение нескольким девушкам. – Нэнси покачала головой. – Думаю, он все отменил бы, но отец поместил объявление в «Таймс», отступить было некуда, и через полтора месяца мы поженились.

Агата взяла чайник и долила чаю Нэнси, потом себе.

– Брак – всегда прыжок в неизвестность, даже если знаешь человека вдоль и поперек. Иногда получается. И все же я сомневаюсь, что на свете много по-настоящему счастливых браков.

Нэнси наблюдала за бабочкой – красные, белые и черные полосы,

словно флаг – на стене над головой Агаты.

– Помните, в поезде вы упомянули, что ваш муж был влюблен в другую? Он ее бросил?

Агата уставилась в свою чашку.

– Он... Мы... мы больше не вместе.

– Ох, простите! Не следовало спрашивать.

Агата протяжно вздохнула.

– Мне очень тяжело об этом говорить, даже сейчас. Стыдно признаться, но я намекнула Кэтрин, что мужа убили на войне.

– Что ж, вас можно понять. И потом, судя по вашим рассказам той ночью, вашей вины тут совсем нет, – заключила Нэнси, откусывая сэндвич.

– Беда в том, что люди всегда назначают виноватой женщину – значит, плохо старалась. А если есть ребенок, то вообще, считай, пропала в глазах общества.

Почему-то сэндвич во рту превратился в опилки. Что она скажет своему малышу, когда тот подрастет и поймет, что папа не выполнил обещания?

«Просто подожди пару-тройку месяцев, не высовывайся...»

И вот она здесь, в чужом городе, на другом конце света, зависит от женщины, которую едва знает и которая наверняка содрогнется в отвращении, когда правда выйдет наружу... Как, ради всего святого, продержаться несколько недель – не говоря уж о месяцах?

* * *

На следующее утро Агата проснулась рано и не сразу вспомнила, где находится. Вчера она рухнула в постель около шести вечера и проспала добрых двенадцать часов.

Какое-то время Агата лежала неподвижно, впервые за неделю наслаждаясь роскошью настоящей постели, затем встала и подошла к окну, выходящему на маленький балкон. Внизу пролегла улица Аль-Рашид – главная транспортная артерия города, полная народу. Почти все прохожие были в национальном одеянии, хотя изредка попадались и европейские костюмы. Большинство шло пешком, некоторые ехали на повозках, запряженных мулами или лошадьми. Мимо протарахтел древнего вида автобус, который тянула упряжка мулов, со спиральной лесенкой в задней части и кучей народу сверху. Видимо, так выглядит утренний час пик.

В тени навеса через дорогу мужчина в тюрбане продавал еду на самодельном прилавке. Позади него еще один подбрасывал на решетке ломти чего-то похожего на баклажаны, пока третий укладывал в лепешки салат и поливал каким-то белым соусом. У прилавка в ожидании толпились арабы, болтали и сплевывали на тротуар. Запах поднимался вверх, и Агата вдруг поняла, что ужасно проголодалась.

Они с Нэнси условились встретиться за завтраком в половине девятого. Свадьба была намечена на десять, а потом каждая отправлялась по своим делам: Агата – на поиски жилья, Нэнси – в британское консульство, узнавать, что же случилось с кузиной.

Интересно, как себя чувствует Кэтрин в утро венчания? Сама Агата испытывала смешанные чувства: чужая свадьба – болезненное напоминание, которого она так стремилась избежать. Через три дня свадьба Арчи...

Отбросив ненужные мысли, она занялась подбором наряда, подходящего для венчания в жару под девяносто градусов Фаренгейта. В итоге остановила выбор на платье из сиреневого шелка с отделкой из кремовых розочек у воротника, а к нему – новая соломенная шляпка-клош, купленная в «Хэрродз»^[31]. Вынимая ее из картонки, Агата некстати вспомнила разговор с продавщицей, которая подробно объясняла значение разных типов ленточек.

– Последний писк моды, – объявила девушка, протягивая руку к безглазым болванкам. – Форма ленточки означает, что владелец одинок, но сердце его уже занято.

По выражению лица Агаты было видно, что номер не прошел.

– Или вот, взгляните! – Продавщица указала на сложный шелковый узел лилового оттенка. – Эта означает, что вы замужем.

Ее улыбка была встречена еще более хмурым выражением лица.

– Может, эта подойдет? – Девушка достала шляпку с пышным бантом, вишневым в белый горох. – Подразумевает, что вы свободны и заинтересованы...

– Мне бы что-нибудь попроще. – Раскрасневшаяся Агата взяла шляпку с узкой кремовой ленточкой и единственной пуговкой из перламутра. Если в ней и зашифрован тайный смысл, знать об этом совершенно не хотелось.

Воспоминания прервал резкий стук в дверь. Агата глянула на часы: чай заказан к половине восьмого, а сейчас только семь. Решив, что это Нэнси, она пошла открывать. К ее удивлению, на пороге стояла Кэтрин.

– Простите, что беспокою так рано. – Она выглядела взволнованной, гладкая кожа на лбу собралась в морщины. – У нас проблема: Макс с

Майклом застряли в Бейруте – какие-то неполадки с судном, которое везло наши припасы. В общем, у нас нет свидетелей на свадьбу, и я подумала – может, вы с Нэнси окажете нам честь?

– Э-э... я... – Агата запнулась. – Надо будет расписаться в книге регистрации?

Только сейчас до нее дошла вся серьезность ситуации: ведь это означает, что ее инкогнито раскроется! Нельзя использовать фальшивое имя на брачном сертификате – это сделает его недействительным, и свадьба превратится в фарс. По сути, Кэтрин и Леонард Вулли будут жить во грехе!

– Я... я не уверена...

Какое извинение придумать?

– Вам не нужно больше притворяться. – Кэтрин шагнула вперед и положила руку ей на плечо. – Я знаю, кто вы.

Под ее пристальным взглядом Агата съежилась. Знает... Наверняка догадалась в первый же день.

Перед глазами замелькали картинки из путешествия. Сколько раз она замечала эту загадочную улыбку Моны Лизы! «А других очков у вас нет? Эти вам ну совсем не идут!» Небось всю дорогу посмеивалась про себя.

– Вы уже не в поезде... – Кэтрин перешла на мягкий шепот. – Никто не будет показывать пальцем.

Агата перевела дыхание; казалось, губы склеились между собой.

– Когда вы поняли?

– Когда увидела вас без очков. Вы спали, и я поднесла вашу книгу к лицу, сличая с фотографией на обложке. У меня и до этого возникали подозрения. Так и подмывало спросить, но не хотелось ставить вас в неловкое положение.

Агата отвернулась, качая головой.

– Глупо было надеяться, что можно сбежать. Просто...

– Не нужно ничего объяснять, я все понимаю – читала в газетах. – Пауза. – Если честно, я знаю, что это такое – когда твою жизнь выставляют на всеобщее обозрение.

– Правда?

Кэтрин кивнула.

– Я тоже была не совсем искренна. Когда я сказала, что мой муж погиб на войне, я слукавила. Это неправда: он покончил с собой через полгода после свадьбы.

– Ох, мне так жаль! Я...

Кэтрин протестующе подняла руку.

– Не надо ничего говорить. Просто поддержите меня сейчас, хорошо?

– Да, конечно!

* * *

Скромную церковь святого Георга на Хайфа-стрит заслоняли нависающие минареты мечети Абу Ханифа, и все же, когда они с Нэнси вслед за Кэтрин вошли внутрь, на Агату снизошло чувство успокоения.

– Не стоит ее посвящать – не сейчас, – посоветовала Кэтрин, уходя из отеля. – Я попрошу ее подписать первой, и она ничего не увидит.

Агате стало ужасно стыдно, когда Нэнси приветствовала ее обычным «Доброе утро, Мэри»; она почувствовала себя лицемерной притворщицей. Однако объяснять причины, по которым она решила скрыть свою настоящую фамилию и окончательно запуталась в паутине лжи, действительно было не ко времени, поэтому Агата нарочно увела разговор в сторону. Сообщив новости об их предстоящей роли на венчании, она принялась болтать об аренде дома, отвлекаясь на яйца с беконом и тосты.

Кэтрин приехала за ними в экипаже, запряженном лошадьми. Выглядела она потрясающе: кремовый костюм от Шанель с черным кантом, двойная нитка жемчуга и кремовая шляпка, украшенная шелковым цветком. Рядом на сиденье лежал скромный букет лилий.

До церкви добрались всего за десять минут, несмотря на то, что путь преградил погонщик с двумя буйволами. Кэтрин только рассмеялась.

– О боже! – заволновалась Нэнси. – А вдруг мы опоздаем?

– Это привилегия невесты, – ответила Кэтрин. – Так или иначе, Леонард никуда не денется: у меня ключи от нашего грузовика.

Когда экипаж подъехал к церкви, Кэтрин притихла. Агата заметила, что у нее слегка дрожат руки.

– Как вы себя чувствуете? – прошептала Агата, принимая у нее букет. – Волнуетесь?

Кэтрин не успела ответить: откуда-то из темноты вынырнул мужчина с рыжими усами.

– Привет, старушка!

– Майкл! Вы все-таки добрались!

– А что? – Он ухмыльнулся, обнажив золотой зуб. – Думала, мы тебя подведем?

– А Макс здесь?

– На переднем плане. – Большим пальцем Майкл указал в сторону

алтаря. – Ждет с кольцом наготове.

– Ну и... замечательно... – Кэтрин оглянулась через плечо на Агату с Нэнси, натянуто улыбаясь. – Значит, вы можете расслабиться. Майкл, позволь представить моих друзей...

В этот момент орган заиграл вступительные аккорды «Прибытия царицы Савской»^[32].

– Ох! Нет времени! – Подхватив Кэтрин под руку, Майкл повел ее к алтарю.

Агата с Нэнси пропустили их на приличное расстояние и чинно направились следом. По дороге Агата размышляла о причине столь странной перемены. Судя по выражению лица, Майкл явно принял ремарку Кэтрин за шутку. Вправду ли их задержали? А если Кэтрин специально все подстроила, чтобы вывести ее на чистую воду? Да ну, глупости! Излишнее самомнение с ее стороны – считать, что женщина накануне свадьбы станет думать о ком-то еще, кроме будущего мужа!

Агата присела на скамью за несколько рядов до алтаря. В этот момент Макс оглянулся и тихонько помахал ей рукой, улыбаясь.

Кэтрин подошла к алтарю, и Леонард повернулся ей навстречу. Агата сразу его узнала, даже в профиль: высокий покатый лоб, кустистые брови, длинная, диковатого вида борода. С этого расстояния он выглядел отцом Кэтрин.

Музыка умолкла, вперед выступил викарий, осенив брачующихся крестным знаменем.

– Возлюбленные братья и сестры! Сегодня мы собрались здесь, дабы сочетать этого мужчину и эту женщину священным браком...

Церковь была англиканская, однако напевный голос пастора выдавал в нем уроженца валлийских просторов.

– Леонард и Кэтрин... – Он посмотрел на каждого в отдельности. – Вы намерены дать обеты в присутствии Господа, судьи нашего, которому ведомы наши самые сокровенные тайны. Если кто-либо из вас знает причину, по которой вы не можете соединиться законным браком, вы должны объявить ее сейчас.

Воцарилась тишина. Краем глаза Агата заметила, что Макс опустил голову. Интересно, о чем он думает? Если между ним и Кэтрин что-то было, для него это венчание – сущая пытка.

Сокровенные тайны... Фраза эхом отдалась в голове. Наверняка каждый из шести присутствующих – включая викария – носит в себе как минимум одну тайну, которую никогда никому не расскажет.

Некоторые тайны можно открыть без особых последствий, другие же

способны разбить многие жизни. Этим утром раскрылись две: ее инкогнито (неприятно, но не конец света) и правда о смерти первого мужа Кэтрин. Интересно, почему Кэтрин решила раскрыть тайну именно сегодня? Ответная реакция на смущение Агаты? Или за ней кроется нечто большее?..

И все-таки почему он покончил с собой?

Чего хотела Кэтрин? Может, искала поддержки перед вступлением во второй брак?

«Зачем он ему сказал, дурак безмозглый! Такой шок...»

Судя по всему, та бредовая ночь скрывала в себе ключ к разгадке тайны, однако сегодня что-то удержало Кэтрин от признаний. Если она и пришла довериться новой подруге, то передумала.

– Леонард, берешь ли ты Кэтрин в законные жены? – Мелодичный голос викария нарушил тишину. – Обещаешь ли ты любить ее, заботиться о ней, почитать и беречь, хранить верность, пока смерть не разлучит вас?

Агату словно обожгло изнутри. Арчи нарушил все эти клятвы через несколько лет после свадьбы. На самом деле он любил ее лишь вначале, прежде чем жизнь испортила его идеальную картинку о браке. Когда же она действительно в нем нуждалась – во время беременности, напуганная и ранимая, или убитая горем после смерти матери, – его не было рядом. Он не любил ее, не берег и не заботился – наоборот, всегда ждал, что позаботятся о нем. Не выносил, когда кто-то болен или несчастен, ведь это нарушало его равновесие. А что касается почитания или хотя бы уважения... последние жалкие крупички развеялись, когда он влюбился в другую.

Слушая клятву Леонарда Вулли, Агата думала: вряд ли Арчи почувствует хоть малейшие угрызения совести, повторяя те же слова через несколько дней.

Она бросила взгляд на Нэнси: для той все происходящее наверняка не менее болезненно – а может, и более, ведь она сама была невестой лишь несколько месяцев назад. Нэнси смотрела прямо перед собой, мимо брачующихся, на витраж позади алтаря; выражение лица не поддавалось описанию.

Викарий повернулся к Кэтрин.

– Я, Кэтрин...

– Я, Кэтрин, беру тебя, Леонард, в законные мужья...

Голос у Кэтрин низкий и хриплый, словно со сна. Поля шляпы отбрасывают на лицо тень, трудно было понять, что она чувствует.

Вперед выступил Макс с кольцом. Викарий принял его и положил на

маленькую бархатную подушечку.

– Отец наш небесный, благослови эти кольца как символ вечной любви и верности Леонарда и Кэтрин, чтобы они помнили клятвы, данные друг другу перед лицом Господа нашего...

Викарий протянул подушечку Леонарду. Тот взял кольцо и долго пытался надеть на палец невесте. В конце концов она отняла руку и надела кольцо сама.

– Кэтрин, прими это кольцо как символ моей любви и верности... – С неловкой улыбкой Леонард снова взял ее за руку.

Агата невольно представила их в постели. Сама мысль об этом казалась странной, даже неприятной. Внутренний голос строго отчитал ее за предрассудки: хотя Леонард старше и не так привлекателен, как его жена, это вовсе не делает его негодным мужем. А если бы Кэтрин вышла за молодого и бесспорно красивого Макса, брак считался бы более приемлемым? К ее удивлению, эта идея понравилась ей еще меньше. С чего бы вдруг?..

Поток мыслей прервал пастор.

– Кэтрин и Леонард, властью, данной мне Богом, объявляю вас мужем и женой. Тех, кого соединил Господь, никто не в силах разлучить. – Пауза. – Можете поцеловать невесту.

Леонард наклонился к лицу новобрачной, однако поцеловать не посмел, словно боялся замарать ее безупречную кожу, затем взял ее под руку и повел на выход. Никто из них не улыбался. Он выглядел смущенным, а она... Агата никак не могла определить выражение лица Кэтрин. Смирение, решимость, тревога – вот что приходило на ум. Что-то подобное чувствовала она сама, когда ее вызвали в суд выслушать свидетельство фальшивой измены Арчи в отеле «Гроувенор». Да, пожалуй, Кэтрин выглядела как женщина, которой предстоит испытание.

Свидетели последовали за женихом и невестой, за ними Нэнси. Агата задержалась: ее вдруг нестерпимо потянуло остаться здесь хотя бы ненадолго. Она присела на скамью, не сводя глаз с витража: святой Георгий убивает дракона.

Прости...

То ли вырвалось шепотом, то ли прозвучало в голове?

Прости, что была недостаточно хорошей женой, что отняла у Розалинды отца...

Если бы она не поехала ухаживать за матерью, оставив Арчи одного в Лондоне... Если бы лучше следила за внешностью после рождения Розалинды... Может, тогда он не сбился бы с пути и не полюбил молодую

красивую женщину?

Она просила прощения у того, кто вряд ли прислушивался – или его вообще не было... И все же ей стало легче.

Наконец Агата вышла наружу. Нэнси стояла у экипажа с мужчинами, а Кэтрин болтала с викарием.

– А, вот вы где! – Кэтрин делано улыбнулась. – Боюсь, для празднования времени совсем не осталось.

Она удрученно развела руками, все еще держа свадебный букет.

– Нам нужно выезжать в Ур, открывать дом для членов команды. Макс остается здесь на пару дней заниматься продовольствием.

Кэтрин оглянулась через плечо на остальных.

– Ах да, я же вас так и не познакомила!

Взяв Агату за руку, она свела ее по ступенькам.

– Леонард, Майкл, Макс, позвольте представить: моя подруга Агата, Агата Кристи.

Глава 14

Джебель-Синджар

На следующий день Агата завтракала в одиночестве на террасе с видом на Тигр. Нэнси осталась в постели, отсыпаясь за бессонную ночь в поезде и долгий переезд через пустыню.

Вид на реку чем-то напомнил Венецию: выцветшие арабские лодки с высоким носом почти не отличались от гондол. Выше по течению показалась вереница плотов – Кэтрин называла их гуфами, – нагруженных дынями, цыплятами и мешками с зерном. Провожая их взглядом, Агата переживала события вчерашнего дня.

Она едва не провалилась сквозь землю, когда ее обман публично раскрыли. По пути в отель Нэнси уверяла, что нет ничего плохого в желании путешествовать инкогнито. Отчасти Агата даже испытывала облегчение, хотя у нее не было шанса объяснить все Макс – тот сразу уехал вместе с Кэтрин и Леонардом.

Поэтому, когда официант принес записку на подносе с кофе, она очень удивилась. Оказывается, Макс приехал в гостиницу и ждал ее в лобби.

– Попросите его присоединиться ко мне – здесь, – уточнила Агата, не вполне уверенная, что официант ее понял.

Намазывая джем на кусочек тоста, она подняла голову: в дверях стоял Макс, прикрывая глаза от солнца.

– Доброе утро!

Широко улыбаясь, он направился к ее столику, отклонив по пути сломанную ветку пальмы.

– Здравствуйте!

Агата попыталась прочесть выражение его лица. Макс улыбался, но как-то нервно, словно у него были плохие новости.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Не хотите ли кофе – или вы предпочитаете чай?

– От кофе не откажусь.

Агата налила кофе в пустую чашку, предназначенную для Нэнси.

– Молоко, сахар?

– Спасибо, не надо.

– Мне ужасно неловко, что я вас ввела в заблуждение в Венеции, –

начала она. – Понимаете...

Макс поднял руку.

– Прошу вас, не беспокойтесь! Представляю, как вам надоедают желающие пообщаться, когда хочется просто расслабиться на отдыхе.

– Вы очень добры. – Агата почувствовала, как напряжение спадает. – Берите тосты – тут слишком много для одного.

– Благодарю, миссис Кристи, я и вправду слегка проголодался. Еда у нас в пансионе так себе.

– Тогда налегайте. И зовите меня просто Агатой.

Как бы ей хотелось вернуться к девичьей фамилии! Кристи... Постоянное напоминание о том, чего больше нет. Что поделать – она получила известность с фамилией мужа, деваться некуда.

– Спасибо, Агата.

Макс слегка порозовел и, чтобы скрыть смущение, занялся тостом, щедро намазывая его маслом и джемом.

– Вы, наверное, гадаете, зачем я пришел, – произнес он, отложив нож. – Следующие несколько дней я проведу в Багдаде – занимаюсь провиантом для раскопок. И хочу пригласить вас и вашу подругу на экскурсию – если вам, конечно, интересно...

– Очень мило с вашей стороны.

Агате вдруг пришло в голову, что причина кроется в Нэнси: они с Максом почти одного возраста, к тому же девушка весьма хороша собой. Интересно, Кэтрин уже успела посвятить его в подробности ее несчастливого замужества?

– Знаете, я не уверена, что Нэнси готова к путешествиям. Она очень устала с дороги и отсыпается...

Агата внимательно наблюдала за лицом Макса. Если он и был разочарован, то вида не подал.

– А вы?

– А куда вы собираетесь?

– Я подумал, что вам будет интересно посмотреть на усыпальницу шейха Ади в Джебель-Синджар, недалеко от Мосула. Слышали о таком?

– Ну я слышала о езидах^[33] – вроде бы они поклонялись дьяволу?

– Так принято считать, но это не совсем верно. Центральным персонажем их религии является дух по имени Шайтан – очень похоже на Сатану из Библии, – однако ему вовсе не поклоняются, его просто боятся. Езиды верят, что Господь поставил его повелевать миром и что однажды на смену ему придет Иисус, а пока Шайтана нужно умиловить. – Макс откусил кусочек тоста и проглотил. – Очень славный, мирный народ, а

храм – одно из самых прекрасных мест на земле.

Пока Агата расспрашивала его о езидах, Макс успел прикончить все тосты. Перспектива путешествия в далекую северную Месопотамию казалась куда привлекательнее изначального плана с поиском жилья – подождет до завтра. Интересно, как отнесется к предложению Нэнси?

– Вы ничего не имеете против пеших прогулок? – уточнил Макс.

– Как, до самого Мосула?

– Да нет! – улыбнулся он. – Лишь последнюю пару миль до гробницы. Туда можно добраться только пешком или на лошади. Там довольно прохладно даже днем.

– Нет, я не против, хотя Нэнси, пожалуй, не выдержит такой дороги. Загляну к ней и сообщу, чтоб не волновалась. А как насчет обеда? Попросить администратора собрать нам корзинку?

– Нет нужды – купим что-нибудь по дороге, хотя термос с чаем не помешает.

Полчаса спустя отправились в путь. В Багдаде Макс пользовался стареньким черным «Остином» с пыльным ветровым стеклом и подвеской, изношенной от езды по неровным колеям.

Где-то на полпути остановились пообедать. Макс разложил на песке поеденный молью шотландский плед, пока Агата доставала термос и расставляла жестяные кружки. В нескольких метрах поодаль работала группа женщин: выкапывали корни, собирали какие-то листья. Яркоранжевые тюрбаны, зеленые и фиолетовые одеяния еще издали привлекали внимание.

– Это курдки, – пояснил Макс.

– Какие высокие! – удивилась Агата, наливая чай.

Женщины тоже их заметили и направились в их сторону, гордо подняв головы. Лица у них были бронзовые, с румянцем, и у всех почему-то голубые глаза. Подойдя ближе, они выкрикнули какое-то приветствие, затем одна из них что-то сказала Макс. Тот ответил, и все рассмеялись. Другая пощупала юбку Агаты, разглядывая ее с интересом. Они пощebetали между собой, улыбаясь и кивая, потом так же быстро развернулись и ушли в сторону голубых гор, покачиваясь на ходу, словно букет экзотических цветов.

– Что они сказали? – полюбопытствовала Агата.

– Так, проявляли дружелюбие. – Макс смахнул муху, присевшую на край чашки.

– Наверное, моя одежда показалась им странной?

– Да нет, дело не в этом...

На его лице снова появилось робкое выражение – как тогда, когда он просил ее не говорить Кэтрин о его присутствии.

– А в чем же? – настаивала Агата.

– Если уж вам очень интересно, они спрашивали, не моя ли это женщина.

– А... – Теперь настала очередь Агаты смущаться.

– Я им сказал, что мы просто друзья, – продолжал Макс, – а они ответили, что и так знают – если бы вы были моей женой, то не вы разливали бы чай.

– Почему? – удивилась Агата.

– Да курдки вообще странные... – Макс издал неопределенный горловой звук – не то смех, не то ворчание. – Арабы на раскопках вечно дразнят курдов за то, что жены ими командуют. Они тоже мусульмане, но курдку никогда не перепутаешь с арабкой. И дело не только в одежде. Арабки все скромные, робкие, глаза боятся поднять, а курдки, наоборот, уверены, что ни в чем не уступают мужчине. Спокойно могут подойти и заговорить даже с незнакомцем, а когда выходят замуж, женщина всегда главенствует в семье.

– Отлично! – улыбнулась Агата. – Где можно записаться?

– Интересно, что на это скажет мистер Кристи? – подколот Макс.

По лицу Агаты пробежала тень.

– Что такое? Я допустил бестактность?

Агата боялась поднять глаза. Неужели он и вправду не знает? Газет, что ли, не читал?

– Мы... разведены.

– Ох, простите ради бога, я вовсе не хотел...

– Ничего страшного. Про это писали в газетах, я думала – все знают.

– Вам, должно быть, очень тяжело...

– Приятного мало. – Агата разлила остаток чая. – Обо мне писали много гадостей. Если пресса не знает фактов, то начинает додумывать, а читатели принимают за чистую монету.

Макс кивнул.

– Я вроде бы припоминаю какой-то инцидент, связанный с вашей фамилией, но мне ничего конкретного на глаза не попадалось.

– Вам повезло. Одно время я мелькала на первых страницах; казалось, обо мне знает каждая собака. – Агата сделала паузу, соображая, насколько стоит открываться. – Однажды я не выдержала и уехала куда глаза глядят. Мне не приходило в голову, что это вызовет такую реакцию. Многие думали, я все затеяла ради рекламы.

– Когда это случилось?

– Почти два года назад, перед Рождеством в 1926 году.

– А, ну тогда понятно. Меня на тот момент не было в Англии. – Макс глотнул чаю и отставил кружку. – Мой близкий друг серьезно заболел, и семья отвезла его на Средиземное море в надежде, что ему станет лучше. Я поехал с ним, но... – Он рассеянно обводил пальцем дырку в одеяле. – Через несколько дней его не стало.

Агата чуть было не сболтнула, что уже знает об Эзми Говарде, однако решила пощадить чувства Макса и лишь мимолетно коснулась его руки.

– Наверное, это было ужасно...

– Да. – На мгновение Макс встретился с ней взглядом и тут же опустил глаза. – Я даже не представлял, насколько...

Воцарилась тишина, лишь ветер шевелил оберточную бумагу с остатками еды.

– Я понимаю, глупо сравнивать, – нарушила молчание Агата, – но я чувствовала то же самое, когда распался брак. Я была уверена, что мы вместе навсегда... Мир рухнул...

– Простите, что разворошил все это. Вы, наверное, приехали сюда отдохнуть и забыть о прошлом.

– Да, так и есть. – Агата выпрямилась с легким стоном. – Боже, до чего ноги затекли!

– Позвольте, я помогу. – Макс поднялся и подал ей руку. – Вам понравится следующая часть путешествия: с высотой пейзажи станут поживее.

Через несколько миль дорога пошла в гору. Они забирались все выше на холм, который видели на горизонте, мимо дубов и гранатов, вдоль горного ручья.

– Это Джебель-Синджар, гора езидов. – Макс опустил стекло и вдохнул свежий воздух. – Так уже лучше! Вам не холодно?

– Нет.

Агата высунула голову из окна. Воздух действительно оказался свежим и прохладным, с ноткой цитрусовых и чабреца. Миновали двух пешеходов; те повернулись и помахали в знак приветствия. Кожа у них была светлая, глаза ярко-синие, выражение лица мягкое, почти меланхоличное.

– Есть в них что-то невинное, правда? – заметил Макс. – Говорят, в этих местах человеческая натура столь чиста, что христианки могут купаться голыми в ручьях безо всякого страха.

– И что, прямо купаются?

– Не знаю, не видел – ни мужчин, ни женщин. Наверное, здешние байки.

Макс притормозил на обочине, выключил мотор и указал на белые шпильки, поднимающиеся над роццей.

– Смотрите!

Агата вышла из машины, закутавшись в шаль. Вскоре они уже шли мимо низких деревянных домиков, мимо белокурых светлоглазых детей, играющих снаружи. Агата улыбнулась детям, а те в ответ захихикали и стали показывать пальцем.

Наконец подошли к воротам храма. Войдя внутрь, Агата едва могла поверить, что они находятся на вершине горы, окруженной пустыней. Во дворе росли плодовые кусты и деревья, с которых в изобилии свисали персики, фиги и лимоны. Где-то журчала вода, навевая умиротворение. Подошла группа езидов с приветствиями. Вскоре они уже сидели на мягких коврах и потягивали чай из глиняных чашек.

– Как тут спокойно... – прошептала Агата, когда мужчины ушли.

– Нигде не испытывал ничего подобного, – кивнул Макс. – Сейчас зайдем на минутку внутрь. Храм совсем не похож на привычные церкви или мечети. Довольно зловещий на вид, но там с вами что-то происходит... Уходить не хочется.

Допив чай, они подошли ко входу в святилище. Агата сразу почувствовала, что имел в виду Макс: вход охраняло изображение огромной черной змеи, вырезанное в камне возле одной из колонн.

– У езидов змея священна, – пояснил Макс. – Они верят, что Ноев ковчег осел на горе Джебель-Синджар, и в днище образовалась дыра; тогда змея свернулась кольцами, заткнула дыру и спасла всех людей и животных ковчега.

Он нагнулся и развязал шнурки.

– Надо снять обувь. Когда будете входить, не наступите на порог: его нельзя касаться, можно лишь перешагивать. Да, и еще: старайтесь не показывать подошвы ступней – это считается худшим оскорблением.

Расстегивая туфли, Агата вспомнила амулет, который показывала им Кэтрин: змея, обернувшаяся вокруг пары ног. Странно, что эти символы фигурируют в другой религии, тысячи лет спустя после почитателей луны в Древней Месопотамии; еще более странно, что в обеих религиях змея выступает в качестве защитника, а не воплощения зла.

Внутри храма было темно и прохладно. К удивлению Агаты, журчание слышалось и здесь. Она спросила Макса, откуда доносится звук.

– Священный источник, – прошептал он. – Говорят, он течет до самой

Мекки. Видите вон там статую?

Постепенно глаза привыкли к темноте, и Агата заметила возле алтаря огромную фигуру павлина, поблескивающую в свете единственной свечи. Павлин был отлит из серебра, перья отделаны драгоценными камнями: изумруды, аметисты и ляпис-лазурь отбрасывали на каменные стены причудливые цветные отблески.

– Его приносят в храм во время празднеств, – продолжал Макс. – Это Павлиний Ангел, также известный как Люцифер, Сын Утра.

Пока Агата рассматривала ангела, справа от алтаря открылась дверь, и вошла группа мужчин в белых одеяниях. Вокруг запястий у них были повязаны колокольчики; звяканье причудливо сочеталось с журчанием ручья, и на секунду Агате показалось, что она находится на лугу в Швейцарских Альпах.

– Когда они сядут, мы тоже должны сесть, – прошептал Макс. – Вон туда, на подушки.

Довольно скоро Агата обнаружила, что сидеть со скрещенными ногами на полу, не показывая ступней, не так-то просто. В конце концов она сдалась и поджала ноги под себя. Интересно, почему езиды считают ноги неприемлемыми, хотя при этом – по словам Макса – не смущаются видом женской наготы?

Почему-то на ум пришла Кэтрин, вышедшая из кабинки в хамаме, несколько не смущенная, даже гордящаяся своим прекрасным телом.

Агата покосилась на Макса. Тот закрыл глаза: то ли молился, то ли медитировал. Вспомнились слова Кэтрин: на раскопках Макс каждое воскресенье ездит на мессу – двадцатимильное путешествие на муле через пустыню... Трудно поверить, что столь религиозный человек поддастся чарам такой женщины, как Кэтрин. С другой стороны, Леонард Вулли тоже верующий, однако же поддался...

Агата закрыла глаза и прислонилась к прохладной каменной стене. Вскоре она впала в легкое полузабытье; перед мысленным взором замелькали образы, точно снежинки в вихре. В какой-то момент ей даже почудилось, что она зависла над собственным телом и смотрит на него сверху вниз... Неожиданно в сознание проник голос Эркюля Пуаро. Слова прозвучали столь ясно и четко, как будто их произнес живой человек: «*Ma chérie*^[34], почему тебя так беспокоит сама мысль о том, что между ними может быть... *tendresse*?^[35]»

Звук гонга вывел ее из транса. Кто-то пронес мимо кадило, из которого валил едкий дым.

Макс открыл глаза и улыбнулся.

– Это сигнал: нам пора.

Агата с трудом поднялась: ноги затекли, и первые несколько шагов она хромала, словно древняя старуха. Макс шел впереди, по-кошачьи легкий и подвижный.

– Ну и как вам? – спросил он во дворе.

– Удивительно мило, совсем не то, чего ожидаешь от последователей Люцифера. Бывает, гуляешь где-нибудь на природе и случайно натыкаешься на особенные места: рощица, пронизанная солнцем, водопад в тайной долине... Возникает волшебное ощущение чего-то древнего, но хорошего, по-своему правильного, хоть и чувствуется связь с язычеством.

– Да, – откликнулся Макс. – Наверное, тоже святилища...

Они вышли из ворот и направились к машине.

– Знаете, а ведь это не просто храм, – сказал Макс. – Во время войны сюда прибыли сотни армянских беженцев, спасаясь от турок. Если бы езиды их не приняли...

Агата молча села в машину. Несмотря на безмятежную атмосферу храма – а может, и благодаря ей, – она чувствовала себя как-то неуверенно, некомфортно. В таких уединенных, мирных уголках вечно лезут в голову незваные мысли.

Ma chérie, почему тебя так беспокоит сама мысль о том, что между ними может быть... tendresse?

Отвечать на этот вопрос не хотелось.

Глава 15

Багдад, три дня спустя

Нэнси уехала с утра пораньше в британское консульство, и Агата снова завтракала на террасе в одиночестве. Вместе с кофе официант принес ей письмо. При виде крупного, старательного почерка сердце подпрыгнуло: от Розалинды.

«Дорогая мамочка!

Спасибо за письмо, которое ты послала, хотя оно было ужасно длинное. Мне очень жаль, что тебя тошнило на пароходе. Флору Петерсон вчера стошнило на географии – прямо на мою карту озера...»

Агата улыбнулась про себя, но тут ее кольнуло чувство вины: оказывается, Флора Петерсон быстро оправилась, когда за ней приехала мать и забрала ее на день: «...как мило она выглядела в новой шляпке, которую ей купила мама!» Чувство вины усилилось, когда она добралась до неожиданного конца:

«Я немножко устала писать тебе, так что теперь я напишу короткое письмо папе...»

В свои девять лет Розалинда могла быть беспощадно честной – в отца пошла. Вообще, в ней куда больше от Арчи, как в характере, так и во внешности: словно его черты наложились на личико фарфоровой куколки. Иногда Агата подозревала, что Розалинда больше любит папу, не зря они так похожи.

Она спрятала письмо в сумку. Арчи, будучи в Лондоне, наверняка уже получил свое. При мысли о нем в животе стало холодно и пусто: сегодня он женится на другой. Интересно, Розалинда его уже поздравила?

Агата рефлексивно глянула на часы, но тут же отвела глаза: ей совсем не хотелось знать, через сколько часов у дочери появится мачеха.

* * *

Нэнси шла мимо медных рядов. В полутемных нишах мелькали фигуры арабов с паяльными лампами, выплавляющих фантастические формы. Снаружи, на улице, были сложены в стопки готовые изделия на продажу: чайники, кастрюли и тарелки, блестящие на утреннем солнце. Чуть поодаль медные товары уступали место коврикам и попонам. Мимо протолкнулся мальчик, ведущий под уздцы мула. Животное было нагружено огромными тюками яркого хлопка. Нэнси отошла в сторонку, чтобы их пропустить, и тут ее пригвоздила к стене стайка ребят помладше с подносами на шеях.

– Смотрите, у меня булавки – хорошие, английские – и кнопки! – Ребенку было не больше пяти, в грязной рубашке с рваным подолом.

– Смотрите, хорошая резинка – годится для панталон!

Раздались взрывы смеха. Нэнси не смогла удержаться от улыбки. Кэтрин предупреждала ее насчет покупок у торговцев с рук: один раз дашь слабину, и все – налетят, словно мухи. Но как можно отказать, глядя в эти плутоватые личики с огромными черными глазами? Такие худенькие, все в лохмотьях... Она порылась в карманах, выуживая остатки мелочи: вчера утром обменяла двадцать фунтов на динары, отложив большую часть на оплату счета за номер. Агата щедро оплачивала все расходы на питание, однако гордость не позволяла Нэнси совсем уж садиться на шею.

Она разделила горсть монет между детьми, забрав пакет с булавками и резинку: пригодится, когда настанет пора шить себе одежду. Уже и выкройку подобрала к тому отрезу, что куплен на базаре в Дамаске. Как только съедут из отеля, можно будет распаковать швейную машинку и приступить. Агата присмотрела дом по вкусу; если повезет, завтра переедут.

Нэнси перешла по мосту через канал и повернула на Бэнкс-стрит; дети настырно шли за ней. Дважды она оборачивалась и шикала на них, пытаясь отогнать. Наконец они отвлеклись на блестящую машину, из которой вышла западная леди с собачкой под мышкой.

На улице было шумно, полно народа: крики лоточников, блеянье ослов, гортанные звуки прохожих, сплевывавших прямо на тротуар. В Багдаде все это в порядке вещей, никто совершенно не стеснялся, и Нэнси уже приучилась смотреть под ноги.

Она поспешила дальше: мимо портных, сидящих на полу по-турецки возле плакатов с изображением шикарных западных костюмов, мимо

прилавок с бархатом и вышитой парчой. Дорога уже стала привычной – это был ее третий визит в британское консульство, последняя отчаянная попытка навести справки о смерти Делии. В предыдущие разы от нее ловко отделялись вежливые безучастные клерки: удалось узнать лишь дату смерти, местоположение могилы на английском кладбище и тот факт, что она скончалась на квартире в Багдаде.

Агата посоветовала добиться аудиенции у самого главного в иерархии – генерального консула, даже предложила пойти с ней, однако Нэнси решила справиться с этим делом в одиночку. Теперь же она начала сомневаться в своем решении: Агата куда более уверена в себе, к тому же быстро соображает. Уж она-то не позволит никакому чиновнику, даже высокого ранга, себя запугать!

Подойдя к воротам, Нэнси позвонила. Ее молча впустили во внутренний двор и провели к двери с начищенной медной табличкой «Генеральный консул». Во рту пересохло. Дверь отворилась, и она увидела высокого мужчину с копной седых волос: он стоял спиной к ней и выглядывал из окна. Обернувшись на звук, консул пошел ей навстречу. Он походил на хищную птицу, готовую спланировать с неба: холодные голубые глаза, орлиный нос.

– Леди Нельсон? – Он пожал ее руку с такой силой, что чуть не переломал костей. – Садитесь, прошу вас. Примите мои искренние соболезнования. Мисс Грэнфилд была выдающимся членом нашей команды, ее очень не хватает.

– Благодарю вас...

В горле застрял ком. Нельзя плакать, не сейчас.

– Я... я только хотела узнать, что произошло. Никто так и не смог объяснить...

Консул сложил ладони вместе.

– К сожалению, обстоятельства смерти мисс Грэнфилд подпадают под действие Закона о государственной тайне, и я не вправе разглашать детали.

– Но вы же можете рассказать, как она умерла! От болезни или... – Нэнси запнулась, не в силах озвучить самые худшие опасения.

Консул уставился на нее не мигая. Гнетущее молчание нарушало лишь тиканье часов на каминной полке. Первым порывом было вскочить и убежать подальше от его пронизывающего взгляда, но она вспомнила наставления Агаты: не давайте себя запугивать, требуйте объяснения!

Нэнси сглотнула.

– Простите, это неприемлемо. Я должна выяснить хоть что-нибудь! Где ее личные вещи? У нее же оставались вещи в квартире – где они?

Консул едва заметно сжал челюсти.

– В квартире мисс Грэнфилд случился пожар. Боюсь, ничего не сохранилось.

– Пожар? Так она погибла на пожаре? Это был несчастный случай?

– Я не вправе вдаваться в подробности. – Он опустил глаза на лист бумаги, лежащий на столе. – Как я уже сказал, обстоятельства ее смерти не подлежат разглашению. А теперь прошу меня извинить.

Консул поднялся, явно желая поскорее от нее избавиться. Словно по волшебству сзади распахнулась дверь. Тот же самый человек вывел ее из здания. Две минуты спустя она оказалась на улице.

Возвращаясь в отель, Нэнси проклинала себя за слабость. Может, нужно было устроить сцену, разрыдаться, закричать, и он бы сдался? Ей захотелось расплакаться прямо посреди улицы. Только за воротами до нее окончательно дошел смысл его слов: пожар в квартире мисс Грэнфилд... Если это был несчастный случай, он бы сразу сказал. Что же произошло? Нэнси представила, как Делия просыпается в комнате, полной дыма, и не может выбраться... На минуту ей стало дурно, но тут на смену пришла другая, не менее жуткая мысль: кто-то убил Делию и поджег квартиру, чтобы замести следы...

Нэнси проталкивалась сквозь людские толпы на Бэнкс-стрит, стремясь поскорее добраться до отеля. Ей хотелось обсудить ситуацию с Агатой – та наверняка придумает, как быть. Они договорились встретиться за ланчем на террасе. Правда, при мысли о еде тошнило, но ведь есть вовсе не обязательно.

Когда Нэнси добралась до отеля, было уже пять минут второго – нет времени переодеваться. Проходя через холл, она увидела Агату, сидящую за дальним столиком.

– Добрый день. – Нэнси отодвинула стул. – Вы уже заказали?

Агата вздрогнула, словно ее вырвали из далекого мира грез. Лицо у нее было бледнее обычного, а глаза красные и опухшие – похоже, плакала. Едва Нэнси открыла рот, чтобы выяснить, в чем дело, как на террасе появился один из молодых людей со свадьбы.

– А, это Макс... – Агата поспешно заправила за ухо выбившуюся прядь волос.

Подойдя ближе, молодой человек оперся о спинку стула и улыбнулся.

– Извините, что помешал – вы собирались обедать?

– Присоединяйтесь к нам, – предложила Агата.

– Я бы с удовольствием, да времени нет: выезжаю в Ур. Кстати, миссис Вулли строго наказала не уезжать, не назначив четкую дату вашего

приезда.

Макс выжидательно переводил взгляд с Агаты на Нэнси. Те молчали.

– А чего вы такие хмурые? – спохватился он. – Случилось что-нибудь?

Нэнси догадалась, что Агата вряд ли захочет делиться переживаниями – по крайней мере, не перед Максом. Она и сама не собиралась рассказывать о встрече в консульстве, но тут решила прикрыть подругу.

– Да, печально... – вздохнул Макс, выслушав ее. – Что поделать, так здесь все устроено.

– Наверняка можно что-то выяснить! – Агата заметно оживилась, на ее лице появилось решительное выражение. – А если мы проведем частное расследование?

– Я бы не советовал. – Макс задумчиво потер подбородок. – Поймите, на данный момент сложилась крайне неблагоприятная ситуация, мы ходим по лезвию ножа. Британия пока удерживает контроль – в теории, но в реальности постоянно затеваются всевозможные интриги, чтобы нас выжить.

На долю секунды он встретился взглядом с Нэнси и вновь уставился на реку.

– Ваша кузина занималась опасным делом. Мне довелось с ней пересечься – правда, мельком, – когда она приезжала на раскопки. Меня впечатлил ее характер, ее решительность, но в то же время не покидала тревога о ее безопасности, учитывая, насколько сильны антибританские настроения.

– Значит, по-вашему, лучше ничего не предпринимать? – рассердилась Агата.

– К сожалению, да. Как я уже говорил, время сейчас опасное: грядут политические катаклизмы, и разумнее всего не вмешиваться.

Макс помедлил.

– Простите, что порчу впечатление... Здесь замечательно, правда, если никуда не лезть. Страна в переходном состоянии со всеми вытекающими последствиями, и все-таки вы непременно должны ее посмотреть. Так что, когда вы приедете в Ур? Мы о вас позаботимся, обещаю.

* * *

Макс оставил им расписание поездов и жестянку с вонючим желтым порошком от клопов, который нужно рассыпать по сиденью. Если бы он

осчастливил их этим подарком ранее, они, возможно, и передумали бы, но Агата уже пообещала приехать в начале декабря. Это было самое интересное место во всей Месопотамии, и ей хотелось приберечь его напоследок.

Сразу после ухода Макса подали ланч. Нэнси заказала салат; к ее удивлению, Агата попросила то же самое.

– Я думала, вы возьмете жареного ягненка, – удивилась Нэнси.

– Как вы хорошо меня знаете! – Агата потянулась за приправой. – Да, я люблю поесть.

– Только не сегодня?

Мимолетная пауза.

– Я... я не очень голодна.

Глаза Агаты заблестели, она склонилась над тарелкой, сосредоточенно намазывая масло на булочку словно художник, наносящий мазки на холст.

– Я сразу поняла – что-то не так, – продолжала Нэнси. – Может, расскажете и вам станет легче?

Агата отложила нож.

– Ничего особенного, правда! По сравнению с вашими проблемами...

– Непохоже. – Нэнси наклонилась через стол и взяла ее за руку. – Вы чем-то расстроены, даже плакали!

Агата кивнула, утерев непрошеную слезу салфеткой.

– Извините, – пробормотала она. – Просто Арчи – мой муж – сегодня женится...

– О господи, Агата! Почему же вы сразу не сказали? Неудивительно, что вы расстроены!

– Я думала, что справлюсь – уеду за тысячи миль, и станет легче. Я оставила часы в номере, чтобы не смотреть на время, чтобы не знать... – Она закусила губу. – Он женится на девушке, с которой был в ту ночь, когда я подъехала к карьеру. Я бы и не знала – мне дочь написала, она хотела быть подружкой невесты...

Нэнси вдруг похолодела. По сути, ей рассказали ее же собственную историю, только с другой стороны. Неподдельное горе Агаты пролило новый, безжалостный свет на письмо, в котором Нэнси умоляла своего любовника оставить жену и дочь и бежать с ней в Багдад. Нахлынуло непреодолимое чувство стыда: ведь она ни разу не подумала о той женщине, о том, какая жизнь ее ждет. Она вдруг поняла, что одиночество с маленьким ребенком ничуть не лучше одиночества в ожидании ребенка. Кто дал ей право рушить чужую жизнь?

Глава 16

Багдад – пять недель спустя

В первый день декабря Агата проснулась до рассвета. Из комнаты Нэнси не доносилось ни звука. Она на цыпочках прошла в кухню, поставила чайник и вытащила из холодильника абрикосовый джем. Времени в обрез – вскоре за ней приплывет лодка и отвезет в разрушенный город Селевкию.

В прошедшие недели Агата испытала мощный прилив творческой энергии. За время поездки – вплоть до свадьбы Арчи – она не могла написать ни слова, зато в тот же вечер плотину в голове буквально прорвало, и хлынул поток идей. Фрагменты увиденного, нечаянно подслушанные разговоры сами собой укладывались в некую схему. Вскоре Агата начала предпринимать однодневные вылазки в соседние города и городки и уже успела заполнить материалом три блокнота. Вырисовывались сюжетные линии для двух романов: в одном дело происходило в «Восточном экспрессе», в другом – в Багдаде.

Сегодня она собиралась посетить древнюю столицу Вавилона, построенную Александром Македонским, а на обратном пути заглянуть в Альвию. Собственно, не столько заглянуть, сколько проплыть насквозь, мимо садов и теннисных кортов, оставаясь при этом незамеченной.

Наскоро позавтракав, Агата схватила сумку и шаль и выскользнула на веранду. Еще не совсем рассвело, и она осторожно спустилась по лестнице, ведущей прямо в воду: ступеньки обрывались внезапно – если не побережься, свалишься в реку.

Долго ждать не пришлось: через пару минут на горизонте показалась гуфа. Конечно, это не круиз для высшего света: лодка была уставлена ящиками с фруктами, а единственное свободное место приходилось делить с козой, которая уже успела пометить территорию. Агата кое-как забралась в лодку, стараясь не наступать на катышки.

– Пожалиста, садись. – Сухонький араб указал ей на коврик, лежащий поверх мешка с зерном.

Агата устроилась поудобнее. Именно этого она и хотела: стать частью реки, как можно плотнее слиться с пейзажем.

На восточном берегу Тигра занималась алая полоска рассвета.

Приятно плыть по реке ранним утром, когда впереди целый день волнующих открытий. В эти последние недели она чувствовала себя счастливее, чем за многие годы. Мысль о том, что надо возвращаться в Лондон, вызывала смешанные чувства. Ужасно хотелось повидать Розалинду, но ведь потом дочь вернется в школу, и квартира в Челси будет холодной и пустой... Нет, не сегодня! Осталось еще три недели, и совсем скоро – волнующее путешествие в Ур.

Интересно, что сейчас делает Кэтрин? В письмах она рассказывала, как работает на раскопках наравне с мужчинами, а по вечерам зарисовывает находки; как все встают с рассветом и трудятся допоздна: Леонард редко ложится раньше двух ночи, ему хватает пары часов сна. Не самый лучший рецепт счастливой семейной жизни, отметила про себя Агата.

Каково ей по вечерам сидеть за столом с Леонардом и остальными мужчинами? Можно представить, какие мысли проносятся у них в голове, когда они провожают ее взглядами, зная, что муж засиделся в кабинете, поглощенный мертвыми экспонатами... А Кэтрин – молодая и цветущая – о чем думает она, раздеваясь, расчесывая волосы, ложась в холодную постель?

Агата невольно представила себе худшее: Макс, при всей своей прямоте и приверженности католической вере, безумно влюблен в жену босса. Как еще объяснить его уклончивость в поезде? Если бы Кэтрин вела себя раздражительно, ворчала, придиралась по пустякам, его можно было бы понять, так ведь она оказалась прекрасной спутницей – разве что слегка властной.

А с чего ты вообще о нем думаешь?

На этот раз голос принадлежал не Эркюлю Пуаро, а матери – у той всегда срабатывал врожденный инстинкт, когда дело касалось мужчин. Ей не нравился Арчи, хоть она и старалась это скрыть. Агата до сих пор помнила ее замечания после первого визита Арчи: «Он не слишком внимателен...», «По-моему, он довольно жестокий человек...» Как же она была права!..

Усилием воли Агата выбросила бывшего мужа из головы, достала из сумки блокнот и принялась записывать дорожные впечатления: как меняется цвет воды на рассвете, как цепляются за берега молочные завитки легкого тумана, как группа женщин идет через пальмовую рощу с корзинами белья на голове...

Оторвавшись от блокнота, она вдруг осознала, что ничего этого не увидела бы, оставшись замужем. Арчи заявлял, что налетался во время

войны и путешествовать уже неинтересно: куда приятнее в Лондоне или в Саннингдейле. Идея вылазки в древние руины Месопотамии его бы несколько не вдохновила: всю дорогу думал бы о гольфе.

Что ж, размышляла Агата, убирая блокнот, пожалуй, в одиночестве есть свои плюсы...

* * *

Первые лучи солнца проникли сквозь занавески. Нэнси разбудил резкий толчок под ребрами. Надо сказать, она уже привыкла к гимнастическим упражнениям малыша, но такое обычно происходило после еды, а не во сне.

Нэнси осторожно поднялась, натянула халат, который смастерила из остатков шелка, купленного в Дамаске: простенький фасон типа кимоно, мешковатый, чтобы скрыть живот. Кроме того, она сшила три платья в арабском стиле, тоже просторные.

Если Агата и удивлялась смене гардероба, то вслух никак не комментировала. Она и сама пристрастилась к длинным широким одеждам, да еще и голову покрывала, когда выходила за продуктами или на экскурсию. Нэнси подозревала, что отчасти это вызвано нежеланием быть узнанной. Если устроители коктейльной вечеринки прознают о том, что в город прибыла известная английская писательница, приглашения так и посыплутся. Агата специально выбрала дом подальше от цветущей Альвии, где проживала большая часть ее бывших соотечественников. Они жили в самом сердце города, чуть в стороне от улицы Аль-Рашид, прямо на берегу Тигра, где так удобно наблюдать за приливом и отливом. По вечерам обе женщины сидели на веранде в уютном молчании, читали или шили, поднимая голову на плеск проходящей лодки или махая детям, резвящимся на противоположном берегу.

При виде малышей Нэнси охватывала тревога. Временами она почти забывала о том, что ее ждет, словно прячась в непроницаемом пузыре, но крики и смех резко возвращали ее в реальность. Агата уезжала домой за неделю до Рождества. А что же будет с ней? Нэнси безуспешно пыталась устроиться секретарем в городе, однако единственную вакансию машинистки без знания арабского предлагали только в британском консульстве, где ее, похоже, внесли в «черный список». Ощущение паники, дремавшее в глубине души, грозило вот-вот накрыть с головой.

Дрожащими руками Нэнси раздвинула занавески и выглянула наружу. Над водой тонким одеялом стелилась дымка. На противоположном берегу торчали мачты, словно иголки в белой бархатной подушечке. Вспомнилась Делия – наверняка у той был похожий вид из окна. Догадывалась ли кузина, что больше никогда не увидит Англию?..

Мысль о Делии причиняла боль. Нэнси много раз навещала ее могилу, разговаривала с ней, как будто та стояла неподалеку. На кладбище было тихо, цвели миндальные деревья, но успокоение не приходило.

Нэнси заставила себя приготовить завтрак – все лучше, чем погружаться в болото страха и напряжения. Агата наняла кухарку, чтобы та готовила им ужин, однако в остальное время они были предоставлены сами себе. До приезда в Багдад Нэнси ни разу в жизни не стояла у плиты, даже яйца не варила. За неделю Агата научила ее многому. Сегодня она сделает омлет с сыром. А потом, если проголодается, поест хлеба с джемом. Похоже, ребенок родится здоровяком.

После завтрака Нэнси устроилась в комнате, назначенной рабочим кабинетом, и занялась перепечатыванием заметок из блокнота. Ее совершенно захватило описание храма езидов и то, что Агата наметила Павлиньюго Ангела как отправной момент для своего романа. В верхней части страницы значилось слово «Люцифер», а под ним набросок сюжета: в спальню к молодой англичанке врывается умирающий и произносит тайный код... Нэнси улыбнулась, перепечатывая этот текст: интересно, будет ли героиня похожа на нее?

В час дня она подогрела рагу из фарша, помидоров и гороха, оставшихся с ужина, и пообедала на веранде, а затем вернулась к машинке. Предстояло напечатать письмо ему, чтобы он подумал, будто у нее есть постоянная работа в конторе.

«Любимый!

Спасибо за письмо и за чудесную брошь. Боюсь, я устроила сцену прямо на почте: открыла посылку и разрыдалась у всех на глазах. Жаль, что я не могу ничего послать в ответ. Я часто вижу милые вещички, которые тебе понравились бы, но не хочу создавать проблемы.

Как видишь, мне удалось найти работу машинистки. Пока это временно, хотя я надеюсь, что к концу года получу постоянное место.

Ужасно по тебе соскучилась. Конечно, я понимаю, как тяжело тебе приходится дома. Ты говоришь, что брак умер, и все же меня не покидают мысли о твоей жене, о том, каково ей будет одной... В то же время я не

могу перестать любить тебя. Знаю, я ужасная эгоистка...»

Краем глаза Нэнси уловила какое-то движение у окна. Обернувшись, она застыла от ужаса – змея! Цвета песка, с изумрудными глазами и парой чешуйчатых шипов на голове. В отеле ее предупреждали о таких – рогатая гадюка, страшно ядовитая, толщиной с руку, скользила по полу в ее сторону.

Каким-то чудом ей удалось вскочить и уронить стул набок, что заставило змею отпрянуть. Захлопнув за собой дверь, Нэнси выбежала в холл, а оттуда на веранду, где едва не столкнулась с Агатой, вернувшейся с экскурсии.

– Господи, да вы бледная, как смерть! Что случилось?

Нэнси рассказала о змее. Агата тут же призвала на помощь лодочника, причалившего у лестницы. Тот преспокойно достал ружье и вошел в дом. Через минуту раздался выстрел, и вскоре старик вышел к ним со змеей, обернутой вокруг шеи наподобие шарфа.

– Какая огромная! – Агата перевела дух. – Вам повезло! Пожалуй, нам обеим не помешает чашечка хорошего чая. Поставьте чайник, а я пока заплачу лодочнику щедрые чаевые.

И только наливая кипяток в заварной чайник, Нэнси поняла, что натворила. Деньги в кабинете – Агата держала их в запертом ящике стола, письмо в машинке. Если она его увидит...

Нэнси выбежала из кухни в холл. Поздно – из открытой двери кабинета послышался скрип вытаскиваемой из зажимов бумаги.

Глава 17

Вне себя от злости, Агата молча прошла мимо нее и спустилась к воде, чтобы заплатить лодочнику. Когда она вернулась, Нэнси мерила шагами веранду, бледная как смерть.

– Я... я сейчас все объясню... – пролепетала она. – Я понимаю, как это выглядит...

– А что тут объяснять? Вы держали меня за идиотку! – Агата опустила в плетеное кресло, провожая взглядом лодку. – Я вас приютила, кормила, из кожи вон лезла, чтобы помочь, и что в награду – сплошная ложь! В довершение всего вы писали любовные письма женатому человеку на моей же машинке!

– Я не собиралась вас обманывать! – воскликнула Нэнси прерывающимся голосом. – В ту ночь в поезде я была на грани, а вы проявили такую доброту... Я не могла признаться во всем – после того, как вы рассказали о своем муже!

– И вы притворились бедненькой женушкой, убегающей от мужа-садиста, тогда как на самом деле вы... прелюбодейка! – Агата выплюнула это слово, будто рыбную кость.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь криками птиц на другом берегу.

Нэнси смотрела на воду, держась за перила.

– Я собой не горжусь, не думайте. – Она повернулась лицом к Агате. – Но всему есть причина. Позвольте мне объяснить!

Ответом ей был ледяной взгляд.

– Послушайте, юная леди! Один раз вам удалось меня обмануть – хватит! Даже не пытайтесь снова врать! – Агата сложила руки на груди. – Ну, давайте, назовите мне хоть одну причину, почему я не могу вас вышвырнуть отсюда!

– Я влюбилась в... в другого потому, что... – Нэнси сглотнула слезы. – Мой муж привез любовницу в наш медовый месяц – я застала их в постели.

– Что?!

– Человек, которому я писала... – Нэнси покосилась на письмо, лежащее на столе. – Он был на той вилле в Венеции, и...

Она отвернулась, и по щеке скатилась слеза.

Агата вскочила на ноги.

– Пойду принесу чай, – сказала она, выходя. – А потом вы мне все

расскажете.

* * *

Глотнув чаю, Нэнси постепенно обрела нормальный цвет лица и принялась сбивчиво рассказывать о поспешном романе с Феликсом, свадьбе в Вестминстерском аббатстве и предвкушении медового месяца в Венеции.

– Он сказал, что снимет виллу возле Лидо. Приедут гости, его друзья – будет веселее: коктейльные вечеринки, пикник на пляже, танцы, катание на лодках... Он так заманчиво все расписал. Я понятия не имела, кто эти люди, ведь мы с ним были едва знакомы.

Нэнси уставилась в свою чашку.

– Была там одна женщина, замужняя, очень красивая. Они с Феликсом мило общались, но я ничего не подозревала, ведь там был ее муж. А потом, на вторую ночь я лежала и ждала, а он все не шел, и тогда я решила пойти к нему. Открыла дверь, а там... – Трясущейся рукой она поставила чашку на блюдце.

Агата не сводила с Нэнси внимательного взгляда. Воспоминания явно причиняли девушке боль – нет, такое не сыграешь.

– Я... я просто выбежала из дома... Я не знала, что делать, куда идти. На веранде курил один из гостей. Он заметил, что я плачу, усадил и выслушал, затем принес бутылку бренди. Наверное, мы проговорили всю ночь: помню, как звезды перемещались на небе, и луна опустилась в море. На следующее утро он постучал в дверь: принес мне кофе с персиками. Рассказал о фильме, в котором снимается, рассмешил забавными историями об актерах и всяких происшествиях на съемочной площадке. На следующее утро мы пошли купаться... – Нэнси снова поднесла чашку к губам. – Я была так несчастна, так нуждалась в друге... Я понятия не имела, что он женат! Он признался в самый последний день, а там уже поздно было...

Агата помолчала, осмысливая услышанное.

– А ваш муж – он знает?

– Вряд ли. Мы были очень осторожны. Конечно, мы с Феликсом выяснили отношения. Я прямо спросила, зачем он так хотел жениться на мне, когда любит другую? Вряд ли меня можно считать завидной невестой: имение отца на последнем издыхании...

– И что он сказал?

– О, все выложил начистоту – оказывается, женитьба была необходимым условием получения наследства, и я подошла ничуть не хуже остальных пяти девушек, которым он сделал предложение на вечеринке.

– И чего он ожидал от вас теперь, когда вы знаете о любовнице? Продолжать как ни в чем не бывало?

Нэнси кивнула.

– Он сказал: мое дело – родить ребенка. Не важно, мальчика или девочку, главное – родить. Видимо, таково было очередное условие наследования титула; может, его отец боялся, что тот никогда не женится. А потом я смогу завести себе любовника, и мы будем жить под одной крышей каждый своей жизнью.

– Ужасная ситуация... – покачала головой Агата. – Наверное, вы были в него влюблены?

– Да. Он вскружил мне голову тем вечером, когда делал предложение. Наверное, был очень пьян, а я не поняла. Я ведь жила тихой сельской жизнью, занималась имением... Это была первая вечеринка за долгое время, и когда Феликс сделал предложение, я вдруг поняла: вот оно, решение всех наших проблем! Отцу больше не придется беспокоиться о деньгах! – Ее глаза вновь наполнились слезами. – Папа так радовался свадьбе!.. Он умер через две недели после моего возвращения из Венеции.

– Ох, Нэнси! – Агата наклонилась и пожала ей руку. – Неудивительно, что вы были в таком состоянии... Где же он сейчас, ваш... друг?

– Дома, в Лондоне, с женой и дочерью.

Агата поморщилась. Жена и дочь. Так знакомо... Она мысленно перенеслась в тот декабрьский вечер два года назад, когда она сидела в машине перед домом в Годалминге и наблюдала за движущимися тенями.

– Кто он, этот человек? Как его зовут?

И вдруг все встало на свои места, как кусочки головоломки. Это его она видела в поезде – и на платформе в Париже на следующее утро! Загадочное отражение на стекле – то был он, любовник Нэнси: это ему она украдкой махала рукой – человеку, ужасно похожему на Арчи.

– Я... я не могу вам сказать. – Нэнси опустила голову. – Он взял с меня слово, что я не проговорюсь ни одной живой душе, иначе скандал попадет в газеты... Конечно, вы на такое неспособны, я знаю!

Она схватила Агату за руку, словно цепляясь за спасательный круг.

– По-моему, вы еще не все рассказали... – Агата помедлила – то был выстрел наугад. – Вы ждете ребенка, не так ли?

Нэнси закрыла глаза.

– Да, – прошептала она.

– От него или от мужа?

– От него.

– Вы уверены?

– Да. – Нэнси открыла глаза, прищурившись на солнце. – Мы с Феликсом... Меня от него отвратило раз и навсегда. Чтобы держать его на расстоянии, я наврала, будто беременна с первой ночи. К своему стыду, я поддерживала в нем это заблуждение до самого отъезда, а потом написала и все рассказала.

– И поэтому вы решили уехать?

– Да. Я не продумала ничего как следует, просто хотелось сбежать. Феликс из тех, с кем опасно ссориться – в гневе он бывает страшен.

– А... а тот, другой – он знает?

Нэнси едва заметно покачала головой.

– Я хочу, чтобы он ушел от жены, но не могу опуститься до шантажа.

Агата снова умолкла. Ей ли давать советы? Перед мысленным взором вдруг предстала условная жена, хлопчущая по хозяйству где-то в Лондоне, примерно в такой же квартире, в какой они с Арчи жили после свадьбы. Обычная женщина – заботится о доме, растит ребенка, проводит вечера с мужем и даже не подозревает о том, что он любит другую. И не просто любит, а скоро станет отцом! Какой кошмар...

Агата вспомнила, как умоляла Арчи дать браку еще один шанс, остаться хотя бы на три месяца; как он был холоден, какие скандалы устраивал... Дошло до того, что, когда она входила в комнату, он молча вставал и выходил.

Наконец она поняла, что, цепляясь за него, лишь продлевает агонию. Для Арчи не существовало полумер. «Не выношу, когда не получаю того, чего хочу! Не выношу, когда я несчастлив! Все не могут быть счастливы – кому-то приходится быть несчастным!» Он повторял это снова и снова. Агата буквально физически ощущала его ненависть; наверняка он мысленно желал ей смерти...

Теперь она увидела практически ту же ситуацию глазами Нэнси. Следовало бы ее презирать, однако глубоко внутри Агата не чувствовала презрения. Почему? Может, оттого, что наконец поняла: жить с мужем, который тебя не любит, куда хуже, чем жить одной.

– Вам, наверное, интересно, что я буду делать, когда ребенок родится... – Голос Нэнси нарушил ход ее мыслей. – Если удастся найти работу, то я смогу снять жилье и взять няню.

– На каком вы сроке? – Агата бросила критический взгляд на

просторную абу^[36], под которой совершенно терялись очертания тела.

Нэнси инстинктивно положила руку на живот.

– Не знаю точно. Где-то около шести месяцев.

– Шесть месяцев! – выдохнула Агата. – Как же вы будете искать работу на таком сроке? Нет, мы придумаем что-нибудь другое...

Нэнси подняла голову.

– Мы?

– Неужели вы полагаете, что я вас брошу? На худой конец вернетесь со мной, поживете у меня в Лондоне – хотя бы до родов.

Нэнси покачала головой.

– Вы очень добры, но я не могу. Вы и так много для меня сделали. К тому же я боюсь Феликса – он способен выкинуть что угодно, если узнает! Нет, я лучше попытаю счастья в Багдаде.

– Думаете, отец ребенка оставит жену и приедет сюда?

Нэнси следила взглядом за одиноким пеликаном, скользящим по водной глади.

– Если бы я знала... – пробормотала она.

Глава 18

Багдад – Ур, пять дней спустя

– Вы уверены?

Агата завернула яйца в салфетку и положила в корзинку рядом с лепешками и баночкой сливового джема.

– Да. – Нэнси добавила в корзину четыре персика. – Сперва я боялась, что не осилю поездку, но сейчас стало гораздо прохладнее, и в вагоне будет полегче.

– Надеюсь – все-таки путь предстоит долгий. Если удастся, часть проспим.

– А вы взяли тот порошок, что дал Макс?

– С собой. – Агата похлопала по карману жакета.

До вокзала доехали на тележке, запряженной мулами. По пути остановились в медном ряду. Агата поторговалась с продавцом и через несколько минут вернулась с мальчиком, несущим большую деревянную коробку.

– У меня получается все лучше, – с улыбкой сказала она. – Надеюсь, Кэтрин понравится.

Она сняла крышку и продемонстрировала кофейный набор, уложенный в соломку: чайник с лебединым носиком и причудливым узором из серебра на меди; тот же узор повторялся на чашках и блюдцах.

– Наверняка понравится, – кивнула Нэнси. – Ей будет приятно иметь что-нибудь изящное в повседневной жизни. Судя по письмам, быт на раскопках довольно примитивен.

– Да, трудно представить Кэтрин в подобной атмосфере. Глядя на нее, никак не подумаешь, что она добровольно захочет торчать в какой-нибудь могиле под палящим солнцем.

– Причем после мира моды!.. Интересно, как это получилось?

– Вроде бы она приехала сюда работать медсестрой после смерти мужа – так она сказала в поезде. Может, начала зарисовывать находки на раскопке, археологи увидели, какая она талантливая, и предложили работу.

– Сильная женщина, правда? После того, что случилось в Египте, многие поджали бы хвост и уехали домой.

Агата кивнула.

– Наверное, ей проще вдали от Англии: должно быть, она поняла, что за нее возьмутся газеты. Невыносимо сознавать, что полстраны со вкусом поглощает мельчайшие подробности твоей личной жизни за утренним чаем с тостами.

– Не представляю, как вы через это прошли! – Нэнси сочувственно поцокала языком. – А ведь и меня газетчики разорвут на клочки, если что...

– Будем надеяться, что они не узнают. По крайней мере, здесь вы в безопасности.

Наконец тележка подъехала к вокзалу, возница спрыгнул и принялся разгружать багаж. Десять минут спустя женщины сидели в удобном пульмановском вагоне, напоминающем «Восточный экспресс».

– Гораздо лучше, чем я ожидала, – призналась Нэнси, пока укладывали багаж. – Даже не верится, что здесь могут быть клопы.

– На всякий случай лучше обработать. – Агата открыла баночку с порошком и принялась рассыпать на обитые плюшем сиденья. – Фу, ну и вонь!

– Давайте проветрим.

Нэнси с трудом приоткрыла окно. Поезд тронулся.

– Так уже лучше. Я... Ой, что это?! – воскликнула Агата: в купе ворвалась туча насекомых.

Нэнси вскочила на ноги.

– Кажется, это шершни!

Женщины испуганно жались друг к другу, пока насекомые с жужжанием облетали купе, словно стая крошечных истребителей.

– Быстрее!

Агата схватилась за ручку двери и вытолкнула Нэнси в коридор. По счастью, соседнее купе оказалось незанятым. Опустившись на сиденье, Агата вспомнила про жестянку, которую все еще держала в руках.

– Если подумать, клопы куда менее опасны, правда же?

– Верно, – хихикнула Нэнси. – «Смерть от укуса» – похоже на название вашего романа. Или, допустим, «Жало смерти»!

– Вы точно не хотите вернуться со мной в Англию? – улыбнулась Агата.

* * *

Полчаса спустя за окном потянулся унылый пейзаж: пустыня и редкий

кустарник. Когда солнце склонилось за горизонт, вошел проводник с чаем и тарелкой жесткого, несъедобного печенья. Агата объяснила ему, что багаж остался в купе, захваченном шершнями, и он пошел за чемоданами. Вернулся через пять минут, целый и невредимый, и принялся застилать полки.

Нэнси не предполагала, что в поезде можно будет спать лежа, и теперь стеснялась раздеваться перед Агатой – ведь она нарочно приуменьшила срок беременности. Насколько именно, она и сама не знала: цикл никогда не отличался регулярностью. Ребенок был зачат либо в последние дни отдыха в Венеции, либо полтора месяца спустя, когда он привел ее на квартиру в Пимлико, где жил его армейский друг, служивший за границей. Значит, семь или восемь месяцев. Если рассказать Агате, та, возможно, запаникует; к тому же это расстроит ее планы. Нэнси изо всех сил убеждала подругу, что прекрасно справится в одиночку и к появлению ребенка все наладится.

Вчера, когда она навещала могилу Делии на цветущем кладбище, произошло чудо. Пока Нэнси стряхивала красный песок с надгробного камня, из-за миндальных деревьев появился какой-то пожилой джентльмен и окликнул ее по имени. Он представился бывшим коллегой Делии и рассказал, что знал о смерти кузины: скорее всего, ее убил наемник, подсланный одним из местных племен, за которыми она держала наблюдение.

– Почему вы решили меня найти? – спросила Нэнси.

– Потому что Делия оставила вам это. – Мужчина вытащил из кармана конверт и протянул ей. – Ваша кузина была очень храброй женщиной и прекрасно отдавала себе отчет в том, что занимается опасной работой. Местным банкам она не доверяла, вот и попросила меня сохранить. Не открывайте здесь, подождите до дома.

В конверте оказалось три сотни фунтов. Когда деньги выпали ей на колени, Нэнси с Агатой в изумлении уставились друг на друга. Цельный вечер был посвящен планированию будущего. Решили по возвращении из Ура снять тот же домик. Оставалось достаточно, чтобы взять няню и прожить еще три-четыре месяца, а там Нэнси надеялась устроиться на работу.

– Есть не хотите? – вернул ее в реальность голос Агаты. – Или оставим на завтрак?

– Можно мне яичко? И немножко хлеба с джемом?

Нэнси была голодна до того, что охотно сожрала бы всю корзинку разом. Оставалось надеяться, что на раскопках их накормят.

– Пожалуй, буду укладываться, – сказала Агата, когда с едой было покончено. – Я лягу на верхней полке, ладно?

– Вы не против? – Нэнси благодарно улыбнулась.

– Нисколько. Мне даже нравится идея забираться в кровать по лестнице – напоминает о детстве. У нас с братом и сестрой была своя берлога в амбаре, порой нам разрешали там спать.

– Здорово...

Нэнси покосилась на свой живот. Интересно, будет ли у ее малыша когда-нибудь братик или сестричка? Не хотелось бы, чтобы он рос единственным ребенком, как она сама. Незаметно мысли потекли в сторону Лондона... Сколько там сейчас времени? Что он делает? Суббота. Наверное, пошел за рождественскими покупками с дочерью или гулять в парк. А потом вернется домой, почитает ей сказку после ужина. А потом... Ей была ненавистна мысль о том, что он ляжет в постель со своей женой – только теперь, представляя его жену, она почему-то видела лицо Агаты.

* * *

На рассвете поезд прибыл на узловую станцию Ур. Их разбудил проводник, постучав в дверь. Агата осторожно поставила ногу на лестницу и спустилась. Нэнси лежала на боку спиной к ней, укрывшись простыней. Бедняжка, даже не разделась – до того устала.

– Который... час? – пробормотала Нэнси, натягивая шаль на голову.

– Десять минут седьмого.

Агата выглянула из окна. Рядом со станцией стояла небольшая церковь – наверное, сюда ходит Макс.

В это время дверь церкви открылась, и оттуда вышли две монахини в черных одеяниях и колышущихся белых покрывалах. Обе юные, хрупкие, темнокожие – скорее индианки, чем арабки. В Багдаде ей доводилось видеть индийских христиан, посещающих англиканскую церковь; в некоторых из них Агата распознала лавочников с медного базара, но сейчас никак не ожидала встретить индийское сообщество в такой глуши.

Она попыталась представить себе Макса, пыльного, разгоряченного после перехода через пустыню. Вспомнилось его умиротворенное, почти блаженное лицо в храме езидов. Да, среди людей, чья духовность приправлена ноткой Востока, он наверняка чувствует себя как дома.

– Мы уже приехали? – Нэнси села на постели, потирая глаза. – Ужасно

хочется пить. Как вы думаете, нам принесут чаю?

– Вряд ли, – улыбнулась Агата. – Надеюсь, нас кто-нибудь встретит и долго ждать не придется.

Действительно, на станции их уже поджидал транспорт. Грузовик напоминал вагон, разрезанный пополам и поставленный на резиновые колеса. Веселенького голубого цвета кузов был покрыт вмятинами и пылью. Навстречу им прыгнул Майкл Крафт-Дикон, чертежник – тот самый, что вел Кэтрин к алтарю.

– Доброе утро, леди! – Он широко улыбнулся и закинул их сумки назад. – Извините за «старушку»! Прежний владелец наверняка подобрал ее в канаве после Первой мировой. Пришлось поднять шасси, чтобы приспособить машину к пустыне – зато вид стал величественный, правда?

Майкл открыл дверь, жестом приглашая их усаживаться.

– Мы прозвали ее «Королева Мэри», хоть это и непочтительно с нашей стороны.

Неровная дорога оказалась вся изрезана колеями.

– Вам еще повезло, – объяснил Майкл, когда грузовик подпрыгнул на очередной кочке. – В конце прошлого месяца зарядили дожди, и вади^[37] разлились – мы целую неделю не могли выбраться!

– Что же вы делали? – полюбопытствовала Агата, стараясь перекричать шум мотора. – Насчет еды, я имею в виду?

– А, продержались на запасах! Под конец нам поднадоело каждый вечер ужинать фасолью и рисом, но тут на помощь пришел местный шейх и принес нам пару коз.

Агата с Нэнси обменялись взглядом.

– В этом сезоне повар у нас неплохой, – продолжал Майкл. – Правда, пудинги у него так себе, зато он готовит превосходное жаркое и соус карри. Наверное, состряпает вам немудреный завтрак. Все остальные на раскопках, так что располагайтесь самостоятельно. Я попрошу кого-нибудь привезти вас на раскопки.

За поворотом показалось здание, окруженное колючей проволокой.

– Главное здание экспедиции, – мотнул головой Майкл. – Называется Сахра Алькамар – «Луна пустыни» по-арабски. С этого ракурса выглядит не очень привлекательно. Забор от мародеров – мы нашли столько золота, что прямо девать некуда, буквально под кровать запихиваем.

Он сбросил скорость перед очередным поворотом.

– А вот курган. Арабы называют его теллем.

Агата с Нэнси посмотрели в указанном направлении. На фоне бледно-желтого утреннего неба выделялся конусообразный холмик, похожий на

вулкан; на его поверхности двигались крошечные люди-муравьишки.

– Сколько народа работают у вас на раскопках? – спросила Нэнси.

– Каждую неделю по-разному. Примерно сотня. Приходят из окрестных деревень. Иногда платишь работникам, и они исчезают ненадолго, потом деньги заканчиваются – опять возвращаются. За всем этим следит Макс, у него очень хороший арабский. Непростая задача – держать местных в узде, как ватагу школьников. Макс при них вроде директора.

Майкл притормозил перед входом в здание. На звук мотора выскочили два охранника с винтовками и патронташами, свисающими с плеч. Где-то послышался лай собак.

– Сторожевые псы, – объяснил Майкл. – Не бойтесь, они скоро привыкнут к вашему запаху.

Из дома вышел еще один араб, молодой мальчик в белом одеянии, лет двенадцати-тринадцати, за ним – беспородный щенок.

– Селим займется вашим багажом. Сейчас я вам все покажу, а потом можете перекусить.

Они зашли на веранду главного здания, построенного из саманных кирпичей, которые, как объяснил Майкл, были взяты прямо из кургана.

– Самому юному из них двадцать пять веков.

Агата была приятно удивлена внутренним убранством: грубые стены покрашены в бледно-терракотовый цвет, пол покрыт циновками. В гостиной, обставленной по минимуму, чувствовалась располагающая атмосфера.

– Там мой кабинет. – Майкл махнул рукой в сторону крошечного закутка, едва вмещавшего стол и стул. – Дальше по коридору – комната древностей. Днем мы держим ее на замке, а вечером Кэтрин вам все покажет.

Он повел их через двор в небольшую пристройку.

– Спальни Вулли в главном здании, остальные обосновались здесь.

Агата оглянулась на пару маленьких окон. В письмах Кэтрин не упоминала о том, что они с мужем спят в разных комнатах. Наверное, Леонард работает допоздна и не хочет ее будить. Уже не в первый раз Агата подивилась тому, как молодожены справляются в таких условиях.

– А это ваши покои. – Майкл провел их до конца коридора, где мальчик-слуга доставал из комода полотенца. – Ванная, к сожалению, только одна, зато по утрам и вечерам Селим будет приносить вам кувшины с горячей водой.

Спальни, маленькие и примитивные, были не лишены уюта: железные

кровати, козьи шкуры на полу, глиняные кувшины с дикими тюльпанами на подоконниках. Когда Майкл ушел, женщины освежились после дороги и отправились на поиски завтрака.

Войдя в главное здание, они сразу же почувствовали запах жареного. Повар Ибрагим с легким поклоном и большой пышностью подал завтрак: омлет с помидорами, козий сыр, затем тосты, разрезанные треугольничками на решетке. Масло и джем были приготовлены заранее.

– Бог ты мой! – засмеялась Нэнси. – Вот тебе и пустыня!

– Да, куда лучше, чем я ожидала, – согласилась Агата. – Я думала, мы будем есть у костра и спать на полу.

– Хотя Кэтрин могла бы и встретить нас...

– Наверное, ей нельзя отлучаться с работы. Наверное, решила, что поезд задержится, и не хотела терять время в ожидании.

Нэнси кивнула.

– Вы готовы к экскурсии?

– А вы?

Агата опасалась, стоит ли Нэнси лезть на курган.

– Со мной все будет в порядке! – улыбнулась Нэнси. Наклонившись через стол, она прошептала: – Я ведь не больна, а всего лишь беременна!

Глава 19

Ур

Взбираться на курган оказалось не так трудно, как опасалась Агата. Солнце приятно грело – уже не припекало, как первые недели в Багдаде; к вершине вела натоптанная дорожка. На полпути встретили Кэтрин: присев на корточки, она была поглощена разговором с женщиной в куфии^[38]. В блузке и юбке цвета хаки, грубых ботинках и широкополой шляпе, Кэтрин умудрялась и в пустыне выглядеть стильно.

Агата окликнула ее.

– А, вы уже здесь! – Кэтрин вскочила и расцеловала обеих по-французски, едва касаясь губами щеки. – Багдад явно пошел вам на пользу. А вы, Нэнси, в своем наряде просто настоящая бедуинка!

Она кивнула в сторону мужчины, который тоже поднялся. Его лицо, прежде спрятанное в складках головного убора, оказалось очень красивым.

– Это Хамуди, тот самый, что сделал для меня копию талисмана, – наш бригадир.

Кэтрин сказала ему что-то по-арабски, Хамуди улыбнулся и протянул руку.

– Он мало понимает по-английски. Они с Максом большие друзья. Макс говорит по-арабски лучше всех нас.

– А где он сам? – спросила Агата.

– Копают с Леонардом по другую сторону. Сейчас мы их поищем.

Нэнси с Агатой привлекали немало любопытных взглядов со стороны мужчин и мальчиков, копошащихся в кучах земли.

– Им нечасто приходится видеть западных женщин, – пояснила Кэтрин. – Наверное, думают, что вы – жены кого-нибудь из членов команды.

Заметив лица подруг, она добавила:

– Не волнуйтесь: Макс все разъяснит!

Тропа обвивала курган, постепенно уходя вверх. Вскоре их взорам предстало огромное ступенчатое здание насыщенного красного цвета. Агата замерла и вгляделась, прикрывая глаза ладонью.

– Это зиккурат?

Кэтрин кивнула.

– Да, откопали в прошлом сезоне. Храм бога Луны. Видите ту башню наверху? Там находилось место поклонения, где устраивали разные мистические церемонии.

– Например?

– Внутри стояла скамья, на которой возлежал царь, олицетворяющий бога. Существовал некий ритуал плодородия: в процессе ему надлежало совокупиться с женщиной, представляющей богиню – как правило, дочерью или сестрой. А потом все пели гимны, восхваляя интимные органы женщины. – Кэтрин перевела взгляд с Агаты на Нэнси. – Надеюсь, я вас не сильно шокировала?

– Что-то подобное я читала в газетах, – ответила Агата. – Про инцест не слышала, про непристойные песни тоже. Не очень приятно, но все-таки интересно...

– А я читала о людских жертвоприношениях, – вставила Нэнси.

Кэтрин кивнула.

– Это происходило вон там. – Она указала на ряд колонн справа от зиккурата. – На царском кладбище. Когда правитель умирал, все его жены, наложницы и слуги должны были умереть вместе с ним. Плюс к этому забивали животных и закапывали всевозможные драгоценности, чтобы у царя в следующей жизни имелось все необходимое. Колоссальные жертвы; в конце концов они отказались от этого обычая.

– Значит, сокровища, по сути, выкопаны из захоронений? – уточнила Нэнси.

– В большинстве случаев. По правде сказать, слухи о наших находках сильно преувеличены. Кто-то сочинил, будто мы выкопали золотого сфинкса!.. Да, нам попадаются предметы из золота, но не такого масштаба. Когда такие сплетни расходятся по округе, мы начинаем нервничать. Поэтому возле дома и караулят вооруженные охранники.

– Привет!

Женщины подняли головы: с кургана спускался Макс, из-под его ног сыпались струйки песка и гравия.

– Что ты там делаешь? – крикнула ему Кэтрин. – Нашли что-нибудь?

– Статуэтку! – ответил тот. – Похоже на Нингал.

– Богиня Луны, – пояснила Кэтрин через плечо.

Макс почти поравнялся с ними. Черные волосы приобрели ржавый оттенок от пыли, края шорт были испачканы в глине, лицо – из того, что удалось разглядеть, – загорело еще больше.

– Рад вас видеть! – Макс глянул на свои ладони. – Извините, не могу

поздороваться как следует – грязная работенка!

– А где Леонард? – Кэтрин заслонила глаза ладонью, вглядываясь наверх.

– Уже идет – хотел проверить, чтобы ее как следует упаковали. Сказал, что встретится с нами возле булочной.

– Булочная? – удивилась Агата. – Здесь?! Не может быть!

– Не современная, конечно! – улыбнулся Макс. – Она была на этом месте три тысячи лет назад. – Молодой человек указал на низкие полуразрушенные стены, перемежающиеся круглыми столбиками. – Во времена Навуходносора здесь располагались жилые дома и лавки.

– Это который из Библии? – уточнила Нэнси.

Макс кивнул.

– Прямоком из Ветхого завета: Ур Халдейский упомянут в Книге Бытия. Мы считаем, что здесь жил Авраам до миграции в Палестину. Собственно, это часть нашей работы: поиск материальных доказательств написанного в Библии.

– Отведи их вниз, ладно? – Во взгляде Кэтрин читался приказ. Только сейчас Агата сообразила, что вследствие брака статус Кэтрин изменился: теперь она была не равной Максу, а, по сути, его начальницей.

– Да, конечно.

Если Макс и находил эту перемену неприятной, то вида никак не подавал.

– Увидимся за ланчем! – И Кэтрин вернулась к Хамуди, ожидавшему поодаль.

– Сюда, пожалуйста.

Макс повел их вниз другой тропой. Отойдя подалее, он заметил:

– Вам повезло: Леонард Вулли обожает демонстрировать свои находки. Он в буквальном смысле переписывает учебники истории.

В ожидании великого человека гости бродили вокруг разрушенных зданий. Макс объяснил, что на момент постройки города русло Евфрата находилось гораздо ближе, а за последние три тысячелетия отклонилось на десять миль.

– Это был крупный торговый город. Судя по каменным табличкам, здесь трудились не только мясники и булочники, но и золотых дел мастера, и ювелиры. Из Персидского залива приплывали суда, привозили изумруды из Египта, сапфиры из Кашмира, лазурит из Афганистана...

Макс остановился у лестничного пролета, ведущего вниз.

– В жизни не забуду тот день, когда мы откопали одну из первых королевских гробниц: семьдесят четыре тела – все похоронены заживо на

дне глубокой шахты. Сперва мы подумали, что перед нами ковер из золота; выяснилось, то были головные уборы придворных дам, а также золотые арфы и лиры, на которых они играли погребальную песнь до самого конца.

– Невозможно представить... – промолвила Агата.

– Напоминает «Титаник», – добавила Нэнси. – Когда оркестр играл, зная, что они идут ко дну.

– Кто там идет ко дну? – прогремел позади них чей-то голос. – Надеюсь, этот дерзкий юноша не отнимает у меня хлеб?

Леонард Вулли чуть искривил уголки рта, что, по-видимому, означало улыбку, однако взгляд оставался суровым; Агата вдруг почувствовала себя нашкодившим ребенком, которого привели к директору.

– Следуйте за мной, – распорядился он. – А ты, Макс, замыкай ряды – нам не нужны несчастные случаи.

Вулли повел их мимо разрушенных зданий к обширной яме, полосатые стены которой демонстрировали осадочные породы тысячелетней давности.

– Шестьдесят футов глубины. – Вулли стал на краю, протянув руку. – В стенах прорублены ступеньки. Когда мы спустимся на дно, то попадем в слой, еще не описанный в истории.

Он двинулся вперед, поманив остальных за собой, и скрылся из вида.

Агата бросила обеспокоенный взгляд на Нэнси.

– Что думаете? Крутовато...

– Идите, – предложила Нэнси. – Я подожду там.

Она указала на низкую кирпичную стену, как раз подходящую для сидения.

– Вам нехорошо? – подскочил к ней Макс. – У меня есть немного воды, если нужно.

– Нет-нет, благодарю, – улыбнулась Нэнси. – Просто устала с дороги. Все будет хорошо, не волнуйтесь. Идите с Агатой.

– Ну если вы уверены...

Макс повернулся к Агате и предложил ей руку.

Они спускались по ступенькам друг за другом, постепенно погружаясь в полумрак. Леонард, будто ничего не замечая, напряженно уставился куда-то на стену.

– Видите вон тот слой красноватого песка? – спросил он, не отводя взгляда.

Агата взглядела в яму, глаза постепенно привыкали к темноте.

– Да, вижу.

– В этот период была изобретена письменность.

Вулли помедлил, а когда снова заговорил, его голос приобрел совершенно другую интонацию, словно он читал хорошо отрепетированную лекцию:

– На этом месте, в южной долине Евфрата, между три тысячи пятисотым и три тысячи двухсотым годами до нашей эры древние писцы изобрели систему значков клиновидной формы – клинопись, которая впоследствии привела к созданию первого алфавита.

Более пяти тысяч лет назад, прикинула Агата. Она пробежала глазами земляные слои до самого верха, пытаясь вычислить, сколько поколений пришло и ушло за это время. Кто знает, может, и ее далекий пращур писал свои истории на глиняных табличках...

– А теперь посмотрите еще ниже, туда, где широкий коричневый слой аллювиальной глины.

Агата послушно перевела взгляд.

– Такой сорт глины мог быть нанесен только паводковой водой, – продолжал Леонард. – Он восходит ко времени, описанному в Книге Бытия. Мы нашли в этом слое доисторические могилы – останки людей, утонувших в результате Всемирного потопа.

– Правда?.. – Агата благоговейно глядела на тонкую полоску коричневой земли, зажатую между двумя грязно-желтыми слоями. – Я и не догадывалась, что Ной был из Месопотамии.

Леонард кивнул.

– Его история записана на одиннадцатой табличке Гильгамеша – это самая ранняя дошедшая до нас запись в мире. Разумеется, в шумерском языке его имя звучит по-другому – Утнапиштим, однако детали сюжета, как, например, выпускание птиц из ковчега, достаточно близки к Библии, что и служит основным доказательством.

Леонард увлеченно размахивал руками.

– Конечно, то, что вы видите на уровне земли, появилось через тысячу лет после потопа. Большинство не осознает, что временной период между Ноем и Навуходоносором такой же длинный, как тот, что отделяет Навуходоносора от наших дней.

Он указал на дно ямы.

– Идите сюда, встаньте на последнюю ступеньку.

Спускаясь, Агата случайно наступила на камень и покачнулась, ища опору. Сзади на плечо легла рука, поддерживая ее.

– Осторожнее – здесь крутая лестница.

Агата почувствовала на шее теплое дыхание Макса.

– Спасибо, – прошептала она.

Наконец достигли дна. Какое-то время Леонард молчал. Создавалось ощущение, что они находятся в церкви, в ожидании службы.

– Вы только что прошли десять тысяч лет существования человечества, – сказал он наконец. – Сейчас мы стоим на девственной почве, а в слое выше найдены фрагменты тростниковых хижин, построенных первыми обитателями этих мест – тогда здесь был остров посреди болота.

Агата почувствовала, как по спине пробежала дрожь.

– Как здорово быть первооткрывателем...

– Ну конечно, предстоит еще много открытий... – Лицо Вулли было в тени, однако тон – приглушенный, с ноткой возбуждения – выдавал неприкрытую гордость. – А сейчас вернемся в эпоху Авраама.

Бродя по руинам, он вдохновлялся и буквально оживлял их: водил по узким улочкам, делал вид, будто стучится в двери, объяснял, что благодаря найденным клинописным табличкам стали известны имена жителей. Купец, портной, ювелир или школьный учитель – Леонард Вулли знал, насколько успешно шли у них дела, сколько у них было детей и в каком возрасте они умерли.

Он как раз показывал место бывшей гостиницы, когда подъехал Майкл на «Королеве Мэри» и предложил подвезти до дома.

Нэнси, которая присоединилась к ним наверху, обернулась к Агате.

– Вы не против, если я вернусь? Я бы полежала...

– Конечно! Хотите, поеду с вами?

– Нет-нет, вы оставайтесь и дослушайте, вы ведь за этим и приехали. Со мной все будет в порядке.

Вулли несколько театрально кашлянул: ему явно не нравилось, когда «спектакль» прерывали. Хлопнула дверца машины, и Нэнси унеслась в клубах пыли.

– А теперь к храму Луны. – Леонард мотнул головой в сторону зиккурата, ступенчатые стены которого отбрасывали на песок зловещие тени, и повел Агату и Макса наверх по наружной лестнице с двумя параллельными рядами ступеней. – До того, как Аврааму велели покинуть Ур и почитать Иегову, он верил в бога Луны. Вообще, Луна считалась главным божеством по всей Аравии; недаром в символе Ислама фигурирует полумесяц.

Леонард вошел в некое помещение, служившее, по его словам, «передней».

– Придется пройти вон там. – Он показал на узкую арку не более пяти футов высотой. – За ней винтовая лестница довольно клаустрофобного

вида: древние шумеры были немного пониже нас.

Он взял с полки масляную лампу и зажег.

– Идите за мной.

Леонард, худой и жилистый, проворно исчез в арке; Агате пришлось пролезать боком, иначе бедра застревали.

Небольшой коридор привел ее к подножию извивающейся лестницы из саманного кирпича, едва заметной в неверном свете лампы. Пришлось нагибаться, чтобы не стукнуться головой о крышу. За поворотом Агата оказалась почти в полной темноте. Где-то впереди разносилось эхо шагов Леонарда. Он не сказал, сколько ступенек нужно пройти и далеко ли до храма. Агата почувствовала, как по спине стекает струйка пота. Воздух был сухим и пыльным. Неожиданно ее охватила паника. Не в силах идти вперед, она шагнула назад, тщетно пытаясь развернуться в узком проходе...

– Ой!

Она совсем забыла, что Макс шел за ней следом, и по инерции врезалась в него спиной, невольно прижавшись ягодицами к его бедрам. На долю секунды панику затмила проскочившая искра возбуждения: что-то давно забытое встрепенулось из глубины глубин, шевельнулось, вспорхнуло легкими бабочками...

Агата отпрянула, спотыкаясь.

– Ой, простите, я...

– Вы в порядке? – Макс протянул ей руку. – Держитесь за меня. Погодите, сейчас зажгу спичку.

В ореоле света возникло его лицо.

– Ну вот... Теперь видно? Совсем немного осталось.

– О боже, – простонала Агата, сгорая от стыда. – Какая я глупая!

– Ну что вы, – улыбнулся Макс. – Я несколько вас не виню. Леонард всегда мчитя со скоростью сотня миль в час – совсем не думает о людях, которые пришли впервые и еще не обвыклись.

Спичка догорела, и он зажег вторую.

– Я попрошу его отдать вам лампу на обратном пути.

Леонарда они застали в пустынной комнате с низким потолком: он сидел на некоем подобии трона, вырезанного из стены.

– Это и есть храм? – спросила Агата, пытаясь скрыть разочарование.

– Вы должны представить, как это было в эпоху Авраама, – ответил тот. – Немыслимая по тем временам роскошь: отделка из небесно-голубых кирпичей, шелковые ковры, огромные диваны для короля и его прислужниц, золотые блюда и кубки... А вон там стояла гигантская статуя Наннара, бога Луны. Его изображали в виде старика в тюрбане с бородой

цвета лазурита. Каждое утро он садился в свою барку – которая простым смертным являлась в виде сияющего полумесяца – и пускался в плавание по ночному небу.

Мерцающий свет лампы придавал комнате довольно зловещий вид. Агата припомнила рассказ Кэтрин о проходивших здесь необычных церемониях.

– Это место пропитано магией, – продолжал Леонард. И добавил, словно услышав ее мысли: – В этой комнате осуществлялись самые аморальные языческие обряды – довольно шокирующие для наших современников.

– Да, Кэтрин мне рассказывала.

– Вот как?

Леонард чуть ли не впервые посмотрел прямо на нее. Что-то в его взгляде подсказало Агате, что она ступила на опасную территорию и не стоит воспроизводить рассказ Кэтрин о ритуале плодородия.

– Она упоминала о погребальных ритуалах, – поспешно сказала Агата, меняя тему. – Ужасно, наверное, в те времена приходилось женам и слугам: все время начеку – не дай бог повелитель заболит...

Леонард молча кивнул. Агате стало неуютно под его пронизывающим взглядом.

– Да, такие вещи сложно понять и принять, – промолвил он наконец. – Однако подобные практики существуют и по сей день. Например, обряд сати, когда вдова бросается в погребальный костер мужа, объявили противозаконным столетие назад, и все же некоторые индусы до сих пор считают его высшей формой женской преданности.

Последние два слова Вулли произнес с легким нажимом. То ли у нее воображение разыгралось, то ли... Нависло почти осязаемое ощущение угрозы. Что это: наследие нездорового прошлого – или скрытое соперничество между двумя мужчинами?

Глава 20

Макс с Агатой возвращались домой на мулах. Остальные члены команды ушли на ланч, но Агата уверяла, что не особенно голодна, и Макс предложил поехать более живописной дорогой. Из-за холмистой местности животные двигались медленно – к облегчению Агаты, которая находила мулов чуть менее страшными, чем верблюдов.

– Скоро будем пересекать вади, – предупредил Макс, поравнявшись с ней. – Сейчас там мелко – даже ног не замочите.

У подножия песчаного бархана поблескивала узкая лента воды, берега которой были усеяны дикими цветами. Хрупкие красные тюльпаны соседствовали с пурпурными ирисами и белыми пучками растения, похожего на купырь.

– Вон там деревня бедуинов. – Макс пристально смотрел куда-то на запад, в сторону горизонта. Агата смогла различить лишь деревянный частокол, над которым торчали верхушки шатров, цветом не отличавшиеся от окружающего песка. – Мы поедем к ним в гости на следующей неделе. Нас пригласили на праздник.

– Правда? Вот здорово! – Агата заслонила глаза ладонью. – Значит, они не представляют опасности? Кэтрин говорила, у вас проблемы из-за слухов о сказочных находках.

– Мы платим местному племени. У вождя небольшая армия – патрулируют территорию, охраняют нас от бандитов. Кстати, у него очень пышный титул: шейх Муншид Гази. – Макс улыбнулся. – Я бы не прочь в следующей жизни вернуться бедуинским шейхом – у них не меньше десяти жен.

Агата бросила на него оторопелый взгляд.

– Да шучу! Меня привлекает кочевая жизнь: способность сняться с места и отправиться в путешествие, когда захочется. Я бы бродил по пустыне, жил в шатре, вечно искал новые места для исследований... – Он пожал плечами. – Когда мы впервые приехали сюда, то жили в палатках – не очень удобно, учитывая находки. Кстати, вы уже видели комнату древностей?

– Нет пока.

– Наверное, Кэтрин сама хотела вам показать – если только Леонард не запретит в ней на целый вечер.

– Очень... страстный человек, правда? – Агата покосилась на Макса,

наблюдая за выражением его лица. Она нарочно не уточнила про страсть к работе.

Макс утер струйку пота, стекавшую по щеке, заслонив при этом глаза.

– Да. Пожалуй, один из самых фанатичных людей, которых я знаю. Работает в любое время дня и ночи. А еще блестяще запоминает факты, даже те, что сам выдумал.

– Э-э... – Агата была сбита с толку.

– Вся эта история про Авраама и Ноя – не следует принимать ее за чистую монету. – Теперь Макс смотрел ей прямо в глаза. – Мы обыскали все сверху донизу в поисках таблички с упоминанием Авраама, но пока ничего не нашли. А тот слой аллювиальной^[39] глины – да, указывает на потоп, однако у нас нет никаких доказательств, что речь идет именно о Всемирном потопе из Книги бытия.

– Он говорил так уверенно...

– Это все – часть спектакля. – Макс шумно выдохнул. – Для людей, у которых есть деньги на поддержание экспедиции до тех пор, пока он не найдет подтверждения своей теории... Надеюсь, вы не сочтете меня невежливым за то, что я заостряю на этом внимание – просто считаю своим долгом вас предупредить. Вулли – слаженная команда: умеют очаровывать, но не стоит им поддаваться.

Макс умолк и направил мула к руслу вади. Агата следовала за ним, размышляя о его словах. Неужели он *поддался* им? Позволил Кэтрин украсть свое сердце, а затем отбросить в сторону, когда на горизонте появился лучший вариант?..

Они перебрались через вади и направились вверх по склону холма, понукая животных. Странно все же... Макс такой внимательный, спокойный, всегда заботится о нуждах других людей. В этом смысле они с Кэтрин полная противоположность: та, несмотря на весь свой шарм, явно ставит во главу угла собственные интересы.

Противоположности сходятся.

Так сказала ее мама в день, когда Агата объявила о помолвке с Арчи. «Он не похож на других твоих поклонников, правда?» — заметила она с улыбкой и со слезами на глазах. Слишком поздно Агата поняла – то были вовсе не слезы радости. Юная, влюбленная, она приняла мамино замечание за комплимент: конечно, Арчи не похож на остальных – такой горячий, порывистый, безумно красивый...

В этот момент Агата поняла, что Макс оказался в той же ситуации: плененный, ослепленный и беспомощный.

* * *

Когда они вошли в дом, Селим убирал остатки ланча. Макс поспешно перехватил тарелку с лепешками.

– Ну что, теперь вы проголодались? – Он поднес тарелку Агате. – Осталось еще немного козьего сыра, если хотите.

В дверях возникла Кэтрин.

– Наконец-то! Я уж думала, вас похитили! – Она по-хозяйски взяла Агату под руку. – Хочу показать вам комнату древностей, пока Леонард в проявочной с Дунканом. Вы еще не знакомы с Дунканом? А с Пьером?

Агата покачала головой.

– Пьер – наш эпиграфист, переводит клинописные таблички, а Дункан – эксперт по керамике. Вы увидите их за ужином. В общем, пошли: Нэнси уже там.

Кэтрин повела ее по коридору в самый центр дома.

– Здесь нет окон, – пояснила она. – Невозможно забраться снаружи, а изнутри мы запираем.

Переступив через порог, Агата поняла почему. Освещенная двумя масляными лампами, комната блестела, словно пещера Аладдина. Нэнси стояла возле золотой статуи с головой фараона и телом льва. В руке она держала кубок, окаймленный по краю узором из бараньих голов.

– Смотрите! – Нэнси подняла кубок. – Какой тяжелый! Это настоящее золото?

Кэтрин кивнула.

– А статуя – позолоченная слоновая кость. Та самая, из-за которой разгорелись слухи. Если бы она была из чистого золота, то стоила бы целое состояние.

– Похожа на египетскую, – заметила Агата.

– Между шумерами и египтянами имеется сходство, – кивнула Кэтрин. – Полосатый головной убор почти неотличим. А вот, взгляните...

Она достала с верхней полки коробку, сняла крышку и показала им красивый золотой кинжал с ручкой, украшенной темно-синими камнями.

– Нашли в могиле принца. Сапфиры предположительно из Египта. Пришлось заплатить рабочему, который его выкопал, меру золота по весу – ужасно дорого, но важно предотвратить воровство. Попадались и другие захоронения царских особ, чаще всего уже разграбленные.

Кэтрин указала на кубок, который Нэнси держала в руках.

– Наша лучшая находка. Уникальная, эпохи раннего Аккада.

– А это что? – Нэнси разглядывала мужской бюст в натуральную величину. По стилю он отличался от остальных находок: головной убор скорее арабский, чем египетский, к тому же другого цвета – не золотой, а темнее, рыжевато-коричневого оттенка.

– А... – засмеялась Кэтрин. – Моя поделка. Это Хамуди, наш бригадир – не узнаете?

– Сами сделали? – Агата протянула руку и дотронулась до резных черт.

– Да, в прошлом сезоне. В Лондоне отлила в бронзу и подарила Леонарду на свадьбу.

– Очень красиво, – похвалила Нэнси. – Прямо как живой!

– Пришлось немало потрудиться. Бедный Хамуди позировал мне каждый вечер, когда остальные работники шли домой.

На секунду на лице Кэтрин мелькнуло грустное выражение, быстро замаскированное улыбкой.

– А теперь нам лучше убраться отсюда: Леонарду нужно будет поработать с сегодняшними находками.

Она выпроводила гостей из комнаты и заперла дверь.

– После обеда у нас любят вздремнуть – все, кроме Леонарда, тот вообще никогда не спит... Вы обе наверняка вымотались с дороги. Увидимся через пару часов.

* * *

Кэтрин закрыла глаза, однако сон не шел. Где-то за глазными яблоками начинала пульсировать мигрень. Трудно сказать, что ее спровоцировало; возможно, слишком много времени провела под палящим утренним солнцем. А может, прибытие Нэнси с Агатой породило страх: ведь они наверняка будут задавать вопросы...

Соскользнув с постели, Кэтрин накинула халат, отперла дверь спальни и постояла, прислушиваясь. С кухни доносилась негромкая болтовня: Ибрагим с Селимом готовили ужин. Вот заскрежетала керамика по дереву – Леонард взял что-то с полки в комнате древностей. Он не услышит, как она на цыпочках прокрадется мимо двери в поисках Макса, не узнает, что у нее на уме.

Спящие собаки во дворе не шевельнулись. Дверь в пристройку была слегка приоткрыта, чтобы впустить сквозняк в помещение из саманного

кирпича, где все шесть спален были теперь заняты. Комната Макса располагалась у входа – не придется красться мимо остальных.

Кэтрин помедлила. Царила тишина, нарушаемая лишь храпом – Майкла или Пьера. Она бесшумно подняла щеколду – внутри был замок, однако Макс никогда не запирался – и открыла дверь.

Макс лежал на кровати полностью одетый. На покрывале валялась книга обложкой вверх. С закрытыми глазами он выглядел безмятежно, даже немного величественно, словно юный фараон в саркофаге.

– Макс... – прошептала она.

Он не шевельнулся. Кэтрин подошла ближе и склонилась над ним, приблизив губы к его уху.

– Макс, ты спишь?

Молодой человек распахнул глаза.

– А?.. – Он быстро сел, сбросив книгу на пол – та с мягким стуком упала на козью шкуру. – Что такое?

– У меня голова разболелась. – Кэтрин прижала пальцами висок. – Ты не мог бы сделать мне массаж? У тебя так хорошо получается!

Макс помедлил, нахмурившись.

– Ну... наверное. Надо только сперва вымыть руки.

Кэтрин села на постель. Он налил воды в тазик, намочил губку и протер лицо, затем вымыл руки до локтя. Она заметила, что ноги у него все еще в пыли.

– Вы сядете на стул?

– Лучше лягу, – ответила она. – Положу подушку на другой конец, а ты сядешь на стул – так тебе будет удобнее.

– Ладно... – Макс бросил на нее неуверенный взгляд. – Попробую.

Он передвинул стул от окна к кровати, пока она укладывалась поудобнее, прикрыв голые ноги полами шелкового халата.

Кэтрин закрыла глаза, дожидаясь восхитительного прикосновения пальцев к коже...

* * *

Агата проснулась внезапно, словно от толчка, и не сразу сообразила, где находится. Она заснула голая на кровати, оставив окно открытым. Интересно, что ее разбудило? Наверное, шум снаружи.

Натянув халат, она подошла к окну. Трудно было что-либо рассмотреть

сквозь толстые металлические прутья, да и смотреть особо не на что: голая пустыня, изредка поросшая кустарником; кое-где попадались одинокие валуны. Царила тишина, нарушаемая храпом из соседней комнаты.

Агата решила одеться и выйти в гостиную, прихватив блокнот: там гораздо уютнее, к тому же могла завалиться какая-нибудь еда. До ужина еще пара часов; не следовало отказываться от остатков ланча.

Несколько минут спустя она приподняла щеколду спальни и осторожно вышла в коридор, чтобы не разбудить Нэнси, спящую в соседней комнате. Проходя мимо, Агата заметила чуть приоткрытую дверь: видимо, кто-то из мужчин решил пропустить послеобеденный сон в пользу других занятий. А вдруг он сидит в гостиной? Получится неловко, если они еще не представлены, да и набрасывать дорожные заметки в такой обстановке будет не слишком удобно.

Поравнявшись с дверью, Агата бросила мимолетный взгляд и вдруг застыла как вкопанная. В узкую, шириной не больше дюйма, щелочку виднелась Кэтрин, распростертая на кровати, кусок голый ноги торчит наружу из-под халата; над ней склонился Макс, запустив руки в волосы.

Агата замерла, не в силах пошевелиться, и в этот момент он обернулся. На долю секунды их взгляды встретились, и она пулей выскочила во двор.

Вбежав в гостиную, Агата упала в расшатанное кресло, пытаясь отдышаться. В комнате больше никого не было – и на том спасибо. Немного оправившись, она налила себе стакан воды из кувшина и принялась медленно потягивать.

Нужно дистанцироваться от увиденного, отнестись как к сцене из кино. Какое, собственно, ей дело до того, чем заняты эти двое?

И все же глупо отрицать знакомую жгучую боль в животе – ту самую, что пронзила ее ночью в машине возле дома друзей Арчи.

Ревность, банальная ревность.

Как ты вообще можешь ревновать? Зачем ты бегаешь за мальчиком моложе тебя лет на десять?

– Не знаю, мама... – прошептала она в пустоту.

* * *

Около шести Агата вернулась в пристройку. Дверь спальни Макса была плотно закрыта. Агата поспешно прошла мимо, боясь услышать что-нибудь неподобающее. Они условились с Нэнси разбудить друг друга к

ужину.

Нэнси открыла дверь не сразу.

– Простите, я что-то разоспалась, – сказала она, подавляя зевок. – А вам удалось подремать?

Агата кивнула.

– С полчасика. Потом набрасывала впечатления о раскопках.

Ее так и подмывало рассказать все Нэнси. Нет, нельзя. Рассказать – значит обнародовать, сделать тайное явным, а атмосфера за ужином и без того обещает быть неловкой...

– Как вы себя чувствуете? – спросила она вместо этого. – Я за вас волновалась.

– Гораздо лучше, спасибо. – Халат Нэнси распахнулся, обнажив круглый животик. Она поспешно запахнула полы и завязала пояс. – Только не рассказывайте Кэтрин и остальным, ладно? Я не вынесу, если все узнают.

– Конечно, если вы не хотите... А вдруг она сама увидит?

– Так заметно?

– Не очень, когда вы носите абу. Вряд ли кто-то догадается. Но что, если она начнет расспрашивать вас о планах на будущее?

– Скажу как есть – что Делия оставила мне немного денег, а весной начну искать работу.

– Но...

Агата помедлила, испытующе глядя на Нэнси. Ее беспокоила мысль о том, что девушке придется рожать одной, в чужой стране. Надо открыться Кэтрин. С другой стороны, поведение последней смахивало на предательство, и потому не хотелось посвящать Кэтрин в их секрет.

– Но что? – нахмурилась Нэнси.

И все же надо рассказать. Что бы Кэтрин там ни устраивала в своей личной жизни, она может оказаться хорошей подругой для Нэнси.

– Просто... – замялась Агата. – Я знаю, что вы собираетесь взять няню. А Кэтрин, если надо, всегда поможет в критической ситуации.

– Как? Ур ведь далеко от Багдада.

– У нее имеются знакомства. Думаю, следует рассказать ей о ребенке и попросить держать все в тайне.

* * *

Кэтрин ждала их в гостиной, нисколько не смущенная. Может, Макс ничего ей не сказал? Хотя вряд ли – учитывая, насколько они близки. Наверное, решила делать вид, будто ничего не было, Агате привиделось...

– Пойдемте на крышу, – пригласила Кэтрин. – Оттуда открывается чудесный вид на закат.

Женщины поднялись по внешней лестнице на плоскую крышу экспедиционного дома. Солнце уже склонилось к горизонту, и огненный шар нависал над дальним курганом. Агата различила крошечные фигурки рабочих, спускающихся с холма.

– Здесь мы храним всю найденную керамику. – Кэтрин жестом указала на кучки терракотовых черепков, рассыпанных по крыше. – У меня для вас обеих задумана работенка на вечер, если пожелаете. Вам нравится собирать головоломки?

Она вопросительно переводила взгляд с Нэнси на Агату.

– Внизу есть комната, в которой мы пытаемся сложить кусочки в единое целое. Это могут быть чаши, кувшины, кружки – довольно забавно, когда втягиваешься. Заодно и поболтаем – умираю, до чего хочется услышать, как вы поживали в Багдаде!

Нэнси с Агатой переглянулись. Пока они рассматривали черепки, на крышу поднялся мужчина с курчавыми седыми волосами и кустистой бородой; на вид ему было около пятидесяти. Вошедший приветствовал дам легким поклоном.

– Добрый вечер, – произнес он с французским акцентом.

– Это Пьер из Сорбонны, – представила его Кэтрин. Она положила руку Агате на плечо и мягко подтолкнула в сторону пришельца. – Агата у нас бегло говорит по-французски, Пьер. Уверена, что вы отлично поладите.

К тому времени, как солнце ушло за горизонт, Агата целиком погрузилась в разговор с эпиграфистом. Он рассказывал о клинописных табличках, найденных в домах Ура, и даже предложил начертить ей в блокноте алфавит, чтобы она смогла понять основы древнего языка.

Когда прозвенел гонг к ужину, Пьер взял ее под руку и помог спуститься с лестницы.

– Садитесь рядом со мной, – сказал он по-французски. – Приятно поболтать с новым лицом. Макс – единственный на раскопках, кто более-менее бегло говорит на моем языке.

Макс уже сидел напротив, возле Майкла. Агата пробралась на свое место, опустив глаза. Она покосилась на Кэтрин, которая усаживала Нэнси рядом с каким-то юношей – должно быть, Дунканом; она упоминала его в письмах. Это был археолог из Шотландии, новый член команды, только что

окончивший университет. Он выглядел очень юным, почти подростком.

Последним к столу вышел Леонард и с рассеянным видом занял место между Кэтрин и Майклом. Чувствовалось, что для него еда – лишь досадное, хотя и необходимое отвлечение от работы. Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что происходило под его носом?..

Подали дымящееся блюдо с бараньим рагу. Агата украдкой наблюдала за Кэтрин. Та перегнулась через Леонарда, обращаясь к Майклу; в ее поведении не было ни малейшей неловкости, ни намек на то, что два часа назад она побывала в чужой постели.

Для Агаты ужин превратился в испытание. Весь вечер она старалась не встречаться взглядом с Максом, что оказалось особенно сложно, учитывая характер трапезы: в центре стояла тарелка с лепешками, которые следовало окунать в рагу. Протягивая руку за лепешкой, она опустила глаза, и в этот момент их руки чуть было не соприкоснулись.

Отчего-то Леонард бросил на нее насмешливый взгляд. Неужели понял, что происходит?..

– Закончил читать ваш роман, – произнес он вдруг. – Очень недурно.

– Правда? – Ее окатила волна облегчения. – Который?

– «Убийство Роджера Экройда» – Кэтрин мне одолжила. – Он глянул на жену со слабым подобием улыбки. – И некоторые другие тоже. Мне вообще нравятся детективы.

Агата была приятно удивлена – она уже записала Леонарда в высококобые интеллектуалы и не подозревала, что он готов тратить время на подобную литературу.

– Кстати, – продолжал Леонард, – у меня есть сюжет.

– Правда? – Агата удивилась еще больше.

– Действие происходит в Древнем Египте. Я понимаю, что это не ваш исторический период, хотя уверен, что вы справитесь, если разобраться в материале.

– Бедная Агата! – Кэтрин покачала головой. – Она приехала сюда отдыхать!

– Все нормально, – улыбнулась та. – Я всегда в поисках новых сюжетов. Может, попозже набросаю пару строк.

Кофе подали во дворе, который волшебным образом преобразился в свете фонарей, развешанных по стенам. Леонард с Кэтрин вышли наружу первыми. Агата нарочно замешкалась в столовой до тех пор, пока Макс не встал из-за стола. Тут к ней подошел Пьер и предложил показать табличку, над которой работал в этот момент.

– Да, с радостью! – вскочила она, радуясь возможности ускользнуть.

– *Reste là, je vais l’amener à vous*^[40].

Он вынесет ее во двор. Значит, придется выходить к остальным.

Макс ждал по ту сторону двери.

– Я должен с вами поговорить, – прошептал молодой человек.

Агата прошла мимо, притворившись, будто не услышала.

– Пожалуйста! – Он удержал ее за руку. – Я должен все объяснить. Давайте отойдем на минутку.

– Макс, вы не обязаны ничего объяснять, – резко ответила она. – Ваши личные дела меня не касаются.

– Но я должен! – Он покосился через плечо: остальные занялись кофе. – Я не хочу, чтобы вы подумали, будто между мной и...

Тут вернулся француз с табличкой в руках. Схватив Агату под руку, Макс буквально втащил ее обратно в комнату.

– Извините, Пьер, я хочу кое-что показать нашей гостье – буквально на минутку!

Он завел ее в подсобку и закрыл за собой дверь.

– Простите, мне обязательно нужно объясниться. Представляю, что вы подумали. Все совсем не так. – Макс смело встретил ее взгляд. – Дело в том, что у Кэтрин бывают ужасные мигрени, а на мою долю выпадает лечение.

Он глянул на свои руки.

– Поверьте, мне это не доставляет удовольствия, но она утверждает, что ей помогает только массаж.

Агата задумалась.

– Почему же Леонард сам не может делать ей массаж? Как-то странно просить об этом коллегу...

– Он слишком занят.

– Ну так пусть обратится к доктору!

– Ближайший врач – в Насирии, в тридцати милях отсюда, а телефона у нас нет. – Макс прищелкнул языком. – Кэтрин часто просыпается среди ночи. Она пыталась будить Леонарда, но это бесполезное занятие – впрочем, неудивительно, ведь он так мало спит. Через несколько дней после свадьбы она додумалась привязать к пальцу его ноги нитку и дергала что есть силы, однако и это не помогло. Ну и вот, теперь она приходит за помощью ко мне.

Представив великого археолога, которого дергают за ногу, Агата невольно улыбнулась.

– Иногда я прикладываю ей пиявок. – Макс грустно усмехнулся. – В прошлом сезоне врач сказал, что полезно будет пустить кровь.

– Звучит не слишком приятно!

На его лице отразилось явное облегчение.

– Наверное, я и вправду поспешила с выводами, – призналась Агата. – Особенно после того, как вы настоятельно просили не рассказывать ей о вашем присутствии...

Он кивнул.

– Я понимаю, что вы сложили два и два. С ней очень тяжело находиться рядом, если вы мужчина. Моя мать называет таких *allumeuse*^[41].

Несмотря на свободный французский, этого слова Агата прежде не слышала.

– Эм... Что-то вроде спички? – предположила она.

– Именно. Притягивает к себе мужчин, как мотыльков к пламени, только, в отличие от пламени, делает это вполне осознанно. Даже если вы не заинтересованы, сопротивляться очень трудно. Кэтрин любит поиграть.

Макс подобрал со стола черепок, разглядывая острые края.

– Я впервые приехал сюда три года назад. Помню, по вечерам она просила расчесать ей волосы. Леонард к тому времени закрывался в кабинете. Он пришел бы в бешенство, если бы узнал – не из-за ревности, просто не выносит, когда люди бездельничают. Я пытался ей это объяснить, но без толку. Кэтрин умеет себе подчинять. А если разозлить, создает жуткую атмосферу, пропитанную ядом.

Лицо молодого человека все еще скрывалось в тени. Видимо, он боялся выдать свои чувства. Интересно, как далеко у них зашло? Кэтрин дала ему отпор или все вышло наоборот? Агате ужасно хотелось это выяснить, но лезть так глубоко было бы бестактно.

– А муж? – спросила она вместо этого. – Муж в курсе?

Макс еле слышно вздохнул.

– Леонард поэтому и женился. Слухи о ее поведении дошли до попечителей в Британском Музее. Нас финансирует в том числе и протестантская церковь из Америки: если они прознают, могут запросто дать задний ход. Попечители дали понять, что ей нельзя больше находиться здесь в статусе одинокой женщины.

– Но почему именно за Вулли?

– Потому что он – начальник. – Макс поднял голову. Взгляд у него был настороженный, словно он боялся, что их подслушивают. – Кэтрин нравится делать вид, будто она независима, однако на самом деле ей нужна защита.

Все это никак не сочеталось с образом уверенной личности, который

сложился в поездке. Однако тут Агата напомнила себе, что ей уже приходилось видеть отблески настоящих чувств. В ночь, когда Кэтрин в бреду вспоминала мужа, боль в ее голосе была неподдельной; да и на утро свадьбы она, помнится, обронила, что знает, каково это, когда в твою личную жизнь вторгается пресса. Может, ей действительно была необходима надежная респектабельность, которую мог обеспечить такой человек, как Леонард?..

– Любит ли она его? – спросила Агата, рискуя показаться излишне любопытной. Если нет, если это всего лишь брак по расчету, тогда она вполне может не упускать свою жертву из поля зрения.

Макс открыл было рот для ответа, но тут в дверь постучали.

– *As tu finis?*^[42] – нетерпеливо спросил Пьер.

– Надо идти, – сказал Макс, – иначе обсуждать будут теперь уже вас.

Глава 21

– Как же я рада, что вы здесь! – В одной руке Кэтрин держала сигарету, в другой – ручку древней глиняной урны. – Ужасно не хотелось оставлять вас в Багдаде – так бы и запаковала с собой в «Королеву Мэри»!

– Вряд ли это понравилось бы Леонарду. – Нэнси бросила лукавый взгляд на Агату. – Наверняка он не стал бы ни с кем делить ваше общество.

Кэтрин поднесла сигарету к губам и затянулась.

– Хотите знать, как я провела первую брачную ночь? – Она сделала паузу, переводя взгляд с одной на другую. – Надзирала за выкапыванием уборных! Когда мы прибыли, рабочие еще не закончили подготовку новой площадки. Пришлось всю ночь стоять над ними, чтобы успели к приезду остальных.

– Бедняжка! – покачала головой Нэнси. – Надеюсь, с тех пор наладилось...

– Не особенно. – В голосе Кэтрин звучала предостерегающая нотка.

– Ну если уж на то пошло, – продолжила Нэнси, – мой медовый месяц вообще оказался худшим в истории человечества.

Кэтрин с особым вниманием слушала рассказ Нэнси о неверности мужа.

– Я бы убила, – прокомментировала она. – Что же вы там делали, застряв в одном доме с этими двумя?

Прежде чем ответить, Нэнси взглянула на Агату.

– Боюсь, я попала из огня да в полымя...

И она сбивчиво поведала о романе с женатым актером. Кэтрин слушала с непроницаемым выражением лица. А что, если в этой истории были отголоски ее собственного прошлого? Допустим, она изменила мужу и тот покончил с собой?

Агата порылась в памяти, вспоминая точные слова Кэтрин в бреду. «Зачем он ему сказал, дурак безмозглый! Никто не смог бы...» Да, пожалуй, такое вполне могло случиться. Кэтрин завела любовника в Египте – друга или коллегу ее мужа, а кто-то ему рассказал.

– Дело в том...

Нэнси умолкла. Сигаретный дым плыл над позабытыми черепками.

– Я... я жду ребенка.

Кэтрин резко выдохнула и страшно побледнела, даже глаза потеряли свой яркий фиалковый цвет.

– Ребенка?..

– Простите! – Нэнси вспыхнула. – Я вас обидела. Это ужасно... Я пойму, если вы тут же вышвырнете меня вон.

– Нет, я...

Кэтрин не находила слов, Агата никогда не видела ее в таком смятении. Казалось, новость нанесла ей смертельный удар, но почему?

– Я просто удивлена, вот и все. – Кэтрин затушила сигарету и потянулась за новой. – Совершенно незаметно...

– Ну срок еще не подошел. – Нэнси погладила себя по животу. – Я пытаюсь скрывать. Только не говорите остальным, ладно?

– Конечно, не скажу. А если кто-нибудь потащит вас на экскурсию по пустыне, говорите, что у вас расстройство желудка. – Кэтрин щелчком открыла зажигалку и поднесла сигарету. – Не обижайтесь, если вдруг они станут флиртовать с вами, особенно Макс или Дункан. Ребятам тяжело торчать тут месяцами, а вы ужасно миленькая.

Агата невольно вздрогнула. Значит, по мнению Кэтрин, Макс и Нэнси – потенциальная пара. Стала бы она это озвучивать, если бы до сих пор имела на него виды?

* * *

В ту ночь, когда все заснули, Кэтрин велела Селиму принести горячей воды. Ванная в главном здании была ненамного больше, чем в пристройке: здесь помещалась медная ванна, в которой едва можно сидеть с поджатыми коленями. Селиму пришлось пять раз бегать туда-сюда, чтобы ее наполнить, но таков был ежевечерний ритуал – единственная роскошь, которую Кэтрин позволяла себе в полевых условиях.

Отослав Селима, она сняла халат, затем налила в воду немного изумрудной жидкости из бутылочки, купленной в «Хэрродз» за неделю до свадьбы, и поболтала рукой, взбивая пену. Забравшись в ванну, сгребла пену повыше – чтобы виднелась только голова и шея. Шторка не закрывала окошко – квадратик не больше фута в поперечнике.

И принялась намыливать, медленно вода руками по телу, зная, что он смотрит.

* * *

Агата проснулась посреди ночи и подошла к окну, оставленному открытым. На чернильном фоне кирпичной стены серым пятном свисало небо. В поле зрения попала единственная звезда; возможно, поэтому ей пришла в голову идея выйти на крышу – а может, давила крошечная комната. Свечу зажигать не стала – снаружи хватало света звезд.

Агата ощупью пробралась по коридору, прислушиваясь к уже знакомому храпу. Майкл или Пьер? Трудно сказать, из чьей комнаты. Вряд ли Дункан – слишком молод, чтобы обзавестись такой привычкой. Комнату Макса она уже знала – оттуда не доносилось ни звука.

Во дворе Агата запрокинула голову к небу, очарованная зрелищем. Казалось, до звезд можно дотронуться рукой.

Осторожно поднявшись на крышу, Агата пробралась мимо груды черепков и присела на свободном пяточке. Крыша все еще хранила тепло – то ли от солнца, то ли от камина, который Селим затопил после ужина. Свернув шаль, она подложила ее под голову и легла. Ах, если бы знать названия всех созвездий, разбросанных по небу словно капли дождя в шелковой паутине цвета индиго...

Над горизонтом зависло странное пятно в абрикосовой дымке. Интересно, что бы это могло быть? Для солнца слишком поздно. Тут пятно на глазах стало меняться, приобрело изгиб, похожий на дольку дыни, и Агата тихонько ахнула. Только сейчас она догадалась – луна. Точнее, месяц, поднимающийся над горизонтом, словно золотая лодочка в чернильном океане.

На ум пришел шумерский бог Луны, старик, плывущий в лодке по ночному небу. Хотя она и не знала многих созвездий, но помнила, что поздно встает убывающая луна – старая. И правит лодкой старик. Странно, что это мужчина, а не женщина, ведь во многих культурах луна считается женским божеством, с ее вечно меняющейся формой, повторяющей ритмы женского тела.

Дева, мать и старуха.

Она была девой, была и матерью. Неужели больше ничего не осталось? Съезжиться, как луна, бледнеть и с каждым часом становиться все более незначительной?

Тридцать восемь лет.

Она не готова отпустить фазу полной луны, не готова отказаться от... чего? От возможностей.

В тридцать восемь ее мать уже была вдовой. Приходило ли ей в голову, что она слишком молода для одиночества? В Париже или в Египте – замечал ли ее кто-нибудь из мужчин наравне с юной дочерью?

Насколько Агата знала, мать не испытывала ни к кому особого интереса. Вряд ли она сейчас хотела быть где-то в другом месте, нежели похороненной рядом с мужем.

И все-таки Агата порой ощущала ее присутствие – тихим шепотом в ушах.

Она выбрала одну звезду, ярче остальных. Ученые говорят, что свет такой звезды долетает до Земли за миллионы лет. Невозможно поверить, но так оно и есть. Когда смотришь на звезды, все возможно.

На нее вдруг снизошел покой. Она была совершенно одна. Только луна и звезды, и этого достаточно...

Послышался тихий звук, словно в окно швырнули камешек. Кто-то поднимался на крышу. Леонард? Пришел за черепками? Что он скажет, когда увидит ее лежащей здесь? Она поспешно села, и звезды закружились в хороводе.

– Агата?

На фоне неба выделялся силуэт Кэтрин.

– Что вы тут делаете? – В ее голосе ощущалась улыбка. – Не спится?

Она проскользнула между черепками с грациозностью кошки, уселась рядом, скрестив ноги по-турецки, и запрокинула голову.

– Видите вон ту яркую звезду, прямо над нами? Это Сириус. А левее – созвездие Водолея.

Агата подняла взгляд.

– Да, теперь вижу: женщина сидит на земле с кувшином. Здорово!

– Представьте, люди занимались этим тысячу лет назад: сидели у костра, смотрели в небо. Такое красивое и такое пустое... Я часто сюда прихожу, когда хочется побыть одной.

– Ох, простите, я вам помешала!

– Нисколько. Я от мужчин сбегаяю, не от вас.

– Да, понимаю. Нелегко, наверное, приходится...

Агате хотелось спросить, изменилась ли ситуация – к лучшему или к худшему – после замужества, но побоялась ступить на запретную территорию.

– Ну сейчас уже полегче. – Кэтрин вытянула ноги и оперлась на локти. – Теперь, когда мы с Ленем поженились, стало... Как бы это выразиться... Как будто на песке провели некую линию: каждый знает свое место.

Лен. Раньше она его так не называла. Похоже, это сигнал к расслабленности, готовности раскрыться. Если сидеть тихо и сделаться совсем незаметной, может, Кэтрин поделится еще чем-нибудь?..

– Теперь я понимаю, зачем вы приехали.

Кэтрин все еще смотрела на звезды. Ее слова застали Агату врасплох.

– Я написала сестре в Англию, рассказала о вашем предстоящем визите, а она прислала мне вырезку из газеты о бракосочетании вашего мужа.

Пауза.

– И я вас понимаю. Если бы я знала, то не стала бы навязывать вам свою свадьбу. Ужасное напоминание...

У Агаты перехватило горло. Она сосредоточенно уставилась на ту самую яркую звезду, в глазах защипало.

Сириус.

Она повторяла это название про себя, словно считала до десяти. Ей совсем не хотелось говорить об Арчи, но ведь Кэтрин пыталась извиниться, компенсировать неловкость. Да и потом, что толку хранить молчание, если твоя жизнь уже и так стала достоянием общественности?

– Честно говоря, я вряд ли когда-нибудь оправлюсь от потери первого мужа. – Кэтрин выпрямилась и достала из кармана халата портсигар. – Он был первым мужчиной, которого я полюбила – такое не повторяется.

Она щелкнула зажигалкой, прикрыв ее ладонями; язычок пламени отбрасывал на лицо желтый отсвет.

– Помню, во время расследования позвонил журналист, задавал вопросы. Как будто мне и без того мало досталось! – Она затянулась и выпустила дым. – Вам, наверно, пришлось в десять раз хуже там, в Харрогейте.

– Да...

Ее собственный голос звучал словно из параллельной вселенной; казалось, кто-то управляет ее ртом. Агата никому не рассказывала о тех десяти днях в Харрогейте. Это было ровно два года назад, в декабре 1926-го: она оставила машину на краю карьера и на рассвете добралась до ближайшей станции.

– У меня случился нервный срыв.

Здесь, наверху, в темноте аравийской пустыни, было как-то легче все это выговорить, словно в исповедальне.

– Я тогда ухаживала за матерью в Девоне. Мы были очень близки, ее смерть меня опустошила. А на следующие выходные из Лондона приехал Арчи и заявил, что любит другую. За те несколько дней весь мир перевернулся...

В наступившей тишине было слышно, как затягивается Кэтрин.

– Я хотела спросить вас об этом в поезде, когда впервые начала

подозревать. – Голос Кэтрин звучал мягче, глуше. – Простите... Это было очень бестактно с моей стороны – притворяться, будто я ничего не понимаю, а потом задать вопрос про амнезию.

– Вряд ли вас можно обвинять: в то время этим интересовалось все население Британских островов. – Агата оперлась на другой локоть. – Кстати, вы были правы: идею с потерей памяти придумал Арчи. Он решил, что это единственный способ спасти нашу репутацию. Заявил журналистам, что у меня случился нервный срыв от переутомления. Я даже записалась на прием к психотерапевту для убедительности. После этого один журналист пару недель ходил за мной по пятам, выслеживал каждый день. Я чувствовала себя преступницей.

– Да, я ощущала то же самое после смерти Бертрама. – Кэтрин легла навзничь и выдула струйку дыма в ночное небо. – Испытывала колоссальное чувство вины, хоть и не сделала ничего плохого.

Ничего плохого? Значит, теория о египетском любовнике неверна.

– А вы говорили об этом с кем-нибудь? – спросила Агата. – Мне кажется, в день венчания у вас что-то зрело на уме; вам хотелось в чем-то исповедаться до заключения брака...

– Вы очень наблюдательны. – Кэтрин перегнулась и стряхнула пепел с крыши. – Нет. Это очень... личное. Я даже не могу облечь это в слова – слишком больно.

Пауза.

– Мне жаль. Вы же понимаете, правда?

И тут до Агаты дошло, что имел в виду Макс. «Опутывает тебя чарами...» Именно это Кэтрин и сделала: вызвала ее на откровенность о самых черных днях жизни – и тут же захлопнулась, как устрица. Теперь у нее психологическое преимущество: она знает то, чего не знает никто.

– Агата?..

В хриплом шепоте чувствовался страх. И снова Агате пришло в голову, что она все неправильно поняла. Для Кэтрин это не игра. Обстоятельства смерти мужа таковы, что она действительно не в силах о них говорить. В памяти всплыл фрагмент разговора: объявление Нэнси о беременности и реакция Кэтрин. Может, у нее был ребенок? Мертворожденный или выкидыш?

– Да, конечно, – мягко отозвалась Агата. – Некоторые вещи слишком болезненны. Я понимаю...

Глава 22

Ур – Ухайдир

Агата крепко спала, когда в дверь постучали. Спросонья глянула на часы: половина девятого. Накинув шаль, она пошла открывать.

– Я решила вас разбудить, – сказала Нэнси. – У меня аппетита нет, но остальные уже позавтракали.

Агата торопливо оделась. В столовой Селим убирал остатки завтрака. Она поспешно схватила кусок тоста и попросила чашку чая.

В дверь просунул голову Макс.

– Доброе утро! Не желаете прокатиться по пустыне? Мне нужно забрать из Наджафа зарплату для работников. Можем заодно осмотреть дворец в Ухайдире.

Агата поставила чашку.

– Я о нем читала. Ему больше тысячи лет?

– Верно. Он был построен в семьсот семьдесят пятом году. Сейчас, конечно, там одни руины. Если захотите присоединиться, я отправляюсь через полчаса.

– Пойду спрошу Нэнси.

Агата одним глотком допила чай и встала.

– Боюсь, вас обеих я взять не смогу: в Наджафе нужно забрать кое-какие припасы и охранника-бедуина. – Макс мотнул головой в сторону двора. – У Кэтрин уже заготовлены планы для Нэнси – каталогизировать фотографии. По-моему, она неважно себя чувствует...

Агата кивнула.

– А далеко до Наджафа?

– Миль пятьдесят. Рядом большое озеро – на обратном пути можем устроить пикник. – Макс улыбнулся. – Вряд ли вы протянете целый день на кусочке тоста.

Агата улыбнулась в ответ. Очевидно, Макс любил поесть не меньше ее. Не то что его босс – тот, похоже, ел только из необходимости.

Выйдя во двор, она успела заметить, как скрылись за дверью Кэтрин с Нэнси. В глубине души Агата была благодарна Кэтрин за то, что та все организовала, хоть и немного удивилась этому. Наверное, она все-таки ошибалась: зачем бы Кэтрин посылать Агату вместе с Максом в пустыню,

если она хотела приберечь его для себя?

* * *

По пути в Наджаф Агата призналась Макс, насколько ее удивил внезапный интерес Леонарда к детективным романам.

– Он не такой уж чопорный, правда? – усмехнулся молодой человек. – Да еще эта идея с убийством в Древнем Египте... Он с вами уже поделился?

Агата покачала головой.

– Честно говоря, я сейчас и без того переполнена идеями – правда, все в настоящем времени. Мне никогда не приходило в голову написать исторический детектив.

Она пересказала ему замысел, в котором фигурировали храм езидов и символы в виде шифра.

– Здорово! Я рад, что наша поездка вас вдохновила. – Макс притормозил, объезжая выбоину. – Почему бы вам не поместить действие романа в экспедиционный дом? – Он бросил на нее лукавый взгляд искоса. – Куча мотивов для убийства!

– Правда?

Макс издал веселый смешок.

– За эти три года в команде не осталось ни одного человека, которого я бы с радостью не придушил – исключая разве что Дункана, тот присоединился недавно. Вы не представляете, до чего порой накаляется атмосфера! Группа людей, вынужденных проводить вместе круглые сутки... До реальной драки дело, конечно, не доходит, но бывает, руки так и чешутся...

– В чем же предмет ваших разногласий? – спросила Агата, думая о Кэтрин – наиболее вероятном источнике напряжения. Совсем нетрудно представить, как мужчины за нее сражаются.

– Да в чем угодно, начиная с выяснений, кто не выполнил свою долю работы или кто прибрал последнюю пачку сигарет. За день до вашего приезда за завтраком разве что гром не гремел и все из-за того, что Кэтрин никто не передал тарелку с тостами.

– Правда? Казалось бы, такая ерунда...

– Вот именно! – Макс покачал головой. – Здесь почему-то вечно раздувают из мухи слона, а Кэтрин отчаяннее всех. Жить возле нее – все

равно что ходить по канату над пропастью.

– Да, у меня тоже вчера возникло подобное ощущение.

Агата рассказала ему о своих ночных бдениях на крыше и неожиданном появлении Кэтрин.

– У меня создалось ощущение, что ее до сих пор преследует загадочная смерть мужа. Наверное, из-за этого она такая раздражительная?

– Не исключено, – отозвался Макс. – Я и сам об этом размышлял. А она рассказывала, что не пускает Леонарда в постель? Ему позволено лишь наблюдать за тем, как она моется каждый вечер.

У Агаты непроизвольно отвисла челюсть.

– Да у нас все в курсе, так что вряд ли Кэтрин станет возражать... Не понимаю, как он это выносит, бедняга.

– Очень странно... А она объясняла почему?

– Да нет... – Руки Макса сжались на руле, сквозь загар проступили белые костяшки. – Как вы сами заметили, Кэтрин не любит говорить о прошлом. Однако тут явно что-то кроется: некий психологический надлом, из-за которого она позволяет себе так обращаться с мужчинами. Причем ей все сходит с рук благодаря внешности и природному обаянию. Леонарда вот жалко...

Он резко свернул налево. Вдалеке смутно замаячили минареты. Агата их даже не замечала: перед внутренним взором мелькал образ Кэтрин. Теперь она уже не сомневалась: что-то произошло между ними. Его выдавал голос, напряжение, с которым Макс о ней говорил. Видимо, Кэтрин его заманила и оставила болтаться на крючке. То же самое она теперь вытворяет с Леонардом; разница лишь в том, что последний – ее муж. У него есть права, есть разумные ожидания. Как же столь сильный и властный мужчина мирится с такой ситуацией?

Вскоре стали попадаться придорожные лотки, мулы, груженные корзинами фруктов. Макс притормозил у базара в тени мечети. Агата следовала за ним от прилавка к прилавку, помогая выбрать лучшие апельсины, помидоры, лук и огурцы. Затем дошли до полицейского участка и забрали охранника-бедуина, который сопровождал их в банк. Получив деньги, наконец двинулись в сторону Ухайдира.

* * *

Больше всего дворец напоминал мираж. Он возник из ниоткуда после

долгих миль песка и редкого кустарника. Коралловые стены поднимались над равниной, словно утесы, над башнями кружились хищные птицы.

– Потрясающе! – Агата наклонилась вперед, заслонив глаза ладонью. – Как им удалось построить такую громадину?

– Впечатляет, правда? – кивнул Макс. – Высота стен – около шестидесяти футов. Надеюсь, у вас не бывает головокружений.

За стенами оказалось обширное пустое пространство. Единственным напоминанием о дворце удовольствий служили рухнувшие колонны, украшенные листьями акантуса. По словам Макса, главный интерес для посетителей состоял в том, чтобы забраться на парапет и насладиться панорамными видами пустыни. Лишь когда они поднялись наверх по спиральной лестнице, Агата осознала, насколько здесь высоко. Голова закружилась, и ей пришлось ухватиться за остатки каменной арки.

– Жутковато...

– Возьмите меня за руку, если хотите, – предложил Макс. – Пойдем медленно.

Его рука была теплой и крепкой. Он повел ее к башне, из узкого окна которой открывался чудесный вид: пыльная желтизна пустыни уступила место сверкающей глади бирюзовой воды.

– Это Бахр-аль-Милх, по-арабски «соленое море».

– Дух захватывает! – Агата замерла неподвижно, однако Макс по-прежнему держал ее за руку. – Мы туда поедem на пикник?

– Да. Там на южной оконечности есть чудесное местечко, очень спокойно. Никого вокруг, разве что случайный рыбак попадетсЯ. Можем снять туфли и побродить по воде, если хотите.

Он стоял так близко, что до Агаты доносился запах нагретой солнцем кожи с ноткой чего-то резкого и душистого, вроде чабреца или эвкалипта. В животе снова запорхали бабочки, совсем как тогда, в храме лунного бога. На лбу выступил пот.

Он продолжал держать ее за руку всю дорогу вдоль парапета и не отпускал до тех пор, пока они не сошли вниз.

Охранник-бедуин ждал их у машины, которую Макс припарковал в тени. Винтовка лежала рядом, на мешке с луком. Макс сказал ему что-то по-арабски; охранник проворно залез в кузов и устроился на мешках с провизией, предназначенных для кухни.

До озера добрались на удивление быстро, всего за полчаса.

– Проголодались? – Макс выпрыгнул из машины, обошел кругом и подал ей руку.

– Да, – призналась Агата. – Только очень жарко. Может, сперва пойдem

к воде, побродим немножко?

На самом деле ей ужасно хотелось искупаться. Вода выглядела такой заманчивой! Вспомнились долгие дни на пляже в Торки. Плавание было страстью еще со времен детства. К сожалению, в браке ей не часто выпадал шанс...

– Не желаете поплавать? – предложил Макс – видимо, догадался по лицу.

– Было бы здорово, только я не догадалась взять купальник.

– Так... – Макс глядел себе под ноги. – Может, вы что-нибудь... придумаете?

Он оглянулся на бедуина.

– Я попрошу нашего друга отвернуться, а сам буду плавать с закрытыми глазами, обещаю!

Сердце учащенно забилося. Стоит ли?.. Под платьем у нее были надеты шелковая сорочка и панталоны – больше не позволял климат. До озера еще можно как-то дойти, сохраняя скромный вид, однако в воде белье сразу же намокнет и станет абсолютно прозрачным – все равно что голая...

– Ну я... – Агата замаялась в нерешительности, озеро манило все сильнее. – А чем мы будем вытираться?

– Да и так высохнем на жаре, – улыбнулся Макс. – Могу предложить пару мешков – не слишком шикарно, но все же лучше, чем ничего...

– И вы обещаете не смотреть? – Теперь она тоже улыбалась.

– Слово скаута! – шутливо отсалютовал Макс.

Когда Агата вышла из машины, он уже залез в воду. Она оглядела себя: бледные ноги, плотный животик, от которого так и не удалось избавиться после рождения ребенка. Агата вдохнула, пытаясь втянуть живот – на всякий случай, вдруг Макс или охранник смотрят, – разбежалась и плюхнулась в блаженную прохладу.

– Bravo!

Макс неожиданно вынырнул из воды в паре метров от нее; глаза у него были крепко зажмурены.

– Можете открывать, – сказала Агата. – Начиная от шеи и выше я выгляжу прилично.

Его веки раскрылись, обнажив радужки. В солнечном свете их оттенок напоминал расплавленный шоколад.

– Здорово, правда? – Макс запрокинул голову назад и лег на воду. – Истинное блаженство после долгих месяцев в яме на раскопках!

– Могу себе представить.

Агата пыталась не смотреть на его ноги: мускулистые, загорелые, в

черных волосах, блестящих на солнце. Она поспешно отвела взгляд.

– Там пристань? Давайте сплаваем туда?

– Давайте, если у вас сил хватит.

Агата припустила мощным кролем.

– Я вас обгоню! – крикнула она через плечо.

Сзади послышался смех. Их руки коснулись причала одновременно.

– Ух ты! Где вы научились так плавать?

Макс залез на причал и подал ей обе руки.

– Я выросла у моря. Не помню, чтобы специально училась. Наверное, сестра научила.

Только сейчас Агата сообразила, что сидит рядом с ним мокрая насквозь, и рефлекторно прикрыла грудь. Тут она вспомнила про панталоны.

– Прошу прощения, – забормотал Макс. – Я... я забыл закрыть глаза.

Глядя на выражение его лица, Агата не удержалась от смеха: он покраснел даже под загаром. Она оставила попытку прикрыться и вместо этого шутливо закрыла ему глаза ладонью. Кожа у него была прохладная и гладкая, словно мокрая глина.

Макс поднял руку и погладил ее пальцы.

– Вы такая красивая...

Слова повисли в воздухе, словно раскат грома. Неужели ей не послышалось?.. Агата застыла на месте, не в силах произнести ни слова. В полной тишине плескалась вода о причал; где-то позади в кустах пищала птица.

Он медленно поднес ее ладонь к губам. Поцелуй был едва ощутим, словно крылья бабочки, но все тело пронизало электрическим током.

– О Макс...

Она заглянула в эти манящие глаза. Интересно, что сказала бы мама, если бы увидела ее вот так, почти голую, рядом с молодым человеком?

Однако на сей раз мать хранила молчание.

– Нам пора.

Макс не глядя отпустил ее руку. Конечно, он имел в виду – пора возвращаться к машине, ведь продукты портятся, надо поскорее съесть. А что, если он сожалеет о своих словах, об этом поцелуе?..

Макс почти бесшумно соскользнул в воду. Агата последовала за ним на берег, держась на расстоянии. Он принес из грузовика мешки, оставил их на песке и отошел. Ведет себя как джентльмен или просто утратил к ней интерес?

Обедали в неловкой тишине. Ей хотелось спросить Макса, о чем он

думает. В голове царил полный сумбур, поцелуй разбередил душу, и это пугало еще больше...

На озере появилась рыбацкая лодка. Макс заметил вслух, что было бы неплохо купить свежую рыбу – редкое удовольствие для экспедиции, месяцами живущей в пустыне. Неужели он и дальше будет притворяться, что ничего не было? А может, как и она, боится своих чувств? Агата вяло поковыряла еду – аппетит пропал.

После обеда Макс куда-то отошел, предоставив ей убирать провизию. Агата прикрыла корзины салфетками от мух и уложила в кузов. Интересно, где он? Она вышла на берег и принялась ходить туда-сюда, словно тигр в клетке. Затем вернулась к машине и достала блокнот, чтобы набросать дорожные заметки, но перед глазами стояло лицо Макса. Отложив блокнот, Агата снова поспешила к озеру, сканируя взглядом горизонт...

Неожиданно Макс появился из-за кустов; в руках он нес что-то ярко-оранжевое, резко выделяющееся на фоне одежды цвета хаки. При ближайшем рассмотрении это оказалась охапка диких ноготков – точнее, венок.

– Это вам. – Он поднял венок и надел ей на шею. – Их там видимо-невидимо за кустами.

– Ой, как мило!

Ей захотелось его поцеловать – на этот раз по-настоящему, однако охранник, вышедший вслед за ней к озеру, с любопытством косился в их сторону.

– Нам пора возвращаться, а то дома начнут беспокоиться. – В его взгляде читалось обещание.

Все уселись в машину, и Макс завел мотор. Раздался резкий, неприятный звук. Выругавшись себе под нос, он выпрыгнул из кабины и взялся за лопату. К нему присоединился охранник... Безрезультатно.

– Кажется, мы прочно застряли. – Макс всунул голову в открытое окно, по вискам у него струился пот. – Сам виноват, не надо было здесь останавливаться – песок еще не просох с того ливня, что прошел пару недель назад. И как я не сообразил!

– Может, я буду газовать, пока вы толкаете?

– Нет, спасибо, толкать бесполезно – мы в песке по самые арки. Придется искать, кто бы нас вытащил.

Помолившись аллаху, охранник пешком отправился за помощью – ему предстояло преодолеть двадцать миль через пустыню.

– Боюсь, нам придется ждать, причем очень долго. Не следовало мне втягивать вас в эту поездку... Ужасно!

– Ничего страшного. – Агата вылезла из машины, расстелила мешки в тени и улеглась. – Не беспокойтесь за меня – я немного посплю.

Макс присел рядом, криво усмехнувшись.

– Вы просто удивительная женщина, миссис Кристи. Если бы здесь была Кэтрин Вулли, мне бы досталось на орехи! Пришлось бы без конца выслушивать, какой я недотепа, завез ее бог знает куда...

– Правда?

– Правда. – Макс сгрёб песок в небольшой холмик. – Не обидитесь, если я прилягу рядом?

Агата села, перебирая пальцами венчик из ноготков.

– Очень мило с вашей стороны подарить мне цветы, но... – Она перевела дыхание. – Вы знаете, что я сильно обожглась... Я хочу сказать... Мне сложно понять, почему такой человек, как вы, мог заинтересоваться такой женщиной, как я.

Воцарилась тишина. Макс чертил пальцем спираль на песке.

– Потому что вы мне интересны. – Он произнес эти слова шепотом, как будто их подслушивали. – Вы талантливы, вы – прекрасная спутница, и к тому же у вас очень красивые глаза. Вот почему.

Теперь умолкла Агата, чувствуя, что краснеет. Давно ей не приходилось слышать ничего подобного... Арчи когда-то был романтиком – в прошлой жизни, до рождения Розалинды.

– Спасибо, – пробормотала она. – Это очень... лестно, только... Во-первых, я намного старше вас. К тому же я в разводе, и у меня есть ребенок. Что из этого может выйти?

Макс снова чертил что-то на песке: на этот раз ее имя.

– Надо узнать друг друга получше, а там видно будет. – Он отряхнул песок с пальцев и взял ее за руку. – Послушайте, я собираюсь вернуться в Лондон до Рождества. Только никому не говорите: мы выкопали посмертную маску из чистого золота, и Леонард боится посылать ее обычными каналами – хочет, чтобы я лично отвез. Вот я и подумал... Вы когда домой? Давайте поедем вместе?

– Было бы...

Агата не успела закончить. Его ладонь легла на затылок, и губы принялись жадно исследовать ее рот. Ее язык касался уголков его рта, ощущая привкус соли – смесь озерной воды и пота. Крепкие объятия, песок в волосах... Надо бы остановиться... Слова в голове взорвались радугой. А почему нет? Почему, собственно, нет?..

Его губы чертили дорожку на ее шее, когда вдалеке раздались выстрелы. Макс пулей вскочил на ноги.

– Не вставайте! Лезьте под машину!

Он оттеснил ее назад, заслонив своим телом, и нащупал на заднем сиденье бинокль.

– Вот так чудеса! Это Махмуд – ему удалось кого-то найти!

Агата пригляделась: на горизонте двигалась еле заметная точка. По мере приближения стало ясно, что это древний «Форд». Охраннику повезло перехватить автобус на пути из Наджафа в Басру. Четырнадцать пассажиров – все мужчины – разом взялись и вытащили грузовик из песка.

Обратно ехали молча. Агата была ошеломлена случившимся, голова горела как в огне, мысли заглушали голоса ее матери и Арчи: *тебе должно быть стыдно, настоящая леди никогда не станет себя так вести!*

Пару раз она украдкой бросила взгляд на Макса, пытаясь угадать, о чем он думает, но тот сидел с непроницаемым выражением.

Остановившись у главного дома, Макс выпрыгнул из машины и подошел к ней.

– Мне нужно разгрузить припасы, а потом идти на раскопки, выдавать зарплату. Вы справитесь тут одна?

Агата кивнула.

– Макс, я...

Она запнулась. То, что в пустыне казалось таким легким и естественным, теперь ужасно смущало.

– Надеюсь, вы не думаете, что я воспользовался случаем? – перехватил инициативу Макс. – Я действительно хотел бы узнать вас получше. Подумайте об этом, ладно? О том, чтобы поехать вместе.

Агата нагнулась и поцеловала его в нос.

Глава 23

На следующее утро Агата проснулась с ощущением перемены. Казалось, все чувства обострились: шуршание птицы на крыше, запах увядающих цветов на тумбочке, скрип двери в дальнем конце коридора – все стало ярче, резче, словно до этого она жила под вуалью. Что-то случилось с ней в пустыне, что-то очень важное... Когда Макс повесил ей на шею венок, глубоко в душе встрепенулась прежняя Агата, та, что была до Арчи.

Она дотянулась до венка и зарылась лицом в мягкие лепестки. Вчерашний день казался сном...

Интересно, о чем думал Макс, проснувшись? Прошлым вечером они старательно держали дистанцию, бросая друг на друга робкие взгляды за столом. После ужина Леонард увел его показывать коллекцию оружия, которую они нашли в тот день. Агата с Нэнси продолжили выполнять задание Кэтрин: складывали черепки. Сама Кэтрин ушла помогать Максиму и Леонарду.

Агате ужасно хотелось рассказать о том, что случилось на озере, однако, учитывая затруднительное положение Нэнси, было бы крайне бестактно даже упоминать об этом. Разговор ограничился обсуждением всех членов экспедиции, кроме Макса.

Нэнси явно беспокоили супружеские отношения Вулли. Ее послали в проявочную за фотографиями, и во дворе она случайно услышала разговор, не предназначенный для посторонних ушей.

– Кэтрин устроила ему головомойку, – поделилась она. – Все из-за какого-то ящика с апельсинами – ей не понравилось качество. А он так терпеливо слушал, даже голос не повысил!

Агата не стала передавать ей то, что узнала от Макса о физической стороне брака Вулли: некрасиво обсуждать личную жизнь хозяев, пользуясь их гостеприимством.

– Странная пара, – продолжала меж тем Нэнси. – Он такой отстраненный, никак не похож на семьянина! Создается впечатление, что кусок древней керамики ему куда интереснее человека, родившегося в двадцатом веке нашей эры.

Агата кивнула.

– Думаете, это брак по расчету? Если они спят в разных комнатах...

На лице Нэнси мелькнуло горькое узнавание, и Агата поспешно

сменила тему, чтобы не беречь раны.

Вскоре появилась Кэтрин с подносом кофейных чашек, подаренных Агатой. Она была в превосходном настроении и всячески нахваливала их успехи. В кофейнике оказался так называемый «дикий кофе»: гуца с зеленым кардамоном, коричневыми палочками и шафраном. Кэтрин принялась обучать их этикету употребления.

– Вам это пригодится завтра: мы пойдем на праздник в деревню бедуинов. И не обижайтесь, когда первыми обслужат мужчин – таков обычай, а начинают всегда с самых старых.

Кэтрин подняла чайник с лебединым носиком.

– Он называется «далла», а такие чашки без ручек – «финьян». На официальных мероприятиях кофе наливают с расстояния фута, поскольку считается невежливым подходить к гостю ближе.

Она продемонстрировала, как правильно наливать.

– Чашку наполняют лишь на четверть, чтобы не было слишком горячо – так приятнее наслаждаться вкусом. Подающий скажет тебе «самм» – это означает, что нужно произнести имя Господа.

– Нам тоже надо? – уточнила Нэнси.

Кэтрин кивнула.

– Им не важно, что вы не мусульмане – они не считают это лицемерием или еще чем-то. Они верят, что их бог и наш – одно и то же, просто имена разные. – Она подняла чашку и вдохнула аромат. – После того как выпьете, у вас два варианта: если хотите добавки, нужно слегка потрясти чашку, если достаточно – переверните ее вверх дном.

– М-м-м, как вкусно! – Агата скопировала ее жест. – А где вы достали этот кофе? Хочу прикупить домой.

– На базаре специй в Багдаде, на любом прилавке. Нужно только знать, чего просить, и они смешают.

Наблюдая за Кэтрин, Агата не заметила ни следа беспокойства, о котором говорил Макс. Интересно, будет ли она сегодня принимать ванну? А Леонард – смотреть и не иметь возможности прикоснуться? Как вообще мужчина может сдерживаться в такой ситуации? Чистая пытка!

* * *

Когда Агата вышла к завтраку, Кэтрин с книгой сидела во дворе.

– Не хотите прогуляться со мной? Так, самую малость, нагулять

аппетит.

Она улыбалась, но голос выдавал некоторую напряженность. Интересно, что бы это значило?

Кэтрин повела ее мимо дремавших собак за ворота комплекса, к высохшему руслу, вдоль которого лепились низкорослые кусты. Временами попадались карликовые тюльпаны – те самые, что стояли в ее спальне на подоконнике.

– Ну как вам понравилась вчерашняя вылазка с Максом?

Ах, вот в чем дело! Интересно, что ей успел рассказать Макс?..

– Понравилась, – ответила Агата нейтральным тоном. – Весьма познавательно.

– Вы ездили на озеро?

– Да, очень красивое.

– А Макс, значит, купался!

Захваченная врасплох, Агата не нашла что ответить. Неужели он откровенничал с Кэтрин? Не может быть – после того, как он о ней отзывался...

– Не пытайтесь его прикрыть, – продолжала Кэтрин. – Я видела шорты на веревке. Он стирает их раз в неделю, всегда по субботам – железная улика.

Она сняла шляпу и принялась отмахиваться от тучи мух, роившихся над ними.

– Надеюсь, Макс вел себя прилично – он ведь понимает, какой вы важный гость. Мне бы не хотелось, чтобы он позволял себе вольности... – Кэтрин резко взмахнула шляпой в паре дюймов от уха Агаты.

– С чего вы взяли?

А вдруг Кэтрин заметила ее нижнее белье? Агате и в голову не приходило, что кто-то может заподозрить ее в купании. Постирала белье после жаркого дня в пустыне – что тут такого, вполне естественно.

– Потому что я его знаю! – Кэтрин повернулась к ней, сверкая глазами. – Он – молодой, энергичный юноша, а вы – привлекательная, умная, успешная женщина. Будьте осторожны, Агата! Факт есть факт: мужчины вас хотят – и не всегда с праведными помыслами.

У Агаты кольнуло в груди. Неожиданно вчерашний день предстал в новом, безжалостном свете. Держание за ручку в крепости, купание в озере, объятия на песке – неужели все это ловушка, чтобы ее умаслить? Она словно воочию представила, как Кэтрин наставляет Макса: расслабь ее, польсти немножко – глядишь, и подкинет нам денегат... Он зашел слишком далеко – зарвался, превысил полномочия. А она, как дура,

попалась на удочку. Может, и авария была подстроена, чтобы отослать бедуина и побыть с ней наедине?..

Жужжание мух приглушало внутренние голоса. Мягкий, но строгий голос матери: *надо быть умнее*. Голос Арчи, холодный, исполненный неприязни, как тогда в Харрогейте: *смешно и думать, что кто-то тебя захочет, тем более молодой и красивый мужчина...*

С другой стороны, зачем бы Макс так настойчиво просить ее о совместной поездке в Лондон, если все подстроено?

Внутри все вскипело от расчетливой манипуляции. Ясно ведь, как божий день – Кэтрин просто ревнует! Когда-то приручила Макса, а тот взял и сорвался с поводка. Разве можно допустить, чтобы его потянуло к другой?!

– Мы купались вместе. – Агата старалась не выдавать своих чувств. – Было жарко, вот мы и решили освежиться. Макс вел себя как истинный джентльмен – крепко зажмурился.

Какое-то время Кэтрин молчала.

– Ну вы меня удивили! Даже не знала, что вы такая... свободомыслящая.

Агата сжала челюсти.

– Позвольте вам кое-что напомнить... – произнесла она, изо всех сил борясь с эмоциями. – Вы замужем. Я – нет, Макс тоже свободен. Да, нам нравится общество друг друга, и что? Какое вам, собственно, дело?

– Ой, только не говорите, что влюбились в него!

– Глупости! – Агата почувствовала, что краснеет. – Никак не пойму, вы-то с чего так беспокоитесь? Может, вам стоит задать этот вопрос самой себе?!

Слова подействовали как выстрел: Кэтрин вдруг осела на песок и уткнулась лицом в ладони.

Агата встревоженно склонилась над ней.

– Что с вами?

Кэтрин приподняла голову, в глазах стояли слезы.

– Простите... Ненавижу себя!

Сердце неистово забилося. Так она была права в своих предположениях: Кэтрин любит Макса?

– Дело не в...

– В чем?

– Дело не в нем... – пробормотала Кэтрин дрожащим голосом. – Я... Понимаете, я пытаюсь контролировать людей. Я знаю, это нехорошо, но это мое...

Она поджала губы, словно боялась сказать лишнего.

Агата взяла ее за руку.

– Что? Скажите мне...

– Я н-не могу... – выговорила Кэтрин, стуча зубами. – Д-думала, что смогу, н-но...

– Дышите, дышите глубже. – Агата утерла ей слезы. – Вот так... Не пытайтесь говорить, если не хотите.

Когда Кэтрин вновь нарушила молчание, ее голос звучал тверже.

– Я... слишком полагаюсь на Макса. Он был другом. Утешителем.

– Теперь у вас есть Леонард...

Затаив дыхание, Агата ждала продолжения.

– Нету. – У Кэтрин вырвалось нечто среднее между вздохом и рыданием. – Я не могу быть ему женой. Ни ему, ни кому-либо другому...

– Но почему?!

В голове промелькнула мысль: уж не собирается ли Кэтрин признаться, что предпочитает собственный пол? Невероятно! Судя по словам Макса, она веревки вила из мужчин.

– Я хотела все рассказать в день свадьбы, однако испугалась. Понимаете, никто не знает... – Кэтрин опустила голову.

– Что? – прошептала Агата. – Что вы хотели рассказать?

– В тот день Бертрам послал за доктором – для меня. – Она достала из кармана платок и высморкалась. – У нас были... проблемы.

Агата снова затаила дыхание, боясь спросить лишнего.

– Я... мы... У нас не получалось... – Кэтрин искательно заглянула ей в лицо. – Вы понимаете, что я имею в виду?

Агата кивнула. На самом деле она не поняла: то ли речь шла о невозможности секса с первым мужем, то ли о невозможности зачать ребенка. Однако сочла за лучшее промолчать: спрашивать прямо – все равно что тыкать палкой в улитку, едва показавшуюся из раковины.

– Разумеется, я этого хотела, – продолжала Кэтрин. – Я обожала Бертрама с первого взгляда. Но в ночь свадьбы мы... То есть я знаю, что в первый раз больно, все так говорят... Я не представляла, что это настолько больно! И легче не становилось. Каждый раз, когда он...

Она поднесла платок к носу.

– Через полгода мы решили пойти к доктору. В то время мы жили в Египте, вскоре после войны, так что найти врача было не просто... Ну вот, он меня обследовал. Никогда не забуду выражение его лица. Я спросила, что со мной, а он захотел сперва поговорить с мужем.

Еще одна слеза скатилась по щеке и беззвучно упала в песок.

– Только потом я узнала, что сказал доктор. – Кэтрин закрыла глаза, в уголках скапливались слезы. – Наверное, все из-за разницы в языках. Он говорил по-арабски, его английский был весьма ограничен, но формулировка вышла крайне жестокой. Он заявил Бертраму, что тот женился на мужчине, а не на женщине.

– Как?..

У Агаты отвисла челюсть. Это невозможно! Она видела Кэтрин обнаженной в бане: роскошное тело, о котором мечтают мужчины и которому завидуют женщины. Трудно представить более совершенный образчик женственности. Что затеял этот странный доктор?

– Он обнаружил, что у меня отсутствуют... женские органы. Внутри, по крайней мере. Ни матки, ни яичников. И только крошечное... Поэтому было так больно.

– Ох, Кэтрин...

Агата обняла ее за плечи. Теперь многое прояснилось: самоубийство мужа, выражение лица Кэтрин, когда она шла к алтарю в Багдаде, ежевечерний ритуал купания, придуманный, чтобы держать Леонарда на расстоянии вытянутой руки. И то, как она играла с мужчинами вроде Макса, – даже это теперь стало понятным в свете открывшейся тайны. Как ужасно – испытывать влечение к мужчине, зная, что нет никакой возможности его удовлетворить!

– Ошибка природы, так говорят все медицинские справочники. – Кэтрин подняла голову, промокая лицо платком. – Конечно, я пыталась выяснить, когда вернулась в Лондон. Одна на миллион. Проклятие в том, что снаружи мы выглядим как настоящие женщины и чувствуем тоже...

– Кэтрин, позвольте спросить...

Агата помедлила. Это не досужее любопытство: чтобы помочь, ей нужно понять...

– Зачем вы вышли за Леонарда?

Кэтрин устало вздохнула.

– Так и знала, что вы спросите... Боюсь, ответ вам не понравится. По сути, у меня не было выбора. Попечители не одобряли присутствие на раскопках одинокой женщины. Если бы я за него не вышла, то потеряла бы работу. Он сделал предложение, и я приняла.

– А он знает?

– Боже правый, нет, конечно! – Кэтрин содрогнулась. – Неужели, вы думаете, Леонард женился бы на мне? Несмотря на общее впечатление холодности и отстраненности, выяснилось, что ему отнюдь не чужды простые человеческие... желания...

– Вы же наверняка понимали, во что ввязываетесь?

– Не особенно, – пожалала плечами Кэтрин. – Я думала, этот брак для него – такая же формальность, как и для меня. Он никогда не проявлял интереса к женщинам. Я даже подозревала, что он – гомосексуалист, а когда поняла... Ну я убедила себя, что смогу обращаться с ним так же, как с другими: позволять ему... кое-что, при этом близко не подпускать, держать на расстоянии. А вышло... – Она покачала головой. – Сперва он был терпелив, а теперь постоянно спрашивает, когда же я пущу его к себе в постель.

– Вы его любите?

– Что за вопрос! – Кэтрин прищелкнула языком. – Он мне нравится, я его уважаю, но... вряд ли я кого-нибудь полюблю после Бертрама.

– Понимаю, – кивнула Агата, – но честно ли продолжать водить его за нос? Может, удастся прийти к какому-то... компромиссу? – Она изо всех сил старалась подобрать слова так, чтобы не смущать Кэтрин еще больше.

– Что вы имеете в виду?

– Не мне вас учить, как вести себя в браке... Не лучше ли выложить все как есть? Леонард – умный человек и наверняка поймет, если объяснить.

– А если нет? А если он аннулирует брак?

– Он вас любит?

– Говорит, что да.

– Тогда пусть припомнит клятвы, данные у алтаря. «В болезни и в здравии, в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас».

– Вряд ли ему понравится новость о том, что его жена неспособна выполнить единственное, что отличает брак от всех остальных видов отношений.

– Есть вещи куда хуже: болезнь, инвалидность... Люди женятся и остаются вместе, несмотря ни на что. Вы говорите, он терпелив. Может, дать ему шанс? Ведь если вы ему не расскажете, то обречете себя на вечные мучения – ни одна работа в мире того не стоит!

Кэтрин промолчала с отсутствующим видом.

– Вы живете во лжи, как мы с Арчи под конец, – продолжала Агата. – Я знаю, каково это, – невыносимая ноша, поверьте! Поэтому я и сорвалась... То же самое может случиться с вами, если вы не откроетесь Леонарду.

Кэтрин едва заметно кивнула.

– Да, вы правы. Но у меня не хватит духу... Как ему сказать?

– Ну вы же рассказали мне – уже хорошее начало.

– Пожалуй... – Она снова кивнула. – Только не говорите никому, ладно? Макс там или Нэнси... Я не вынесу, если все будут шептаться...

– Конечно, не скажу. – Агата пожала ей руку. – Я сохраню вашу тайну, обещаю!

Глава 24

Прошло несколько часов, прежде чем Агата снова увидела Кэтрин. Вернувшись в дом, женщины узнали, что к ним едет чиновник из Британского консульства. Новость распространилась мгновенно, и все засуетились. Завтрак поспешно убрали, каждому – включая Агату и Нэнси – выделили часть дома для приведения в порядок.

– Зачем он сюда едет? – спросила Нэнси, взбивая подушки на диване.

– Понятия не имею, – откликнулась Агата. Ей велели вычистить пепельницы, расставленные по всему дому. – Может, держат руку на пульсе, ведь тут столько всего ценного...

– Я думаю, это из-за неприятностей в Басре. – В дверях возникло лицо Майкла, обрамленное рыжими бакенбардами. – Возле границы начались волнения. Наверное, попросят нас быть начеку.

Макса послали забрать гостя со станции. К тому времени, как они подъехали, дом выглядел более-менее прилично. Леонард и Кэтрин вышли навстречу, Агата с Нэнси остались наблюдать за ними через окно гостиной.

– Я его знаю, – сказала Нэнси. – Это помощник верховного комиссара, его зовут Хью Кэррингтон. Не очень приятный тип, к сожалению.

– Вы разговаривали с ним насчет Делии?

Нэнси кивнула.

– Пытался меня выпроводить. Сказал, что нет смысла выяснять обстоятельства смерти, поскольку они подпадают под действие Закона о государственной тайне. Я продолжала настаивать на том, что хочу видеть его начальника, и тогда он повел себя крайне неприятно. Прямо не грубил, но ясно дал понять, что я отнимаю их драгоценное время.

Познакомиться с Кэррингтоном Агате не удалось – Макс отвез их с Нэнси на раскопки, оставив Леонарда и Кэтрин наедине с гостем.

Нэнси устроилась читать в палатке, установленной в тени зиккурата. Агате же Макс выдал лопатку и кисть и показал, что делать.

– Если найдете что-нибудь – что угодно, – сразу кричите, – велел он.

Агата опустилась на колени, чувствуя себя настоящим археологом. Вскоре лопатка ударилась о что-то твердое. Она осторожно смела песок, обнажив кончик чего-то стеклянного. На зов прибежал Макс.

– Судя по всему, осколок кубка. Можете не осторожничать – он гораздо более позднего периода. Тысяча лет самое большее.

– Какая жалость!

Макс улыбнулся.

– Можете взять на память в качестве сувенира.

Когда пришло время возвращаться, Агата набрала полную сумку. Разноцветные осколки и черепки напомнили ей детство в Торки. Ребенком она часто гуляла по пляжу и находила гладкие стеклышки, обкатанные волнами, – голубые, зеленые, желтые...

Разложенные на кровати сокровища сверкали на солнце, словно драгоценные камни.

Тысяча лет самое большое... Вспомнив слова Макса, Агата невольно улыбнулась. Она легла рядом со своей добычей и закрыла глаза, вспоминая вчерашний день. Не опасно ли это – отпускать на волю воображение, представлять себе будущее с этим мужчиной? Есть ли у нее хоть призрачный шанс, учитывая его образ жизни?..

Разбудил ее голос Макса снаружи: пора было ехать на праздник в деревню бедуинов.

– Сперва отвезу вас, если не возражаете, – заявил он официальным тоном, когда Агата открыла дверь. – С вами поедут Пьер, Майкл и Дункан. Потом вернусь за остальными.

Она подивилась сухости тона, но тут заметила Дункана, идущего по коридору, и все поняла.

Макс усадил их в грузовик: женщин вперед, мужчин назад, на мешки. Агата сидела посередине, вплотную к рычагу переключения передач. Рука водителя как бы невзначай соскользнула, и она почувствовала тепло его кожи сквозь ткань юбки.

– Ох, прошу прощения!

Макс поспешно отдернул руку, изо всех сил делая серьезный вид. Агата улыбнулась в ответ, зная, что Нэнси не заметит. Перед глазами вновь поплыли обрывки вчерашнего дня: блестящее от воды тело, лицо, склоняющееся над ней...

– Это Хамуди? – прервал ее размышления голос Нэнси.

Навстречу им ехал человек на муле, одетый по-арабски.

– Он самый, – ответил Макс, вскидывая руку в приветствии.

Поравнявшись с бригадиром, он опустил стекло и сказал что-то по-арабски. После короткой беседы мужчины продолжили путь.

– Поехал предупредить о нашем госте, – объяснил Макс. – Было бы неловко, если бы государственный чиновник явился без приглашения. Ситуация и без того сложилась щекотливая...

– И что, у нас будут проблемы? – заволновалась Нэнси.

– Не волнуйтесь, все в порядке, – заверил Макс. – Вопрос этикета, не

более того. Все должно быть по правилам – здесь этому придают очень важное значение.

Впереди показались шатры бедуинов.

– Кстати, не обижайтесь, если вас двоих посадят в другое место, подалее от нас. Их женщинам вообще не дозволяется посещать праздник. Западных пускают, но держат на расстоянии от мужчин.

Он притормозил у деревянного частокола, окружающего деревню. Выйдя из машины, Агата тут же ощутила аромат жареного мяса, и рот непроизвольно наполнился слюной. Запах исходил из ямы, выкопанной в песке; рядом висел огромный медный котел.

– Пойдемте, я познакомлю вас с шейхом, – сказал Макс. – Только не пожимайте ему руку – им это нельзя, просто кивните.

Шейх Муншид оказался примечательной личностью в изумрудно-зеленом тюрбане, борода у него была выкрашена хной. Сидя под пологом шатра, он приветствовал подошедших легким поклоном. Гостей представили, затем Агату с Нэнси отвели в дальний конец огромной площадки и усадили на яркие подушки, разложенные на козьих шкурах.

Откуда-то сзади донеслись приглушенные хихиканья.

– Кто это? – удивилась Нэнси.

Агата оглянулась через плечо. Часть шатра была отделена перегородкой, за которой двигались люди: иногда на ткани появлялась выпуклость – кто-то прислонялся плечом или локтем – и тут же исчезала.

Лишь с прибытием Кэтрин выяснилось, что там происходит.

– Это женщины шейха, – объяснила она. – Им не разрешается сидеть с нами, но они любят подглядывать и подслушивать.

Постепенно шатер наполнялся бедуинами, на тридцатом Агата сбилась со счета. Когда все уселись в большой круг, шейх отдал приказ: в шатер внесли сокола и усадили на деревянную жердочку в самом центре. Макс наклонился к шейху и сказал что-то по-арабски. Агата вопросительно взглянула на Кэтрин.

– Расхваливает сокола перед шейхом, – пояснила та. – Это все часть ритуала: мы платим ему за охрану, он показывает нам свои ценные активы, а мы должны отпускать комплименты. Не волнуйтесь, скоро принесут еду.

И действительно, сокола вынесли, а на его место внесли тот самый медный котел. В воздухе витали изумительные ароматы жареной ягнятины со специями.

– В котле – рис, – продолжила объяснения Кэтрин. – Мясо готовят на шампурах, а потом кладут сверху. Сейчас будут обходить гостей: нужно взять порцию из котла и есть руками.

Мужчин обслуживали первыми. Агата наблюдала за процессией к котлу: сперва шейх, за ним пожилые бедуины, далее Макс с остальными и, наконец, молодые юноши. В животе урчало от голода. А вдруг им ничего не останется?

Волновалась она напрасно: после того как все сидящие в кругу получили по добавке, котел оставался наполовину полон. Когда женщины поели, котел понесли ко второму кругу, где сидели менее значимые гости; среди них Агата заметила Хамуди и Селима.

Между тем в кругу шейха начали подавать кофе и сладости. Агата откусила от квадратика цвета бисквита с коричневой верхушкой.

– М-м, как вкусно! – Она взяла с тарелки еще одну. – Что это?

– «Холва тамар», – ответила Кэтрин. – Готовят из фиников, орехов и семян кунжута.

– А там что такое? – забеспокоилась Нэнси.

Перед шатром собралась толпа мужчин и женщин в лохмотьях. Вид у них был изнуренный, они беспокойно заглядывали в шатер.

– Ждут объедков, – ответила Кэтрин, – если что-то останется после слуг – чаще всего кости и горстка риса. Это нищие, привыкли довольствоваться малым.

Когда котел вынесли наружу, толпа набросилась на еду. Вскоре слуги наклонили котел набок, демонстрируя пустое дно.

Шейх поднялся на ноги и кивнул сидящим вокруг, словно решил произнести речь. Однако вместо этого он сунул руку в складки шали, ниспадающей на плечи, достал пистолет и направил его на Леонарда Вулли. Все дружно охнули от неожиданности.

– О боже! – прошипела Кэтрин. – Что он делает?!

Леонард бросил взгляд на Макса. Тот сказал что-то по-арабски. Шейх засмеялся и ответил ему. Кэтрин вцепилась в руку Агаты.

– Что происходит? – шепотом спросила та. – Что он сказал?

– Макс спросил его, заряжен ли пистолет... Тот ответил – да, иначе какой смысл... Он купил его за деньги, которые ему заплатил наш...

Тут Макс приподнялся и снова заговорил с шейхом, указывая на что-то во дворе. Ухмыльнувшись, шейх развернулся и прицелился. Над головами соплеменников просвистела пуля, и тут же раздался громкий треск. Бедуины покатались со смеху и выбежали во двор поглазеть.

Воспользовавшись суматохой, Макс поспешил в угол к женщинам.

– Не волнуйтесь, это всего лишь горшок, в котором носят воду. Я решил его отвлечь...

– Он просто сумасшедший! – возмутилась Кэтрин. – Бедный Лен –

побледнел как полотно!

– Может, вам пойти к нему?

– Не могу – это сочтут грубым нарушением этикета.

– Но Макс ведь подошел к нам!

– Это совсем другое дело, – улыбнулся тот. – Двойные стандарты; увы, так здесь принято.

Шейх и его свита мало-помалу возвращались на место.

– Пойду, пожалуй, а то как бы он не навел свой пистолет в вашу сторону.

Через несколько минут Макс вернулся.

– У шейха особая просьба. – Он переводил взгляд с Кэтрин на Агату. – Он хочет, чтобы вы взглянули на его жен: у некоторых, судя по всему, проблемы со здоровьем.

– У некоторых? – Агата подняла брови. – Сколько же их у него?

– Около дюжины. Хотя за последнее время мог обзавестись еще парочкой, кто знает. – Макс изо всех сил старался не смеяться. – Вы ведь тоже работали медсестрой? Сможете помочь Кэтрин?

– Ну пожалуй... – Агата замешкалась в нерешительности. – Только у нас нет медикаментов...

– Есть, – возразила Кэтрин. – Аптечка в машине.

Макс и Нэнси пошли за аптечкой, остальные прошли за перегородку. Гарем шейха ожидал их, сидя на подушках. При виде Агаты с Кэтрин хихиканье усилилось.

– Лучше бы Макс пошел с нами, – пробормотала Кэтрин. – По-арабски он говорит куда лучше меня.

Возраст женщин варьировался примерно от пятнадцати до сорока. Всего их было пятнадцать. Когда Кэтрин спросила, кто болен, все дружно шагнули вперед. Первая показала на глаза.

– У нас есть борная кислота? – спросила Агата.

Вместо ответа Кэтрин улыбнулась.

– По-вашему, это не конъюнктивит?

– Возможно... – Кэтрин не удержалась и захихикала. – Кажется, я поняла, в чем дело. Мы были здесь в прошлом году – на таком же празднике, и я дала одной из жен борную кислоту промывать глаза. Видимо, она неправильно меня поняла и вместо этого выпила пузырек.

– Господи! И что случилось?

– Через несколько месяцев она родила двойню – мальчиков. Видимо, шейх надеется, что я раздам ее всем женам!

Словно по команде за перегородкой раздался голос шейха. Губы

Кэтрин дернулись, и она зажала рот ладонью.

– Что он говорит?

– Что хатун^[43] – я то есть – совершает чудеса. Спрашивает Макса, не осталось ли у него волшебного белого порошка...

Было приятно видеть Кэтрин в хорошем настроении. Жены присоединились к веселью; понадобилось некоторое время, чтобы все успокоились, и можно было выяснить, кто же действительно болен. Раздав лекарства от головной боли, йод и показав, как промывать глаза, гости наконец попрощались и вышли к машине.

Они остались последними – остальных Макс уже отвез домой. Кэтрин села посередине, между Агатой и Максом.

– Кстати, наш гость попросился переночевать, – сообщил последний, заводя мотор. – Сказал, что не хочет спать в поезде.

– Вот досада! – прищелкнула языком Кэтрин. – Заявился в самый неподходящий момент, когда весь дом забит. Придется положить его в комнате Леонарда.

Агата бросила на нее взгляд искоса, но Кэтрин сидела с непроницаемым выражением. Что-то больно быстро она предложила гостю постель Леонарда – вполне могла попросить Макса отдать свою и переночевать на крыше. Возможно, то был холодный расчет: именно в эту ночь она скажет мужу правду.

Глава 25

Когда Леонард пришел, Кэтрин не спала, но притворилась спящей. Целую вечность она лежала в темноте и репетировала, однако, услышав щелчок замка, вдруг поняла, что не сможет.

Полтора месяца она выдумывала бесконечные предлоги. В первую брачную ночь – единственную, когда они остались в доме одни – притворилась, будто у нее месячные. На самом деле у нее никогда не было месячных – о них Кэтрин знала лишь понаслышке. Через неделю придумала кишечное расстройство. Потом использовала присутствие остальных в качестве помехи – дескать, слишком много народа, это ее выбивает из колеи.

Через месяц он стал наблюдать за тем, как она принимает ванну. Теперь это превратилось в совместный ежевечерний ритуал. Она стучалась в дверь комнаты древностей и сообщала, что идет спать – это был условный сигнал. Раздеваясь, она слышала скрип деревянного табурета, который он каждый вечер приносил под окно.

Два дня назад он постучался в дверь ее спальни. Пришлось использовать в качестве предлога Бертрама: якобы сегодня годовщина его смерти. Очередная ложь: Бертрам погиб весной – но ведь Леонард этого не знал. Ах, сколького он не знал! Но сейчас он здесь, в ее спальне, и ему некуда идти.

Кэтрин крепко зажмурилась. Вот зашуршала одежда, скрипнул стул... Прогнулась кровать под тяжестью тела... Рука осторожно коснулась ее плеча...

– Кэтрин, ты спишь?

Она замерла, даже дыхание затаила, чтобы не выдать себя. В голове звучал голос Агаты: *давай! Вот он, твой шанс! Нельзя так продолжать...*

Нельзя... Однако при мысли о том, чтобы произнести обличительные слова, ее затошнило от страха.

Через пару минут он подвинулся на свой край кровати – похоже, сдался. Кэтрин лежала не шевелясь до тех пор, пока не услышала ровное дыхание.

Ну а завтра? А на следующий день?..

Снова голос Агаты.

Надо все рассказать. Надо... Только не так. Не в спальне, причине всех бед. И не лицом к лицу – она не вынесет ответной реакции: ярость,

жалость, недоверие – и все это выльется во взгляд, полный презрения. Именно такой взгляд она видела в зеркале в тот день, когда ее осматривал доктор.

Я напишу ему письмо.

Решение пришло неожиданно. Куда лучше прочесть, чем услышать. Она оставит письмо, а сама уедет подальше, чтобы дать ему время успокоиться. Завтра последний день пребывания Агаты и Нэнси – хороший предлог. Они устроят пикник у реки – втроем, без мужчин.

Кэтрин протяжно вздохнула и осторожно потянулась, расслабляя мышцы. Надо переключиться на обыденные вещи: что взять с собой из еды, захочет ли Нэнси купаться, как вернуться вовремя, чтобы успеть забрать остальных с раскопок. Она мысленно подготовила список для пикника, надеясь, что к концу ее сморит сон. Когда это не сработало, стала перебирать всю провизию, которая хранилась в кладовой, – что угодно, лишь бы прогнать тяжелые мысли.

* * *

На противоположном конце двора, в пристройке, Нэнси тоже не спала. Повернувшись набок, она почувствовала резкую боль в животе.

С чего бы, думала она, потирая тугую округлость сквозь ткань ночной сорочки. Может, съела что-нибудь не то? На празднике подавали ягнятину, жаренную на открытом огне. А вдруг на нее садились мухи? Или не прожарили как следует?

Она перевернулась на спину, и боль утихла, однако сон ушел окончательно. Интересно, который час? Небо, усыпанное звездами, не подавало признаков рассвета. Она закрыла глаза, уже зная, что увидит.

Его лицо.

По ночам, в одиночестве, ей особенно его не хватало. В голове роились привычные вопросы. Где он сейчас? Что делает? С кем?

Приедет ли?..

Этот вопрос всегда был с ней – тревожный шепот, временами становившийся все громче, заглушающий остальные мысли. А вдруг по возвращении в Багдад ее ждет письмо? В последнем он ничего не писал о том, как обстоят дела с женой, – возможно, решил подождать до Рождества. Нужно ведь помнить и о его дочери: было бы жестоко портить ребенку праздник!

А если малыш родится раньше, чем он приедет? Нэнси сочиняла это письмо бесчисленное множество раз. Конечно, нельзя опускаться до эмоционального шантажа, но с тех самых пор, как она почувствовала трепыхание в животе, тяга открыться была непреодолимой.

Как-то он отреагирует? Сядет в первый же поезд? Увезет ее с ребенком в Лондон? А где они будут жить? Он не слишком-то богат, к тому же придется содержать еще и бывшую жену с дочерью. А у нее вообще ничего нет, кроме денег, что оставила Делия, – и тех в Лондоне надолго не хватит. Он сказал, что не смог бы жить в Багдаде...

В животе неприятно шевельнулась зарождающаяся паника. А вдруг не приедет? Как она будет жить с ребенком? Кто ей поможет, когда Агата вернется домой?

В голове роились тысячи вопросов. Надо успокоиться и заснуть – ради себя и ради ребенка. Чтобы отвлечься, Нэнси решила придумать малышу имя. Интересно, кто у нее будет – сын или дочь? В каком-то журнале писали, что некоторые женщины заранее чувствуют пол ребенка, но это явно не про нее. Она попыталась придумать имя, подходящее и мальчику, и девочке.

Алекс... Фрэнсис... Хилари... Ким...

* * *

Кэтрин написала письмо до завтрака, пока Леонард возился в комнате древностей. Это было самое трудное письмо в жизни: она открывала душу человеку, от которого зависит ее будущее.

Закончив писать, Кэтрин задумалась. Под дверь спальни не просунешь – там Хью Кэррингтон. На видном месте не оставишь – кто-нибудь найдет и прочтет. Придется ждать, когда гость уедет.

Чтобы скоротать время, она занялась приготовлениями к пикнику: давала Ибрагиму указания насчет еды, укладывала одеяла, подушки и полотенца. Не забыла и фотоаппарат: всю неделю собиралась пофотографировать, да руки не доходили. Было бы неплохо повесить в гостиной совместную фотографию с Агатой – подходящая зацепка для светской беседы с будущими визитерами.

Если я здесь останусь...

А вдруг Леонард вышвырнет ее, как только прочтет? Она вернется с пикника, а чемоданы уже собраны?

Неожиданный стук в дверь прервал мрачные мысли: на пороге стоял Макс.

– Он хочет посмотреть на раскопки. Решил вас предупредить...

– Женщин он явно недолюбливает, – вздохнула Кэтрин. – Вчера вел себя довольно грубо, удивлялся моему присутствию на раскопках: дескать, не думал, что такой серьезный человек, как Леонард, будет отвлекаться на жену. – Она возмущенно закатила глаза. – Какая наглость!

Макс покачал головой.

– Да, он старомоден.

– Не волнуйся, я планирую держаться от него подальше – мы с Агатой и Нэнси собираемся на пикник. Подвезешь нас до реки, ладно? А после обеда заберешь.

– Разумно ли это – оставлять вас одних? – нахмурился Макс.

– Всего на пару часов – и я возьму ружье. Вряд ли бандиты заинтересуются нами без машины.

– Хм... – Макс все еще сомневался. – Ну если вы уверены...

– Все продумано. – Кэтрин хладнокровно улыбнулась. – Агате понравится. Она ведь любит купаться, не правда ли?

* * *

Для пикника Кэтрин выбрала небольшую рощицу, примыкающую к реке. Ветви деревьев почти касались изумрудно-зеленой воды, словно плакучие ивы.

– Это вавилонский тополь, – пояснила Кэтрин в ответ на замечание Агаты, – хоть и похож на иву.

Она расстелила под деревом одеяло и набросала подушки.

– Пока мы купаемся, Нэнси отдохнет в тенишке.

Агата перевела взгляд на Нэнси: та стояла поодаль, задумчиво нюхая цветок, похожий на люпин.

– Жаль, что не могу одолжить вам купальник, – сокрушалась Кэтрин, – у меня только один.

– Ничего страшного, – отозвалась Агата, не оборачиваясь. Пусть себе пытается выудить из нее подробности вылазки с Максом, она не поддастся!

– Сперва мне надо покурить.

Агата опустилась на подушки, задумчиво созерцая ленивое течение реки, легкую рябь на зеркальной поверхности. Вскоре до нее донесся

ядовитый аромат турецкой сигареты; дымок извивался в воздухе, словно призрачная змея, теплый ветер пустыни сносил его к реке.

Вода выглядела заманчиво. Если бы здесь был Макс вместо Кэтрин! С самой поездки в Ухайдир им не удавалось встретиться наедине, даже поговорить толком, а ведь сегодня последний день! Завтра они с Нэнси сядут на поезд до Багдада.

Утром, когда все устраивались в грузовике, Макс подарил ей взгляд красноречивее тысячи слов. Так смотрел на нее Арчи в первый раз, когда пришел в гости к ее матери в Торки. Этот взгляд означал: я хочу тебя до боли!

Прошлой ночью, лежа в постели, Агата представляла себе путешествие в Англию. Целых пять дней с Максом! Это казалось невероятно романтичным: постепенное сближение на фоне захватывающих пейзажей, остановки в Стамбуле и Венеции...

Разумеется, она ни словом не обмолвилась о предстоящей поездке, ни намек не обронила о том, что произошло на озере. Доверяться Нэнси было бы слишком жестоко, учитывая ее трудную жизненную ситуацию. И все же Агате ужасно хотелось излить кому-нибудь душу и услышать в ответ, что она вовсе не сошла с ума, надеясь на будущее с таким мужчиной, как Макс.

– Ну что, пойдём? – вернул ее к реальности голос Кэтрин.

Агата оглянулась – та уже успела надеть купальник.

– Я переоделась за кустами, – пояснила она, улыбаясь. – Не то чтобы я была излишне целомудренна, просто тут иногда рыбаки проплывают.

Этим утром Кэтрин выглядела совершенно иначе. Трудно поверить, что менее суток назад она проливала горькие слезы. Хватило ли ей духу поговорить с Леонардом? Удалось ли им прийти к общему мнению? Агата не отважилась спросить.

– Я сейчас.

Она нырнула под свисающие ветви дерева, сбросила туфли, сняла чулки, юбку и блузку. В сумке предусмотрительно лежала вторая пара белья. Агата натянула сорочку поверх уже имеющейся; ту же операцию проделала и с панталонами. Оставалось надеяться, что две пары окажутся эффективнее.

Когда она вышла из кустов, Нэнси усаживалась на одеяло, подкладывая себе подушки под спину.

– Побежали! – крикнула Кэтрин. – Кто последний – тот сухопутная крыса!

Она рванула к реке; длинные стройные ноги пружинисто сгибались, словно молодые побеги на ветру. Агата поспешила за ней. Она никогда не

была спортсменкой (разве что плавание неплохо удавалось), даже зарядку давно забросила. Добежав до воды, Агата совершенно выдохлась. Кэтрин уже отплыла на приличное расстояние.

– Подождите меня!

Агата бросилась в холодную воду, ощущая прилив адреналина.

– Поплыли на ту сторону!

Кэтрин покачивалась на воде, поджидая ее. Когда расстояние сократилось, она нырнула и исчезла из вида.

– Я здесь!

Кэтрин вынырнула возле противоположного берега. Когда Агата ее нагнала, Кэтрин принялась немилосердно плескаться в нее водой.

– Вот... вам... в наказание! – С каждым словом она поднимала тучу брызг.

В ответ Агата замолотила ногами по воде. Обе хохотали до изнеможения.

– Умираю с голоду, а вы? – сказала Кэтрин, когда они успокоились. – Ну что, пора перекусить?

Легко и грациозно она переплыла реку и вскарабкалась на берег. Захватив пару полотенец, Кэтрин швырнула одно Агате, которая пыталась не упасть в жидкой грязи.

Нэнси, дремавшая в тени, села, вытираясь ладонью – на лицо попали брызги воды.

– Простите... – Кэтрин порылась в сумке и достала фотоаппарат. – Снимите нас, пожалуйста.

И прежде чем Агата успела понять, что происходит, Кэтрин обняла ее за плечо.

– Улыбочку!

Щелкнул фотоаппарат.

– Ой! – Агата глянула на себя и пришла в ужас от того, что ее запечатлели в таком виде.

– Не волнуйтесь – ничего не видно! – захихикала Кэтрин. – Вот обсохнем, оденемся и сделаем еще один снимок. А потом Макс приедет, я попрошу его снять нас втроем.

Стоя за деревом, Агата пристегивала чулки, когда до нее донесся крик Нэнси.

– Что такое? Вас кто-то укусил? – раздался встревоженный голос Кэтрин.

Обе выскочили на берег, путаясь в ветвях. Нэнси держалась руками за живот, в глазах плескался ужас.

Агата прижала ладонь к губам. О нет, только не это...

– А-а-а-а! О боже! – Нэнси согнулась вдвое. – Я... я...

– Похоже, воды отошли. – Агата словно услышала себя со стороны и удивилась: то был профессиональный тон медсестры, давно забытый и вдруг вернувшийся в мгновение ока.

– Что будем делать? – спросила Кэтрин с испуганным лицом. Как и многие медсестры военного времени, она привыкла иметь дело с мужчинами. Роды же – территория новая, неизведанная. Определенно, Кэтрин ждала, что Агата примет командование на себя.

Агата и сама растерялась: все, что ей было известно о деторождении, ограничивалось ее собственным опытом, однако признаваться в этом сейчас не стоило. Надо успокоиться и сделать вид, что ничего страшного не происходит.

– Все хорошо, Нэнси, – произнесла она ровным тоном. – Не нужно паниковать.

Помогая девушке снять насквозь промокшую абу, Агата прикинула: шесть месяцев... По крайней мере, так сказала Нэнси неделю назад. Возникает вопрос: шесть месяцев со времени последних месячных или с того момента, как она узнала? В любом случае слишком рано. Если ребенок появится на свет сейчас, шансы выжить у него невелики.

– В котором часу возвращается Макс? – одними губами спросила она над головой у Нэнси.

Кэтрин показала ей три пальца.

Агата глянула на часы – через два с половиной часа. Смогут ли они продержаться так долго?

Нэнси издала протяжный стон и впилась ногтями в руку Агаты.

– П-простите...

– Ничего страшного, – отозвалась Агата, массируя ей поясницу. – Так, нужно устроить вас поудобнее. Ложитесь на спину, подушку под голову... а эти положим под колени. В корзинке осталась вода?

Кэтрин растерянно моргнула, словно уже успела отключиться от происходящего.

Очередной вопль сотряс воздух.

– Ей сейчас будет очень жарко, надо много пить, – пояснила Агата как можно более спокойным тоном. Она глянула на часы, чтобы засечь продолжительность схваток. Впрочем, она и так понимала, что все идет слишком быстро. Рождение Розалинды тянулось бесконечно, но ей приходилось слышать о женщинах, которые рожали буквально на полу в ванной.

Кэтрин метнулась за корзинкой, достала жестяную кружку и налила воды.

– У вас есть еще одно полотенце? – спросила Агата, забирая кружку. – Нам понадобится сухое.

– Да, есть одно у меня в сумке.

Агата приподняла голову Нэнси и помогла ей напиться. Кэтрин встревоженно наблюдала за ними.

– Что, уже?.. – Она довершила вопрос испуганным взглядом.

Агата кивнула.

– Нам понадобится сухая теплая ткань, чтобы завернуть ребенка.

Нагнувшись к Нэнси, она мягко произнесла:

– Я знаю, что это нарушение приличий, но мне нужно заглянуть туда.

Похоже, малышу не терпится...

Нэнси в ужасе открыла рот.

– Я н-не могу... Я не.... – Ее лицо исказилось от боли.

– Все будет хорошо, – приговаривала Агата не столько для Нэнси, сколько для себя.

– Н-но... я... – Нэнси стиснула челюсти.

– Женщины созданы для того, чтобы рожать детей...

Тут Агата спохватилась – какая бестактность перед Кэтрин! Она бросила на нее виноватый взгляд, однако та еле заметно качнула головой: мол, не имеет значения.

– Помните, я это уже делала.

Про себя Агата вознесла горячую молитву: только бы Нэнси не догадалась, что ее опыт ограничивался ролью роженицы, а вовсе не акушерки. Надо держать себя в руках, заставить ее поверить, что все под контролем. Сейчас жизнь Нэнси и ребенка зависит от точного выполнения указаний – до тех пор, пока не приедет Макс.

– Чувствуете потуги?

Нэнси кивнула, зажмурившись от боли.

– Постарайтесь не тужиться, пока ребенок не готов. Дышите: три быстрых вдоха, один долгий выдох... И так каждый раз, когда почувствуете боль.

Агата перевела взгляд на Кэтрин.

– Попробуйте обхватить ее сзади: нужно чуть приподнять и держать за плечи.

Кэтрин уселась на одеяло позади роженицы и подняла ее в полусидячее положение.

– Вот, так уже лучше... Ой, я вижу головку!

Агата сглотнула, напуганная происходящим. Крохотная новая жизнь вот-вот появится в этот мир – и некому помочь, кроме нее. В голове зазвучал голос старшей медсестры из госпиталя в Торки: ну же, сестра Миллер, соберитесь!

Если б только она обращала больше внимания на то, что делала акушерка! Надо ли тужиться, когда головка едва показалась? Агата почти ничего не помнила сквозь туман боли, окутавший ее августовским днем девять лет назад. Надо вспомнить!

– Нэнси, все идет отлично... – подбадривала ее Агата срывающимся голосом. – Еще чуть-чуть осталось. По моей команде вы должны тужиться изо всех сил.

Господи, прошу тебя, пусть все будет хорошо!

Нэнси издала душераздирающий вопль, к лицу прилила кровь. Кэтрин промокнула ей лоб рукавом блузки.

– Давайте, тужьтесь! Еще! – кричала Агата.

Крошечное существо выскочило на свет с потрясающей скоростью – Агата едва успела поймать его в полотенце. Как зачарованная она уставилась на маленькое чудо. Мальчик... Почти такой же крупный, как Розалинда при рождении.

Но почему он не двигается? И кожа странного оттенка – голубовато-серая.

– Что там?.. – выдохнула Нэнси, в изнеможении падая Кэтрин на колени.

Агата вытерла крошечное тело полотенцем. Окровавленная пуповина свисала из животика, обвития не было – так почему же он не дышит?

– Что такое?

Внезапно рядом оказалась Кэтрин. Положив ребенка на одеяло, она низко склонилась над его личиком и накрыла нос и рот своим ртом. Подняв голову на секунду, она вдохнула и снова припала к ребенку.

– Кэтрин, не надо! – Агата в ужасе схватила ее за руку, но та оттолкнула ее, словно одержимая.

О господи, она не выдержала и сошла с ума...

Неожиданно воздух пронзил резкий вопль. Кэтрин запрокинула голову, пытаясь отдышаться.

– Смотрите! – прошептала она. – Жив!

Глава 26

Нэнси устроили в постели, обложив подушками; ребенок покоился у нее на сгибе локтя. Хотя после испытания в пустыне Нэнси была очень слаба, она все же смогла накормить малыша. Его назвали Джеймсом Фредериком – в честь отцов Агаты и Кэтрин. Если бы родилась девочка, ее назвали бы в честь них самих – так заявила Нэнси.

– Спит? – шепотом спросила Кэтрин.

– Похоже...

– Положить его в кроватку, как вы думаете?

Кэтрин покосилась на самодельную колыбельку – ящик, вынутый из комода в ее спальне, застланный полотенцем и самым мягким кашемиром, вырезанным из ее шали.

– Давайте, – прошептала в ответ Агата. – Только бы не разбудить...

Кэтрин осторожно забрала спящего ребенка из рук матери, словно Джеймс был сокровищем из чистого золота, выкопанным в песках Ура. Агата поразились тому, как быстро Кэтрин взяла ситуацию под контроль. Откуда она знала, что делать?

Устроив ребенка, женщины на цыпочках вышли из спальни. Решено было выпить по заслуженной чашечке кофе во дворе.

Агата поинтересовалась, где Кэтрин научилась приему искусственного дыхания.

– Так делают бедуинки, – ответила та. – Помню, во втором сезоне я видела, как одна рожала прямо в пустыне. Это была жена рабочего: она пришла рассказать ему о том, что его отец умирает, и вдруг у нее начались схватки. Она несколько не волновалась, отказалась от помощи и сама у себя приняла роды. Когда она увидела, что ребенок не дышит, то накрыла его лицо ртом. Я решила, что она убита горем и целует его на прощанье, а оказалось, она просто отсасывала жидкость, которая забилась в нос и в рот.

– И как, сработало?

Кэтрин кивнула.

– Полчаса спустя мы отвезли их в деревню – на каждой выбоине ребенок орал во всю мочь легких.

– Ну слава богу, – улыбнулась Агата. – И теперь вы спасли Джеймсу жизнь.

– Я... – Кэтрин уставилась в чашку. – Я сомневалась, что получится. Он лежал там, на полотенце, такой синий, весь в крови... И я вроде знала,

что надо делать – но не могла. Он выглядел так... – Она покачала головой. – Я понимаю, глупо... но он напомнил мне Бертрама. Я не видела тела после...

Кэтрин умолкла, поднесла чашку к губам, однако пить не стала, лишь вдохнула аромат.

– Мне довелось видеть мертвых. Солдат во время войны, гражданских – трупы, которые немцы оставляли в деревнях вдоль линии фронта. Я всегда гордилась крепким желудком на этот счет. А сегодня, когда я увидела Джеймса...

Она закрыла глаза и вздохнула, да так, что кофе расплескался.

– Ну вы только посмотрите, а! Неуклюжая идиотка! – воскликнула Кэтрин, промокая юбку салфеткой. – Вот и доверь мне ребенка!

В этот момент Агата вдруг поняла то, чего не замечала раньше. Приняв решение спасти Джеймса, Кэтрин боролась с собой, с тем бессознательным, что преследовало ее после самоубийства мужа. Когда врач вынес свой жестокий вердикт, он уничтожил не только ее брак: теперь она знала, что неспособна выполнить главное предназначение женщины – у нее никогда не будет детей.

Годами Кэтрин жила с этим знанием, не говоря уже об остальном. Чтобы превозмочь душевную боль, она решила посвятить себя новой карьере. Наверное, сказала себе: если уж я мужчина изнутри, то и жить буду как мужчина! Никто не ожидает от женщины, преданной своей профессии, – тем более вдовы! – что ее потянет к материнству.

Однако произошедшее сегодня все изменило – это читалось во взгляде Кэтрин. Появление малыша разбудило в ней новые, неизведанные чувства.

* * *

Когда они допивали кофе, во дворе появился Макс. Доставив Нэнси с ребенком в главный дом, он поспешил на раскопки, чтобы отвезти Хью Кэррингтона на станцию.

Утерев пот со лба тыльной стороной ладони, Макс отодвинул стул и плюхнулся на него без сил.

– Ну как она?

– Спит, – ответила Кэтрин.

– А малыш? С ним все в порядке?

– Да вроде. – Кэтрин вопросительно взглянула на Агату – та кивнула. –

Тебе удалось связаться с врачом?

– Позвонил со станции – будет через час. – Макс взял чашку, предложенную Кэтрин. – Вы обе отлично справились. – Он улыбнулся Агате поверх края чашки. – Я даже не...

– Кэтрин! – раздался властный голос Леонарда Вулли. – Подойди, пожалуйста, в комнату древностей.

Улыбка на лице Кэтрин тут же исчезла, уступив место тревоге. Она резко отодвинула стул и поднялась.

– Надо идти. Агата, приглядите за Нэнси, ладно?

– Да, конечно. Вы ведь потом придете к нам – после того, как ее осмотрит врач?

Кэтрин молча направилась в дом, низко опустив голову.

Как Мария-Антуанетта на гильотину, подумала Агата и сама удивилась неожиданной ассоциации. Было что-то особенное в его тоне и в выражении лица Кэтрин, что указывало на решающий разговор. Но почему вдруг сейчас? Если она рассказала ему вчера, то и скандал случился бы ночью. Сегодня она никак не успела бы – с момента возвращения супруги еще не виделись.

– Вы вели себя очень храбро, – вторгся Макс в ее мысли. – Сохранять хладнокровие в такой ситуации... немногие на это способны.

– Да я сама толком не понимала, что делаю, – возразила Агата. – Я была до смерти напугана!

– К счастью, все закончилось хорошо. Я рассказал про это Кэррингтону по дороге на станцию. Представляете, он учился в школе с ее мужем!

– Правда?

– Да, и он немало удивлялся ее присутствию здесь. Сказал, что свадьба была не больше года назад.

– Даже меньше того.

Агата скупо обрисовала ситуацию, стараясь не вдаваться в подробности – она ведь обещала Нэнси хранить ее тайну. Маленького Джеймса и без того ждет нелегкая судьба – не стоит распространяться о том, что он вдобавок незаконнорожденный.

– Бедная девочка... Что же она теперь будет делать?

– Хочет остаться в Багдаде, в доме, который я снимала. Надеется найти работу.

– Ну спешить ей особо некуда... Вы ведь тоже останетесь?

– Я бы задержалась – по крайней мере, до тех пор, пока Нэнси не оправится. – Агата улыбнулась ему в ответ. – Надеюсь, я не помешаю...

– Разве вы можете помешать? – Макс оглянулся через плечо, взял ее за руку и поднял к губам. – Вы просто ангел! Я так рад, что вы остаетесь...

* * *

Трясущейся рукой Кэтрин открыла дверь.

Леонард стоял возле скульптуры Хамуди, которую она подарила ему на свадьбу. В руке он держал письмо.

– Ты уже нашел... – пробормотала она слабым голосом.

– Почему ты мне сразу не сказала? – поинтересовался он неестественно спокойно, словно сдерживался из последних сил.

– Прости... Я... я боялась кому-нибудь рассказывать...

– Я ведь не кто-нибудь, Кэтрин, я – твой муж, я имел право знать!

– Я думала... – Она запнулась, избегая его взгляда. – Я думала, это не будет проблемой...

Он испустил протяжный вздох.

– Почему, интересно знать, ты так думала?

– В отличие от всех остальных мужчин, за последние три года ты ни разу не проявил ко мне ни малейшего интереса – в этом смысле...

– А, понятно: держала меня за гомосексуалиста! Надеюсь, что я оставлю тебя в покое? Ну извини, что разочаровал! Увы, я – самый обычный мужчина, такой же, как все.

– Ты, наверное, хочешь, чтобы я уехала? – В горле перехватило, голос сорвался на шепот.

– Разве я такое говорил?

Кэтрин подняла голову, озадаченная. Его лицо утратило властное выражение: он выглядел скорее опечаленным.

– Но как же я... Как мы теперь...

– Подойди сюда, пожалуйста. – Он протянул руку. – Ближе.

Она шагнула вперед. Он взял ее за руки, коснувшись кончиков пальцев.

– Не бойся... Я тебя не обижу.

Кэтрин шагнула ближе, и еще, пока не оказалась с ним лицом к лицу. Только сейчас она заметила, что у него глаза на мокром месте.

Леонард слегка откашлялся, словно собирался произнести отрепетированную речь, однако услышанное застало ее врасплох.

– Послушай, дело не в... – Он понизил голос до шепота. – Дело не в

постели... Это не главное. Конечно, я бы не отказался при возможности, но больше всего я хочу другого...

Он повернул ее руку ладонью вверх, осторожно глядя пальцы. Кэтрин затаила дыхание, стараясь не дергаться, – несмотря на его обещание, она не знала, чего ожидать.

– Так нормально?

Она медленно кивнула.

– Знаешь, у меня никогда этого не было...

Теплые пальцы, сухая кожа, огрубевшая от долгих лет работы.

– Никогда?

Он покачал головой.

– Кроме рукопожатий да захвата в школьном регби... Я никогда не чувствовал тепло человеческих рук...

Она непонимающе заморгала.

– Как же... А в детстве?..

– Мать умерла, когда мне было два года, и я совсем ее не помню. – Леонард говорил спокойно, чуть отрешенно, безо всякой жалости к себе. – А отец был яростным проповедником на кафедре, но не выказывал эмоций дома. Он считал, что мальчиков нужно закалять духом, и к пяти годам отправил меня в пансионат.

Леонард взял другую руку, глядя ей в глаза.

– Понимаешь, если я кажусь холодным, то лишь потому, что у меня никогда не было физической близости... До сих пор.

– Что ты имеешь в виду? – Она вопросительно заглянула ему в лицо.

Его губы раскрылись и снова сомкнулись, словно он боялся высказать то, что лежало на сердце. После долгой паузы он произнес:

– Я всего лишь хотел чувствовать себя... любимым... Ты смогла бы?.. Или я слишком много прошу?

Глава 27

Неделю спустя

Агата прижала к себе Джеймса и похлопала по спинке. Нэнси лежала в постели с закрытыми глазами. В коридоре слышались шаги, и вскоре в дверях появилась Кэтрин.

– Все нормально? – произнесла она одними губами.

Агата указала на ящик, служивший кроватью, затем мотнула головой в сторону двери. Кэтрин сразу все поняла. Зайдя в комнату, она забрала ящик и вынесла в коридор; Агата последовала за ней.

– Не хотите поддержать его немножко? Почти заснул.

– Лучше не тревожить зазря – такой умиротворенный, – прошептала Кэтрин.

Агата кивнула. Вряд ли Джеймс стал бы возражать против иной пары рук – он был слишком мал, чтобы различать руки матери и чьи-то еще. За последние несколько дней она заметила перемену в Кэтрин: та была готова выполнять любую работу по уходу за ребенком, лишь бы не прикасаться к нему, словно боялась того, что сама привела в этот мир.

Кэтрин явно не хотела обсуждать эту тему – равно как и положение дел с Леонардом. С момента рождения Джеймса с ней произошли небольшие, но довольно заметные перемены: она меньше командовала, стала тише и, пожалуй, мягче. Агата больше не боялась входить в комнату, ожидая, что ей сейчас устроят допрос третьей степени.

– Я вас оставлю, ладно? – Кэтрин опустила ящик на ковер. – Вы, наверное, тоже захотите соснуть?

Агата кивнула.

– Попросите Селима подогреть молочко на всякий случай. Не надо беспокоить Нэнси до ужина.

Кэтрин вышла. Агата положила Джеймса на кровать, затем опустилась на колени, осторожно переложила его в ящик, поддерживая головку, и подоткнула одеяльце. Малейший «хнык» – и Нэнси тут же за ним примчится.

Агату сильно беспокоила Нэнси – она почти ничего не ела, к тому же приобрела какую-то нездоровую бледность. Она изо всех сил пыталась кормить сына грудью, но каждый раз это давалось с трудом, и Агата

частенько заставляла ее в слезах. В итоге решено было дополнить диету малыша козьим молоком. В отсутствие бутылочки процесс оказался не из легких: требовалось закрутить кончик муслиновой тряпки в жгут, окунуть в миску и засунуть ребенку в рот.

Завтра приезжает доктор. В последний визит он объявил новоиспеченную мать совершенно здоровой, а также поздравил Агату с принятием родов, уверяя, что и в больнице Нэнси не была бы в лучшей форме. Однако Агату терзали сомнения. Каждую ночь, ложась спать, она мысленно перебирала в памяти произошедшее. Все случилось очень быстро... Она даже не успела вымыть руки, а ведь перед этим только вышла из воды – бог знает какие опасные бактерии попали на кожу. А пуповина!.. Агата послала Кэтрин достать из-за дерева ее туфли, вытащила шнурки, перевязала пуповину возле животика и на пару дюймов подальше и перерезала ножом, которым Кэтрин чистила апельсины для пикника.

В сотый раз Агата пожалела, что взяла Нэнси с собой в Ур. Если бы та осталась в Багдаде, то в положенный срок легла бы в больницу, и все прошло бы иначе. Кстати о сроках: Джеймс вовсе не был недоношенным – в этом она не сомневалась. Ну, может, родился на пару недель раньше, не более. Значит, его зачали в конце апреля, в медовый месяц. Нэнси настаивала, что ребенок не от мужа, но откуда такая уверенность?

Агата закрыла глаза. Что толку переживать? Самое главное – чтобы Нэнси поправилась, вернулась в Багдад и наладила более-менее стабильную жизнь.

Постепенно она задремала. Ей приснилось, что она плывет – не в реке, а в озере с Максом. Он смеется, держит над водой маленького Джеймса, окунает его пяточки, подбрасывает в воздух и ловит; но когда она подплыла ближе, то увидела, что это не Джеймс: у него было лицо Макса и ее светлые волосы...

– Агата! Агата!

Из-за двери послышался встревоженный шепот Макса. Агата поспешно сползла с кровати, стараясь не задеть ящик – Джеймс все еще крепко спал.

– Что случилось? – спросила она, потирая глаза.

– Можно я зайду на минутку? Я его не разбужу, обещаю.

Они присели рядом на кровать. Судя по выражению его лица, это был не светский визит.

– Насчет Нэнси, – начал Макс. – Я получил телеграмму от друга из Багдада: объявился ее муж, едет сюда.

– Как... – охнула Агата. – Откуда... откуда он узнал?

– Должно быть, ему рассказал Хью Кэррингтон. Мне даже не приходило в голову, что он тут же помчится звонить Нельсону.

В дальнем уголке памяти вдруг всплыли слова Нэнси: *«Он сказал: мое дело – родить ребенка, и все на этом. Не важно, мальчика или девочку, главное – родить».*

О боже... Он заберет Джеймса...

* * *

– Надо их спрятать!

Кэтрин не могла стоять спокойно. Она протянула руку, чтобы дотронуться до мягкого темного пушка, словно хотела укрыть, защитить... И передумала.

– Но как, куда? – Агата переставила миску подальше, чтобы Кэтрин не опрокинула ее локтем. – Нэнси очень слаба, вряд ли она осилит дорогу.

– Да, на поезде, конечно, не осилит, но ведь есть и другие места!

– Какие?

– Деревня бедуинов всего в пяти милях.

Рука Агаты зависла на полпути между чашкой и ротиком ребенка.

– Вы серьезно? Оставить неокрепшую мать с новорожденным в шатре посреди пустыни...

– Мы же их не бросаем! За ними присмотрят. Бедуинки тысячами ухаживают за детьми в таких условиях, они куда опытнее нас.

Агата задумчиво взглянула на лоскуток муслина с капающим из него молоком.

– Что ж, может, вы и правы. Сперва надо спросить у них...

– Нет времени, – покачала головой Кэтрин. – Сегодня из Багдада приходит только один поезд, и если друг Макса не ошибся, Феликс Нельсон приехал на нем. Значит, у нас осталось меньше двух часов.

* * *

Макс открыл дверь, потирая глаза; волосы торчали в разные стороны, словно ершик трубочиста.

– Сам не заметил, как задремал, – пробормотал молодой человек. – Как Нэнси восприняла новости?

– Не очень хорошо. До смерти боится мужа. Говорит, это не тот человек, с которым можно ссориться. Нужно спрятать ее и ребенка. – Агата поспешно изложила план Кэтрин. – Вы не могли бы нас отвезти? А Кэтрин останется разбираться с ним, когда он приедет.

Макс выглядел озадаченным.

– Но у него есть право увидеть своего сына, даже если они больше не живут вместе!

Конечно, она дала обещание молчать, но сейчас крайний случай. Если они хотят, чтобы Макс им помогал, он должен знать правду.

– Джеймс – не его сын.

Произнося эти слова, Агата вновь усомнилась – так ли это?.. Однако Нэнси была не в том состоянии, чтобы ее допрашивать, а встреча с Феликсом и вовсе ее прикончит. Сейчас главное – спрятать молодую маму в безопасном месте, там, где она сможет спокойно восстановиться.

– Не его сын?.. – повторил Макс.

– Я не могла рассказать вам раньше, – вздохнула Агата. – Я обещала Нэнси. Конечно, это звучит ужасно, но тут имеются некоторые... – она замешкалась, подыскивая нужное слово, – ...смягчающие обстоятельства. Некогда объяснять. Нэнси боится, что Феликс отнимет у нее Джеймса.

– Зачем ему это, если отец – не он?

– Ему нужен ребенок, рожденный в браке, чтобы унаследовать титул, – а по закону, он и есть отец, они ведь до сих пор женаты.

Макс озадачился еще больше.

– Так... кто же настоящий отец?

– Не знаю, она не сказала.

– А ему известно о ребенке?

– Пока нет.

– Боже милостивый, ну и неразбериха!

– Да, вы правы, и все же мы должны им помочь. – Агата искательно заглянула ему в глаза. – Нельзя позволить Феликсу забрать ребенка.

Макс молчал. Казалось, прошла целая вечность. Агата практически слышала, как его внутренние весы покачиваются туда-сюда. Моральные принципы, вера в Бога... Нэнси совершила измену, но ведь ее малыш – невинная жертва; к тому же против нее свершается большой грех...

– Я подготовлю грузовик, – наконец сказал Макс. – Хотя делаю это не для нее, а для малыша – ему нужна мать. А когда все закончится, обещайте мне одну вещь.

– Какую?

– Поговорите с Нэнси. Заставьте ее написать отцу ребенка всю правду.

– Я не могу ее заставить, – тихо ответила Агата, – но я обещаю, что попытаюсь.

Глава 28

Снаружи трепал за волосы теплый ветер. Макс нес под мышкой ящик с ребенком; Джеймс крепко спал, даже не подозревая о том, какая драма разворачивается вокруг него. Агата с Кэтрин поддерживали Нэнси, которая с момента рождения не выходила дальше ванной комнаты.

– Ой, как спит! – Нэнси поднесла руку к глазам.

Агата подняла голову к небу. На самом деле было довольно пасмурно, на горизонте клубились багровые тучи, придавая солнечному свету странный сероватый оттенок. Для Нэнси, которая провела неделю взаперти, он вполне мог показаться ослепляющим.

– Мы посадим вас в серединку, – сказала Кэтрин, открывая пассажирскую дверь. – Держитесь за подлокотник, если что, а Джеймс пусть лежит у Агаты на коленях – нельзя оставлять его в ящике, это небезопасно.

– Нам бы поторопиться. – Макс глянул на часы. – Поезд прибывает через десять минут.

Когда все уселись, он повернул ключ в замке. Мотор жалобно заблеял, как больное животное. Макс предпринял еще одну попытку – на этот раз никаких звуков не последовало. Он выпрыгнул из машины и достал из-под капота какую-то штуку.

– Что он делает? – встревоженно спросила Нэнси.

– Заводит двигатель вручную, – пояснила Агата. – Я тоже так часто делаю. Ничего, скоро поедem.

Она высунулась из окна.

– Поддать газу?

– А вы сможете?

Агата передала Джеймса Нэнси и вышла из машины.

В этот момент из дома выбежала Кэтрин с корзинкой провизии.

– Вы знаете, что надо делать? – Выражение ее лица точь-в-точь повторило тревогу Нэнси. – Ах да, конечно, у вас же есть машина...

Агата села на водительское сиденье, дождалась нужного момента и что есть силы нажала на педаль газа. Грузовик дернулся, и мотор наконец заработал.

Нэнси вцепилась ей в руку. Почувствовав движение, малыш недовольно пискнул.

– Не плачь, маленький, сейчас поедem.

Агата протянула руку и погладила Джеймса по щеке. Тот недоуменно нахмурился, но глазки закрыл.

– Bravo! – улыбнулся ей Макс. – Слава богу, хоть кто-то знает, что делать!

Он глянул на небо.

– Не нравится мне эта погода... Похоже, намечается песчаная буря. Будем надеяться, что мы успеем добраться до деревни раньше.

* * *

В ожидании Феликса Нельсона Кэтрин занялась очисткой от песка шумерского ножа – кропотливая работа, но вполне подходящая, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей.

В доме никого не было, кроме слуг. Макс заранее отвез остальных на раскопки, прежде чем отправиться на марш-бросок через пустыню.

Кэтрин не рассказала Леонарду о прибытии незваного гостя – она примерно представляла себе, как он может отреагировать на всю эту ситуацию. Нет, лучше дождаться, пока Нэнси и Джеймс будут в безопасности, а там уже объяснить в спокойной обстановке.

Она надеялась, что это не испортит хрупкое равновесие последних дней. Леонард раскрылся, словно цветок, он улыбался людям – не только ей! – и даже болтал за ужином. После откровенного разговора будто рассеялась огромная туча, нависавшая над домом. К ее изумлению, он легко согласился на присутствие в доме ребенка Нэнси – прежний Леонард пришел бы в ярость. И все же если бы он узнал, что Джеймс – незаконнорожденный, а у Нэнси был роман с женатым человеком, его отношение переменялось бы. Несмотря на все изменения к лучшему, он оставался сыном проповедника. Христианские ценности были заложены в нем глубоко, как в сердцевине дерева, и никакая сила этого уже не изменит...

– Хатун!

Далекий окрик Селима резко вернул ее в настоящее. Должно быть, он заметил у ворот пришельца. Кэтрин подобрала кисть из барсучьего волоса и принялась старательно обрабатывать костяную рукоятку, притворяясь, что не слышит – надо выиграть время.

– Хатун!

Селим был уже у двери. Кэтрин положила нож на полку, разгладила

юбку и сделала глубокий вдох. Сейчас будущее Нэнси зависело от ее умения держать себя в руках, солгать как можно убедительнее, сбить Нельсона со следа.

Селим вышел во двор предупредить стражников, чтобы впустили пришельца. Кэтрин осталась ждать в гостиной.

– Виконт Нельсон? Какой неожиданный сюрприз! – Она протянула руку и сверкнула ослепительной улыбкой, которую тренировала в зеркале с шестнадцати лет и от которой у мужчин слабели колени.

– Миссис Вулли.

Фотограф из «Татлера» явно преуменьшил его достоинства: высокий, стройный, с внешностью кинозвезды, каштановая челка свисает на лоб, капризную верхнюю губу обрамляют тонкие ухоженные усики. Он не улыбнулся в ответ.

– Не желаете ли кофе? Путешествие в наших краях обостряет жажду. – Кэтрин снова улыбнулась, на этот раз сочувственно.

– Нет, спасибо. – Виконт огляделся по сторонам. – Насколько я понимаю, здесь гостит моя жена. Я приехал забрать ее домой.

– Ах, Нэнси, конечно! Мы познакомились в «Восточном экспрессе», она не писала?

Задержать бы его до возвращения Макса... Кэтрин быстро прикинула в уме: поезд через Ур идет до Басры и обратно. Если убедить Нельсона, что он приехал напрасно, то можно спровадить его на том же поезде, а потом забрать Нэнси у бедуинов.

– Полагаю, она причинила вам немало хлопот. – Феликс уставился на нее пронизывающим взглядом. – Я... мы... не ожидали, что малыш родится так рано.

– Да, он застал нас врасплох, но это был чудесный сюрприз! Мы с миссис Кристи помогали при родах. К счастью, мы обе во время войны работали медсестрами, хотя, конечно, в полевом госпитале у меня не было возможности практиковаться в акушерстве...

– С ним все в порядке? – оборвал ее Феликс. – С ребенком?

– Да, все прекрасно. Правда, Нэнси еще слаба после родов...

– Где он?

Судя по всему, новоиспеченного «отца» несколько не интересовало состояние здоровья Нэнси – ему нужен был лишь ребенок. Заметив выражение лица Кэтрин, Феликс спохватился, что выдал себя.

– Конечно, я ужасно волновался и хочу как можно скорее отвезти их в Англию. – Он выглянул из окна. – Я приехал сюда на тележке, запряженной дряхлым мулом, – совершенно неподходящий транспорт для матери и

ребенка. Впрочем, я отослал возницу. Не могли бы вы одолжить мне одного из тех бездельников, что околачиваются у ворот?

– У нас всего один грузовик, – ответила Кэтрин. – В данный момент машины нет на месте. Разумеется, мы вас отвезем, как только все вернутся с раскопок, однако, боюсь, вы зря проехали: Нэнси с ребенком уехали еще вчера.

– Что?! – Кровь бросилась ему в лицо, отчего бледные щеки резко побагровели. – Куда они поехали?

– В Багдад, к друзьям. – Кэтрин не сводила с него взгляда. – Кажется, она собиралась остаться у них на пару ночей, а потом вернуться в Англию.

– Вернуться в Англию?.. – повторил Нельсон. Радужки у него были зеленые в желтую крапинку, как у лисы. – А эти друзья – кто они?

– Она не сказала. – Кэтрин изобразила озабоченность. – Мне жаль, что больше ничем не могу помочь. – Она достала из кармана портсигар и предложила гостю. – Похоже, вам не помешает.

– Благодарю.

Феликс подошел к окну и закурил, глядя на темнеющее небо; ветер трепал развешанные простыни.

– А когда ожидается ваш грузовик?

– В любой момент, – отозвалась Кэтрин. – Но сперва вам нужно подкрепиться. Путь предстоит долгий, а еда в поезде скудная.

– Ну что ж, сэндвич был бы весьма кстати – и холодное пиво, если имеется.

– К сожалению, мой муж не признает алкоголя. У нас есть лимонад или чай.

Феликс пробормотал что-то себе под нос.

– Я принесу и то и другое.

Кэтрин поспешила из комнаты, подальше от его пронзительного взгляда. На кухне Селим с Ибрагимом нарезали баклажаны к ужину. Она задержалась как можно дольше, обсуждая с Ибрагимом начинку; в итоге условились на ягнятине с помидором и огурцом, приправленной йогуртом. Наконец, забрав напитки, Кэтрин вернулась в гостиную.

– Скоро будет готово, – пообещала она, входя.

Ответа не последовало. Кэтрин поставила поднос на столик и огляделась. Куда он исчез? Может, пошел искать уборную?

За окном что-то мелькнуло. А, вот он где, у ворот... Кажется, окликает кого-то... Кэтрин вытянула шею: к дому приближались двое на мулах – Дункан и Майкл. Ветер трепал их одежду, лица были замотаны шарфами. Видимо, Лен отправил их домой из-за надвигающейся бури.

У ворот они спешились. Феликс подошел к ним и что-то спросил. Майкл показал куда-то на восток. Ее охватило недоброе предчувствие: он показывал в сторону деревни бедуинов. Но откуда они могли знать?..

Кэтрин выскочила из дома и побежала к воротам, но не успела: Феликс схватил поводья, взлетел в седло и пришпорил мула.

– Куда он поехал? О чем спрашивал? – накинулась она на мужчин.

– Представился супругом Нэнси. – Майкл бросил на нее озадаченный взгляд. – Спросил, не видели ли мы ее.

– А мы как раз мимо них проезжали, – добавил Дункан. – Они застряли в песке, мы помогли откапываться. Мы только передали ему, что сказал Макс: они едут в деревню бедуинов.

– Что-о?! – Ветер заглушил ее слова.

– А чего ты так...

Майкл не успел закончить: Кэтрин вырвала у него поводья, вскочила в седло и помчалась вслед за Феликсом.

Глава 29

Песок хлестал в лицо. Макс прижался к заднему борту грузовика, рубашка вымокла от пота. Агата пристроилась рядом. Колеса уже во второй раз потеряли сцепление с дорогой. Оставалось одно – толкать.

– Не надо! – крикнул Макс, стараясь заглушить свист ветра.

– Почему? – пропыхтела она. – Потому... что... я... женщина?

– Я не хочу, чтобы вы поранились!

– Я осторожно!

Агата поморщилась – ударилась ногой о бампер.

– Ну хорошо, если вы уверены... Когда я скажу, толкайте что есть сил!

На мгновение показалось, что сработает: грузовик на дюйм сдвинулся, однако спереди еще больше завяз в песке.

– Бесплезно... – Макс выпрямился, отбросив лопату. – Придется идти за помощью.

– Но куда? – Агата подошла к нему, обвязывая лицо шарфом.

– До деревни всего полторы мили – я приведу целый отряд. – Он закурил губу. – Не хочу вас оставлять, лучше пойти всем вместе.

Агата бросила взгляд на Нэнси. Та полулежала на сиденье, лоб блестел от пота, щеки пылали. Она выглядела гораздо хуже, чем до отъезда: видимо, тряска по ухабам ее доконала. Вряд ли бедняга сможет пройти пару метров, не то что пару миль.

– С нами все будет нормально, не волнуйтесь.

– Вы уверены?

Макс заморгал – песок попал в глаза.

– Конечно! – Агата попыталась улыбнуться. – Я больше за вас беспокоюсь – в такую погоду идти через пустыню!

– Ничего, я же пойду на восток, так что ветер будет дуть мне в спину. – Он притянул ее к себе и поцеловал в лоб. – Я быстро!

Забравшись внутрь машины, Агата провожала его взглядом. Через пять минут Макс скрылся из вида.

Нэнси застонала, потирая шею и плечи – наверное, заснула в неловком положении. Агата решила устроить ее поудобнее: свернула пиджак и подложила ей под голову, затем подняла ноги.

– Что случилось? Где Макс?

– Ушел за помощью. Скоро вернется. У нас полно еды и питья. Не хотите чего-нибудь?

Нэнси покачала головой. Ее лихорадило, взгляд был пугающе отстраненным. Агате стало не по себе: ей приходилось видеть те же признаки у мужчин, умерших от заражения крови после операции.

– Постарайтесь немного поспать.

Но едва Нэнси прилегла, как завопил Джеймс. Агата поняла, что он проголодался.

– Не вставайте. В корзинке есть молоко, я покормлю.

Она взяла малыша на руки и попыталась открыть дверь, что было не так-то просто из-за порывов ветра; тогда Агата оперлась на нее спиной, прикрыв рукой головку малыша. Открыть заднюю дверь оказалось еще сложнее. Пока она карабкалась в кузов, порыв ветра с размаху припечатал ее дверцей. От боли заслезились глаза, однако Агата не обратила на это внимания: главное – поскорее занести Джеймса в безопасное место. Устроившись на мешках, она выудила из корзинки бутылку молока, завернутую в чистую муслиновую тряпочку.

Сперва малыш не хотел пить, словно чувствовал гнетущую атмосферу надвигающейся беды. Агата погладила его пальцем по щеке – этому приему она научилась еще с Розалиндой, всегда срабатывало. Через несколько минут он перестал кукситься и принялся за еду.

Вскоре ребенок закрыл глазки. Убедившись, что он спит, Агата устроила его поудобнее на мешках. Бедро побаливало, и она попыталась выпрямиться, насколько позволяла низкая крыша.

Потирая ушибленное место, Агата случайно глянула в окно: по дороге клубилась пыль – к ним кто-то приближался. Она прислонилась к пыльному стеклу, напряженно вглядываясь. Не разобрать – то ли машина, то ли верблюд... Ее охватила нервная дрожь. А вдруг бандиты?..

Когда облако пыли подобралось ближе, Агата различила голову мула – значит, всадник только один. Ее окатила волна облегчения – как правило, бандиты не ездили в одиночку. Наверное, какой-то путешественник хочет предложить помощь.

Всадник приблизился, уже можно было различить европейскую одежду. Агата ухватила за дверцу обеими руками и спрыгнула на землю.

– Кэтрин!

– Где... они... – Кэтрин спешила, пытаясь отдышаться. – Он...

Агата похолодела.

– Что случилось? – крикнула она.

– Феликс... знает... Выудил... из Майкла с Дунканом... – Кэтрин яростно замотала головой. – Нет времени объяснять. Они в машине?

Агата кивнула.

– Оба спят.

– А Макс?

– Ушел за помощью.

Кэтрин рывком отворила заднюю дверцу грузовика и склонила голову, глядя на спящего ребенка.

– Пожалуй, лучше его забрать. Вы тут как живые мишени...

Агата в ужасе уставилась на нее.

– Но...

– Поверьте, он абсолютно безжалостен. Если найдет вас, то заберет Джеймса силой. – Кэтрин сняла шаль. – Сейчас я его привяжу – так делают бедуинки.

– Надвигается буря...

– Успеем, – отмахнулась Кэтрин. – А малыш будет надежно защищен.

Она решительно нагнулась, вытащила Джеймса из его импровизированной кровати и прижала к груди. Он что-то пробормотал во сне и затих.

Как зачарованная, Агата наблюдала за происходящим. До этого дня Кэтрин никогда не брала малыша на руки, но сейчас будто спали невидимые путы. Она словно преобразилась: решимость во взгляде смягчалась чем-то новым, доселе невиданным.

Уверенными движениями Кэтрин перебросила один конец шали через плечо и обвязала ее вокруг талии.

– Присмотрите за Нэнси! – крикнула она, взбираясь в седло. – Заблокируйте двери!

* * *

Одной рукой Кэтрин держала поводья, другой прижимала к груди крошечный сверток. У нее имелось несомненное преимущество: эту часть пустыни она знала как свои пять пальцев. Конечно, погода не располагала к путешествию, однако при желании деревню можно найти и с закрытыми глазами. Неудивительно, что она успела обогнуть Феликса: наверняка тот запутался в бесчисленных колеях, пересекающих обширную территорию между экспедиционным домом и раскопками, и свернул не туда. Если повезет, то вообще заблудится, а надвигающаяся буря может оказаться фатальной.

И поделом! Пусть это станет божественным возмездием. Для него

ребенок – всего лишь разменная монета...

Кэтрин прижала спящего малыша, ощущая крошечный кулачок сквозь тонкую ткань блузки. Ее вдруг окатила волна нежности, яростного желания защитить; она сама поразилась силе этого чувства. Она была готова задушить Феликса голыми руками.

Ветер трепал волосы, швырял их в лицо. Шпильки давно выпали, шляпа слетела. Кэтрин мотнула головой, пытаясь разглядеть дорогу. Впереди различался деревянный частокол – бурые пятна на фоне свинцово-серого неба. Оставалось лишь пересечь вади – к счастью, еще мелкое, хотя после грозы быстро разольется.

Приблизившись к краю канавы, Кэтрин притормозила: на переправе следует соблюдать предельную осторожность, особенно с ценным грузом. Она так сосредоточилась на спуске, что не заметила засады.

– Стоять!

Резкий голос рассек воздух, словно хлыст. *Он!* Откуда?.. Вокруг ни души, сплошь коварные нагромождения песка и камня.

Кэтрин натянула поводья, собираясь развернуться.

– Я сказал – стоять!

Внезапно перед ней возник Феликс, словно хамелеон из песка.

– Отдай ребенка! – Он шагнул к ней, одновременно доставая что-то из кармана.

Пистолет.

– Уберите! – завизжала Кэтрин, перекрикивая ветер.

– Заткнись! Слезай!

Он был уже в нескольких метрах.

– Это не ваш ребенок!

Она крепко обхватила Джеймса обеими руками, не выпуская вожжи.

– А мне все равно! – процедил Феликс, выплевывая слова-градины. – Давай его сюда!

– Сперва придется пристрелить меня!

– Это как раз не проблема!

Он широко расставил ноги и нацелил пистолет ей в голову.

– Считаю до десяти. Раз... два... три...

Парализованная страхом, Кэтрин вцепилась в малыша. В воздухе крутились песчаные смерчи, напоминая армию призраков. Надвигалась гроза, небо побагровело, словно его со всей силы стукнули гигантским кулаком.

– Четыре... пять... шесть...

И тут откуда-то сверху раздался пронзительный крик, как будто ветер

призывал демонов ада. Все слилось воедино: мелькание рук, крыльев, желтые глаза... Грохот выстрела, фонтан песка – и ответный треск на противоположном берегу.

И лишь тогда смутные очертания обрели смысл. Широко распростертые крылья поднялись над телом, словно ангел отмщения восстал над павшим врагом... Сокол, белоснежный на фоне кровавых туч, повернул на восток, по направлению к деревне бедуинов, к своему хозяину, чьи одежды развевались на ветру, а из дула ружья поднимался легкий дымок.

Глава 30

Тело Феликса Нельсона, полузасыпанное бурей, нашли только через пять дней: как-то утром на него наткнулся пастух из деревни. Однако к тому времени гигантские муравьи сделали свое дело: прибывшей из Наджафа полиции уже не удалось установить причину смерти.

Кэтрин ни словом не обмолвилась о том, что произошло – ни Агате, ни Леонарду, ни даже Максу, который встретил ее у ворот деревни, трясущуюся от пережитых эмоций.

Разумеется, все пришли к логичному выводу: Феликс Нельсон заблудился в пустыне – без карты, компаса и провизии он был обречен.

Кэтрин знала, что шейх не станет признаваться в содеянном – зачем ему навлекать на себя проблемы? И его душевное спокойствие вряд ли нарушится из-за того, что он отнял жизнь человека, угрожавшего хатун, – по сути, ему за это и платят.

Что касается Нэнси, она была не в состоянии выслушивать новость о смерти мужа. К тому времени, когда бедуинам под предводительством Макса удалось вытащить «Королеву Мэри» из песка, она впала в полузабытье. Последние несколько дней она провела в шатре на козьих шкурах, а Кэтрин с Агатой сменяли друг друга у ее постели.

Из-за разразившейся бури не удалось послать за врачом. Лишь за день до обнаружения тела Феликса Макс съездил в Наджаф и привез доктора. Тот подтвердил их опасения.

– Родильная горячка? – Кэтрин встретилась взглядом с Агатой.

Врач дал пузырек морфия и велел сбивать температуру, затем поманил Кэтрин наружу. Во дворе он выразился коротко и ясно: до утра Нэнси не доживет.

Следующие несколько часов слились в непрерывное ожидание. Когда было сделано все возможное, Кэтрин достала из кармана костяной амулет и положила на деревянную табуретку возле кровати так, чтобы фигурка зайца оказалась внизу, а змеи – вверху.

Агата вошла в шатер со свежей миской воды.

– Думаете, поможет? – спросила она, с сомнением глядя на амулет.

– Больше ничего не приходит в голову. – Кэтрин взяла фигурку и принялась задумчиво крутить в пальцах. – Он должен защищать...

Агата кивнула.

– Я тоже молилась всю дорогу после ухода врача, но, боюсь, тщетно.

Когда брак распался, я не слишком прилежно ходила в церковь – вряд ли Господь ко мне прислушается.

– А я вообще не верю в Бога. По крайней мере, в версию Лена: в того, кто насылает голод, потоп и чуму, когда люди перестают подчиняться.

Агата осторожно убрала теплую тряпку и обмакнула в миску с водой.

– Каковы бы ни были ее грехи, она этого не заслужила.

Посреди ночи, когда тишину нарушало лишь далекое бляенье коз, Нэнси вдруг села на постели, сбросив одеяло.

– Где я?..

Задремавшая было Кэтрин вздрогнула и проснулась.

– Вы в безопасности, – заверила ее Агата. – Мы в деревне бедуинов. Вам нездоровилось, и мы решили пока не возвращаться домой.

– Где Джеймс?

– Спит. Совсем рядом, по соседству. За ним приглядывает одна бедуинка.

Кэтрин с Агатой обменялись взглядами: впервые за неделю Нэнси обрела ясность сознания.

– Пить хотите? – Кэтрин потянулась к чашке, но Нэнси отвела ее рукой.

– Обещайте, что позаботитесь о нем!

У Кэтрин защемило сердце.

– К-конечно... – Она бросила отчаянный взгляд на Агату. – Но вы же...

– Обещайте! – перебила ее Нэнси, опускаясь на подушку – видимо, усилия оказались для нее слишком утомительны.

– Попытайтесь отдохнуть.

Агата склонилась над ней, пристраивая на лоб свежую тряпку.

– Не отдавайте его Феликсу!

– Ни за что! – Кэтрин взяла Нэнси за руку. – Феликс его никогда не получит – это я вам твердо обещаю.

– И не говорите ничего настоящему отцу... – попросила Нэнси, тяжело дыша. – Теперь уже нет смысла...

Она умолкла, зажмурив глаза от боли.

– Ей нужен морфий. – Агата отвинтила крышку и зажала резиновый конец пипетки. – Приподнимите ее немного.

Кэтрин положила ладонь Нэнси под голову, поддерживая мокрый и скользкий от пота затылок.

– Не позволяйте Феликсу говорить, что Джеймс – его сын. Это неправда!

– Не волнуйтесь! – Кэтрин прижала ее к себе.

– Постарайтесь выпить. – Агата поднесла чашку к губам Нэнси.

Постепенно морфий подействовал, и боль отступила. Нэнси закрыла глаза, Кэтрин бережно опустила ее на подушку и прилегла рядом, не отпуская ее руки.

Какое-то время она боролась со сном, но, видимо, все-таки задремала, потому что шатер внезапно наполнился светом восходящего солнца. Почувствовав на лице тепло, Кэтрин тут же ощутила в руке что-то холодное и тяжелое...

Нэнси умерла.

Глава 31

На следующее утро Агата встречала восход на крыше главного дома. Небо над головой разливалось теплой смесью розового и голубого. Измотанная до того, что даже спать не хотелось, она всю ночь ворочалась с боку на бок, съедаемая чувством вины за смерть Нэнси. Если бы она не привезла ее в Ур! Если бы они остались в Багдаде, где есть больница! Если бы она убедила Нэнси вернуться в Англию!..

Джеймс спал в комнате Кэтрин, пребывая в блаженном неведении относительно разыгравшейся трагедии и своей загубленной судьбе. Вчера, когда он открыл глазки, в ушах Агаты еще звучали последние слова его матери.

Не позволяйте Феликсу говорить, что Джеймс – его сын.

Даже на смертном одре Нэнси была твердо уверена в этом. Агата мимолетно усомнилась в ее словах: не была ли то последняя отчаянная попытка помешать Феликсу забрать малыша? Но когда Джеймс взглянул на нее, сомнения рассеялись. Мутные и расфокусированные в первые дни жизни глазки приобрели кристальную ясность, словно крошечные бриллианты.

Да, ей уже приходилось видеть эти глаза – на лице загадочного пассажира «Восточного экспресса», человека, которого она приняла за Арчи.

Воспоминания вызвали новую волну слез.

– Агата...

Она не слышала, как подошел Макс и присел рядом, обняв ее за плечи.

– Какое горе... – прошептал он.

Агата уткнулась ему в рубашку и расплакалась. Захлебываясь рыданиями, она призналась, как невыносимо давит на нее чувство вины.

– Но вы же не могли предположить, что так выйдет, – резонно заметил Макс, глядя ее по волосам. – Вы знали, что она ждет ребенка?

Агата кивнула.

– Она сказала, что с-срок всего шесть месяцев...

– Вы не заставляли ее ехать с вами. Если бы не ваши умелые действия там, у реки, они с малышом не выжили бы.

Ответом было приглушенное всхлипывание.

– Давайте проветримся немного. Как насчет прокатиться на муле? – Макс погладил Агату по щеке, искательно глядя в глаза. – По воскресеньям

я хожу в маленькую церковь на станции – хороший предлог отдохнуть от этой банды. К тому же ранним утром очень приятно проехаться по пустыне!

Агата сморгнула слезы. Идея прокатиться ей понравилась, но вот служба...

– На мессу, если не хотите, идти необязательно, – заверил Макс. – На платформе есть ларек, можно выпить кофе и перекусить.

– А Джеймс? Он скоро проснется.

– Наверняка Кэтрин и остальные смогут за ним приглядеть пару часов. Не волнуйтесь, я оставлю на столе записку.

* * *

В воздухе резко пахло ромашками и купырем. Прошедший дождь вдохнул в пустыню новую жизнь: колеи превратились в ручейки, а когда вода сошла, тут и там из земли вылезли цветы.

Первое время ехали молча. Агата чувствовала, что Макс осторожно выжидает, пока она заговорит первой, но боялась снова расплакаться. Она держалась вслед за ним на расстоянии пары метров и вдруг заметила что-то у него на плече. Сперва показалось, что это лепестки шевелятся на ветру, но когда она подъехала ближе, то разглядела бабочку – очень необычную, цвета морской волны летним утром.

– Макс!

Он обернулся в седле, дожидаясь, пока она поравняется с ним. Протянув руку, Агата коснулась его рубашки.

– Что там?

– Бабочка.

Насекомое заползло ей на палец. Агата медленно убрала руку и показала Макс.

– Какая красивая! – Он погладил ее запястье. – Здесь редко можно увидеть бабочку; пожалуй, такого цвета я и не видел ни разу.

Тем временем бабочка подняла лапку и пригладила усики, затем распахнула крылья и ускользнула. Агата вдруг почувствовала неожиданный прилив энергии. Облечь это ощущение в слова было бы излишне сентиментально, и все же она подумала про себя: бабочка – вестник надежды.

– Помню, в день, когда умер Эзми, я тоже увидел бабочку, – произнес

Макс, словно читая ее мысли. – Утро выдалось чудесное, теплое и солнечное. Знаете, как бывает... Думаешь: как может продолжаться жизнь, когда его больше нет? Я вышел в сад и сидел там какое-то время – чувствовал вину за то, что жив. И тут прямо передо мной на цветок села бабочка.

Макс помедлил, устраиваясь в седле поудобнее.

– И я вспомнил рассказ, который читал ребенком: однажды лесные феи пришли к семейству гусениц и попросили у них шкурки, чтобы сшить себе пальто. Гусеницы пришли в ярость – они подумали, что феи хотят их убить! Те объяснили, что совсем не то имели в виду: придет время, и гусеницам не понадобятся шкурки, потому что у них будет куда более красивая одежда.

– И что они сказали – гусеницы, в смысле?

– Не поверили. Дали феям от ворот поворот.

Агата сглотнула, в глазах защипало.

– Я когда-то верила... В Бога то есть. Но теперь... – Она прерывисто вздохнула, не в силах выразить хаос, царящий в душе.

Макс дотянулся и пожал ей руку.

– Не так-то просто сохранять веру, когда весь мир перевернулся... Главное – продолжать верить в себя.

* * *

Кэтрин наблюдала за спящим Джеймсом: одна ручка поднята к уху, кулачок открывается и закрывается, как морской анемон. Иногда малыш замирал неподвижно, и тогда она пугалась: вдруг перестал дышать? Брала зеркало, подносила к роту и сама забывала дышать, пока гладкая поверхность не затуманивалась.

– Все нормально?

В дверях появился Леонард с чашкой чая и тарелкой тостов с маслом.

– Я подумал, ты захочешь позавтракать здесь. – Он поставил поднос на пол и присел рядом. – Хороший мальчик... Я ничего не слышал ночью, ни единого писка.

– Слава богу, он слишком мал, чтобы понимать...

Разбуженный их голосами, Джеймс открыл глазки. При виде незнакомого лица с кустистой бородой его ротик недоуменно сморщился. Кэтрин подхватила его на руки и погладила большим пальцем по щеке –

этой хитрости ее научила Агата.

– Здорово ты с ним управляешься!

В голосе Леонарда не было недовольства или намека на ревность, и это придало ей смелость. Всю ночь она ворочалась, не в силах уснуть, обдумывала со всех сторон...

– Давай его оставим?

Слова вылетели, как джинн из бутылки. Во рту внезапно пересохло. Кэтрин с тревогой наблюдала за выражением лица мужа. Только сейчас она поняла, как сильно этого хочет – как никогда в жизни.

– Оставить? Его? – Леонард смотрел на нее, как на объект, появившийся из песка: озадаченно и в то же время предельно внимательно, стараясь разобраться в сути. – Но ведь он не наш...

– Теперь он ничей. Мы с Агатой заменили ему родителей.

– Кто-то ведь должен остаться... тетя, дядя, бабушка?

– Нэнси была единственным ребенком, ее родители умерли.

– А отец?

– Мы понятия не имеем, кто он; известно только, что он женат и живет в Лондоне.

– Можно попытаться отыскать – дать объявление в «Таймс», например?

– У него уже есть ребенок, Лен, – маленькая девочка. Представь, что будет с его семьей, если скандал выйдет наружу?

– Но отец имеет право знать!

– Нэнси не хотела разрушать его семью – это были ее последние слова...

Леонард нерешительно поднял руку, боясь дотронуться до малыша. Когда пальцы коснулись темного пушка, на его лице отразился благоговейный трепет.

– Славный парень. Только я... – Он запнулся, встретившись с ней взглядом. – Я не знал, что ты этого хочешь...

– Я и сама не знала...

– Если честно, в глубине души я надеялся, что когда-нибудь у меня будет ребенок и я получу шанс стать лучшим родителем, чем мой отец. Когда ты рассказала о... Я принял и смирился с тем, что это невозможно.

– Теперь возможно, – прошептала Кэтрин. – Представь, какую чудесную жизнь мы с тобой могли бы ему подарить!

Леонард осторожно снял руку с головки малыша и дотронулся до ее щеки теплыми пальцами.

– Да, могли бы...

* * *

Солнце ласково пригревало. Агата сидела на шаткой деревянной скамье на дальнем конце платформы, потягивая турецкий кофе из жестяной кружки, и с улыбкой наблюдала за стараниями начальника станции запихнуть людей и животных в и без того забитый поезд. Шляпа сдвинулась набекрень, отовсюду торчали руки, ноги, углы чемоданов – прямо арабская версия Лорела и Харди!^[44]

Сквозь гофрированные стены маленькой церкви доносилась музыка. Макс уже вошел внутрь. Агата чуть было не пошла с ним, но побоялась сказать или сделать что-нибудь не так. Она даже не знала толком, разрешается ли не католикам посещать мессу. Макс уверил ее, что Господь не интересуется такими пустяками, и все же ей было неловко. В глубине души Агата понимала, что неловкость связана скорее с ее колебаниями в вере.

Макс оказался единственным европейцем, зашедшим в церковь: большую часть прихожан составляли индийские монашки да горстка местных. Когда музыка отыграла, откуда-то появились опоздавшие: группа молодых монахинь в белых облачениях, а за ними – стайка детишек в школьной форме западного образца: на мальчиках – серые шорты, белые рубашки и галстуки в полоску, на девочках – блузки и юбки. Черты лица у них были арабские, как у детей на улицах Багдада. Одна из монахинь несла на руках малыша чуть постарше Джеймса. Макс рассказывал, что к миссии в Уре прикреплен сиротский приют – наверное, дети оттуда.

Все уже давно скрылись за дверью церкви, однако мысли об увиденном не покидали. При взгляде на ребенка в объятиях женщины, которая не могла стать ему матерью, у Агаты заболело сердце. Что же теперь будет с Джеймсом? Мысль о том, чтобы послать его в приют – здесь или в Англии, – была невыносима, но какие у них есть альтернативы?

Они с Кэтрин обещали Нэнси, что позаботятся о ребенке. Кэтрин увлечена карьерой, по полгода проводит в пустыне; сама она – в разводе, да еще и с дочерью... Никто из них не подходит на роль матери.

Агата попыталась представить, как привезет малыша домой, как отреагирует Розалинда. А вдруг дочь будет ревновать, что все внимание достается ему, пока она в школе? А газеты? Она так и видела заголовки: «ТАИНСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК АГАТЫ КРИСТИ!» И без того нелегко было защитить Розалинду после скандала в Харрогейте. Как-то девочка выдержит намеки и пересуды в школе?

Ей представился Джеймс, лежащий в импровизированной кровати. От его крика по ночам разрывалось сердце – а она думает только о себе, о своем благополучии.

Агата закрыла глаза. В прежней жизни, до развода, она бы помолилась; сейчас же это выглядело лицемерно. И все же слова сами собой проникли в сознание:

Господи, прошу тебя, укажи мне, что делать...

– Извините, что так долго! Надеюсь, вы не заскучали? – прервал ее размышления Макс.

Агата покачала головой, удивляясь, как быстро пролетело время. Она спросила его, как прошла служба. Макс рассмешил ее рассказом о птице, которая залетела сквозь дыру в крыше и оставила «визитную карточку» на рясе священника.

На обратном пути Агата предоставила ему вести разговор – не хотелось думать о тягостном решении, чувствовать боль каждый раз, когда перед мысленным взором представало личико малыша.

Вернувшись, они застали Майкла ковыряющимся в недрах грузовика – сломался стартер. Макс вызвался ему помогать, а Агата прошла к дому.

Во дворе Кэтрин кормила Джеймса. Ребенок наконец-то освоил технику сосания тряпки, скрученной жгутом.

– Ну как он? – Агата неловко уселась – от долгой езды затекли ноги.

– Молодцом... – Кэтрин тихонько вздохнула.

– Как же мы ему объясним?..

– Не знаю. – Кэтрин попыталась вытащить тряпку из ротика, но Джеймс вцепился в нее крошечным кулачком. – Может, вообще не придется ничего объяснять – если его усыновят.

– У вас есть кто-нибудь на примете? – нахмурилась Агата. – Здесь или в Англии?

– Есть. – Кэтрин обмакнула тряпку в молоко, улыбаясь той самой загадочной улыбкой Моны Лизы. – Я. И Лен. Мы все обсудили, он согласен.

– Вы?!

– А что вас удивляет? – Кэтрин выдала нервный смешок. – Мы ведь не можем иметь детей, так что для нас это идеальное решение.

– Но... я думала...

– Что дети меня не интересуют? Вот и Лен так сказал. Ну да, так и было. Я искренне считала, что все это не важно. Я знала, чего хочу: жить как мужчина, выполнять мужскую работу... До тех пор, пока не появился Джеймс.

– Как же вы справитесь – раскопки и все остальное?

– Лен попросит Хамуди раздобыть нам бедуинку из деревни, чтобы присматривала за ребенком, пока мы не вернемся в Англию. Мы рассчитываем еще на пару сезонов – максимум три; к тому времени как Джеймс пойдет в школу, мы уже осядем в Лондоне.

Агата кивнула, хотя внутри все сжалось. Казалось бы, она должна радоваться, однако в душе неприятно ворохнулась зависть.

– А если кто-нибудь из консульства начнет задавать вопросы? Например, Хью Кэррингтон вернется: он ведь знает о Джеймсе.

– Будем решать проблемы по мере их поступления. – Теперь в голосе Кэтрин звучали знакомые уверенные нотки. – Вряд ли в этом сезоне у нас будут посетители. А если кто-нибудь спросит, скажу, что Джеймс – наш.

Глава 32

Два дня спустя Агата с Максом сели в поезд на станции Ур. Их провожало семейство Вулли в полном составе. Пока Леонард передавал Максy золотую посмертную маску, Агата склонилась над Джеймсом, целуя его в последний раз. Малыш открыл глазки, и в горле у нее застрял комок.

– Приходите к нам в гости, когда мы вернемся в Лондон. – Кэтрин прижала ребенка к плечу, тихонько укачивая. – Будем рады вас видеть.

Агата покосилась на Леонарда, который разговаривал с Максом через окно.

– Надо было дать вам что-нибудь – на нужды экспедиции... Может, я перешлю деньги из Лондона?

– Вовсе не обязательно, – улыбнулась Кэтрин. – Вы подарили нам обоим нечто куда более ценное.

Раздался пронзительный свист. Джеймс испуганно запищал.

– Вам пора! – Кэтрин торопливо поцеловала ее в щеку.

Едва Агата успела сесть, как поезд тронулся. Кэтрин с Леонардом махали им вслед, Джеймс перестал плакать.

– Как настоящая семья, правда? – заметил Макс.

Агата кивнула, не в силах говорить.

– Не переживайте... – Он взял ее за руку. – Все будет хорошо.

* * *

В Багдад прибыли рано утром. По плану предстояло тем же вечером ехать в Дамаск. У Агаты оставалось несколько часов, чтобы упаковать вещи в доме у реки.

К счастью, Макс вызвался помочь со сбором вещей Нэнси – сама бы она не справилась. В тумбочке у кровати Агата нашла фотографию, завернутую в шелковый шарф с павлиньим узором: групповой снимок на отдыхе. В одной из женщин она узнала Нэнси. Изображение расплылось перед глазами...

– Что это? – спросил Макс, отложив охапку одежды.

Агата протянула ему фотографию. На обороте чернилами значилось: «Венеция, Лидо – апрель 1928 года».

– Медовый месяц Нэнси... – Агата порылась в кармане в поисках

платка.

Какое-то время Макс изучал фотографию, затем указал на мускулистого мужчину, который держал Нэнси за руку, а другой обнимал улыбающуюся женщину в кимоно.

– Это, должно быть, Феликс Нельсон. Думаете, та, что справа от него...

– Возможно.

– А остальные кто?

Агата вгляделась. Ее внимание привлек мужчина, стоявший с краю в узорчатом халате и парусиновых туфлях с пряжками. Он смотрел не на камеру, а куда-то назад, поверх голов – кажется, на Нэнси. Высокие рельефные скулы, блестящие глаза... Это был он – человек с «Восточного экспресса».

– Что такое? – Рука Макса опустилась ей на плечо. – Вы дрожите.

– Я... просто...

Признаться ему? И что тогда? А вдруг он решит, что совесть обязывает найти любовника Нэнси и все рассказать? Она ведь обещала Нэнси – нельзя нарушать обещание...

– Н-надо отослать фотографию Кэтрин, – произнесла Агата прерывающимся голосом. – Когда Джеймс начнет задавать вопросы о своей матери, она ему покажет.

– Думаете, Кэтрин захочет рассказать правду? – нахмурился Макс. – У меня сложилось впечатление, что они с Леонардом намерены выдать его за своего.

Агата завернула снимок в шелковый шарф.

– Что ж, это их дело. По крайней мере, так у них будет выбор.

Макс кивнул.

– У вас есть конверт? Пойду отправлю, а вы пока заканчивайте с укладкой.

* * *

Четыре дня спустя, двадцать первого декабря, «Восточный экспресс» скользил вдоль заснеженных лугов в Швейцарских Альпах. Рассвет занялся поздно: Агата с Максом уже завтракали, когда темное небо загорелось на востоке обещанием солнца.

– Наше последнее утро, – заметил Макс, поднимая чашку с кофе и

шутливо чокаясь с ней. – Я знаю, неделя выдалась непростая, но все-таки надеюсь, что вы хорошо провели время.

– Да, конечно... – Агата улыбнулась одними губами. – В Стамбуле было очень интересно, да и Венецию еще раз повидали...

Она склонилась над тарелкой и принялась старательно намазывать масло на кусок тоста, чтобы скрыть свои чувства. В душе царил сумбур. Лондон, осколки прежней жизни... Она ужасно соскучилась по Розалинде – и в то же время отчаянно боялась завершения праздников, когда дочь вернется в школу, а Макс – в Месопотамию. Да, они провели вместе несколько чудесных дней, но о будущем разговоров не заводили. Увидятся ли они вновь? К тому же Агате страшно не хватало Джеймса. Как-то там справляется Кэтрин? А вдруг она устала от бессонных ночей, бесконечных кормлений, подмываний, переодеваний? Вдруг новизна материнства уже приелась?

– У вас такой серьезный вид... – Макс накрыл ее руку ладонью.

– Беспokoюсь за Джеймса. – Хотя бы в этом она могла ему признаться.

– Вы с ним отлично справлялись. Представляю, как вам было тяжело прощаться...

– Я подумывала о том, чтобы его забрать. В тот день, пока вы были в церкви, я прикидывала и так и этак. – Агата глянула в окно, любуясь белоснежной вершиной, которую позолотило солнце. – Конечно, ничего бы не вышло – вряд ли разведенным женщинам позволяют брать приемных детей.

– Я тоже об этом думал.

– Правда?

– Если бы мы были женаты...

Макс все еще держал ее за руку. Агата подняла голову, ошеломленная, и увидела, что молодой человек краснеет.

– А потом я подумал: если бы мы были женаты, то... – Он уставился на скатерть. – ...могли бы завести своего.

– Вы что, делаете мне предложение?!

– Да. – Макс поднял голову, криво улыбнувшись. – Простите, что так поспешно... Надо бы встать на колени, только боюсь, официант споткнется.

Он сделал глубокий вдох.

– Агата, выходите за меня замуж!

Эпилог

Август 1963 года

Из сада камелий в дом ведет узкая извилистая тропинка. Мой юный гость предлагает мне руку. Я прекрасно могу ходить сама – палка нужна лишь для того, чтобы подняться со скамейки, – но принимаю помощь. Меня вдруг охватывает сильное желание прижать его к себе: этого малыша я впервые взяла на руки в пустыне, его выкармливала козьим молоком через тряпочку, его мечтала усыновить; и если бы обстоятельства сложились иначе... Как он вырос, каким красавцем стал: темная грива волос, ясные голубые глаза...

Жаль, что Макса нет рядом – он в Лондоне, читает лекцию в Британском музее. Сейчас, возможно, потчует аудиторию забавным анекдотом из нашей жизни в Ираке и Сирии.

Ах, какие нам выпали приключения! Макс возглавлял собственную экспедицию, а я была рядом в роли хатун. Научилась фотографировать находки и проявлять снимки, а в свободное время печатала на машинке в кабинете из саманного кирпича, который построил для меня Макс. На двери висела табличка, написанная на арабском: «Бейт Агата» – «домик Агаты». Никогда идеи не приходили ко мне так быстро и так легко, как в той крошечной хижине посреди пустыни.

С годами мы потеряли связь с Вулли. Пока Макс копал на Ближнем Востоке, работа Леонарда привела его в Америку. Последний раз мы все виделись в Лондоне осенью 1930 года, Джеймсу тогда было два годика. Разумеется, он меня не вспомнил и заплакал, когда Кэтрин попыталась посадить его ко мне на колени. В другой раз я бы расстроилась, однако меня заполняло безмерное счастье: я ждала ребенка от Макса. Целый волшебный месяц мы планировали будущее в роли родителей!

На следующий день после той встречи мы выехали в Сирию, остановившись по дороге на Родосе. Помню, я зашла в маленькую беленую церковь и попросила Господа послать мне сына.

Увы – мне было уже сорок. Беременность продлилась всего три месяца.

Это был мой последний шанс. И словно чтобы подчеркнуть наше горе, новая жена Арчи в тот же год родила сына.

Макс стоически перенес утрату, но я-то знала, как сильно он хотел ребенка. После этого о визите к Вулли думать не хотелось; по возвращении с раскопок я с облегчением узнала о том, что они переехали в Америку.

Трудно поверить, как давно это было. Джеймсу сейчас... Я мысленно прикинула: тридцать пять.

Мы идем к дому. Я случайно наступаю на камень, и нога подворачивается. Он подхватывает меня под руку.

Да, я мечтала о сыне.

После сорока мечта превратилась в навязчивую идею. Однако время утекало, и в конце концов пришлось принять горькую правду: какого бы успеха я ни добилась в других областях, здесь я обречена на провал.

А потом вдруг случилось чудо. Розалинда – ей было всего двадцать – в безумном круговороте войны вышла замуж за военного. Осенью 1942 года у них родился сын Мэтью, и когда я взяла его на руки, боль отпустила.

Сейчас Мэтью уже совсем взрослый. Интересно, что бы он подумал, если бы увидел, как незнакомец держит его бабулю под руку...

Мы огибаем кусты магнолии, окаймляющие лужайку, и перед нами предстает величественный дом; предзакатное солнце бросает на белые колонны оранжевый отсвет.

– Какое красивое здание! – Джеймс останавливается, чтобы рассмотреть получше. – А от реки толком не видно.

– Мы купили его в 1938-м, – отвечаю я. – Во время войны здесь квартировали американские войска. Даже оставили кое-какие художества.

Я веду гостя в библиотеку и звоню, чтобы подали чай, затем показываю Джеймсу настенную живопись: серию иллюстраций, повествующих о приключениях американской флотилии по всему свету.

– Наследие лейтенанта из Нью-Йорка, тоскующего по дому. У меня рука не поднялась закрасить все это: пусть будет что-то вроде современной археологии.

Джеймс обходит комнату по кругу, разглядывая рисунки. Останавливается, тербит мочку уха – этот жест выдает его нервозность. Когда же я перейду к делу? И вправду ли у меня есть недостающие звенья, которые ему так нужны?

– К сожалению, я утратила связь с вашими родителями, – начинаю я. – Мы были слишком заняты каждый своей жизнью в разных частях света. Я им очень благодарна: если бы не они, я бы никогда не встретила Макса, своего мужа.

– Мама часто вас вспоминала. У нее хранились все ваши книги.

– Да, новость о ее смерти меня буквально сразила. Мы были очень

близки. Вам, наверное, особенно тяжело пришлось – потерять ее в столь молодом возрасте.

– Да... Я тогда учился здесь, а они жили в Америке. Мама давно болела, доктора никак не могли поставить диагноз. Ужасно было видеть, как она угасает...

Он подходит к креслу и опирается на спинку, словно ища поддержки.

– Отец рассказывал, что у нее было предчувствие. Однажды она усадила его рядом и сказала: «Лен, сегодня ночью я умру; обещаю, что будешь продолжать жить как обычно». На следующее утро ее не стало.

Да, это похоже на Кэтрин, которую я знала.

– Отец никогда не умел выражать свои чувства. После ее смерти он ничего не рассказывал об их совместной жизни. Я и понятия не имел, что они от меня скрывают какую-то тайну. Когда продавали дом, я перебирал на чердаке коробки и нашел вот эти фотографии и письмо.

Взгляд Джеймса возвращается к настенным рисункам. Я слышу его дыхание, тихий, еле заметный вздох.

– Мама написала сестре в марте 1929 года. Судя по всему, родители собирались к ней в гости после окончания сезона. В письме упоминалось, что они усыновили мальчика.

Тишина в комнате становится осязаемой. Я ощущаю свой пульс и тошнотворное чувство вины. Как он отреагирует, если я признаюсь? Станет ли обвинять в том, что я не сумела спасти его мать? И потом, я ведь обещала Нэнси сохранить тайну...

– В письме не сообщалось, кто мои настоящие родители; мама писала лишь, что я европеец, а не араб и что меня назвали в честь маминого отца. В конверте лежали фотографии.

Он достает их из сумки и выкладывает передо мной на столик, внимательно изучая мое лицо.

– Вы ведь были там, в Уре, когда я родился. Она вам что-нибудь рассказывала?

Снова звенит в ушах – давление растет. И все же я отчетливо слышу голос Эркюля Пуаро. «*Верьте в поезд, потому что управляет им le bon Dieu*»^[45].

Верьте в поезд.

Мои собственные слова, написанные много лет назад, когда казалось, что жизнь кончена. Поезд, как и жизнь, должен идти дальше. Вид из окна порой бывает неприятен, но если задернуть занавески, то рискуешь пропустить и красоту....

Мой палец дрожит, зависая над лицом Нэнси.

– Вот ваша мать.

– О... – Его глаза наполняются слезами. – Какая... красивая. Как ее зовут?

– Нэнси. Она так вас ждала, но...

Мой голос прерывается. К тому времени, как Джин, моя экономка, приносит чай, мы оба уже не сдерживаем слез.

Я разливаю чай. Джеймс слушает, машинально потягивая из своей чашки.

– Это она снимала. – Я беру фотографию, где мы с Кэтрин в полотенцах. – Вы родились прямо под этим деревом буквально через час.

Он в некотором изумлении смотрит на снимок, пока я рассказываю, как все происходило.

– А отец? – Джеймс берет другую фотографию – ту, что снята в Венеции. – Этот?

Он указывает на мужчину, стоящего рядом с Нэнси.

– Нет, это муж Нэнси, Феликс Нельсон. Он не был вашим отцом – в этом она не сомневалась.

– Так кто же тогда?

Я медлю с ответом – ведь я обещала!

– Ваша мать не назвала его имени. Сказала лишь, что он – актер и живет в Лондоне. Они познакомились в Венеции.

Джеймс водит пальцем по фотографии, пытаюсь угадать, кто из полудюжины мужчин – тот самый.

Пусть использует маленькие серые клеточки.

У Эркюля, как всегда, решение готово: *дай ему ключи к разгадке, пусть сам додумывается – так и обещание не нарушишь.*

Я оставляю Джеймса мерить шагами комнату и поднимаюсь на второй этаж. Фотографию не приходится долго искать: она в ящике рядом с пачкой любовных писем, которые Арчи посылал мне еще до свадьбы – не поднимается рука уничтожить.

Я достаю снимок блестящего юного пилота, и в груди ощущается ледяной холод. Ровно то же самое я чувствовала в кинотеатре больше двадцати лет назад. Идет Вторая мировая, Макс в Египте, а я в одиночестве смотрю экранизацию одного из романов Дафны Дю Морье^[46]. И вдруг у меня перехватывает дыхание при виде актера второго плана – он поразительно похож на Арчи!

По окончании фильма я с нетерпением жду титров: наконец-то разрешится загадка отражения на стекле «Восточного экспресса»! Жаль, что у меня нет фотографии, найденной в ящике Нэнси, – я ведь отослала ее

Кэтрин.

Я отношу снимок Арчи вниз и рассказываю Джеймсу о человеке, которому его мать украдкой махала в поезде.

– Конечно, я могу ошибаться, – говорю я, заметив, как в его глазах загорается надежда. – Трудно судить по отражению. Он как две капли воды похож на моего первого мужа – вот почему я запомнила.

Джеймс медленно кивает и прикладывает фотографию Арчи к групповому снимку.

– Это он, точно он! – Джеймс тычет пальцем в узорчатый халат. – Он ведь актер, да? Кажется, я его где-то видел! Вы знаете, как его зовут?

Я подхожу к книжному шкафу, достаю одну из книг Дю Морье – издание под премьеру фильма – и протягиваю Джеймсу. На обложке – знакомое лицо. Тот взволнованно охает и переворачивает книгу: в описании есть то, что он так хотел узнать.

– Он еще жив?

Я смотрю на него и вижу Розалинду: те же темные волосы, ясные голубые глаза. Он мог бы быть ее младшим братом. При мысли об этом я съеживаюсь внутри, ведь у Розалинды уже есть младший брат – сын Арчи от второго брака. До прошлого года они были незнакомы и впервые встретились на похоронах Арчи.

Это моя вина. Я не запрещала ей видеться с новой семьей отца, но и не скрывала своих чувств по этому поводу, так что они с Арчи встречались вдвоем, без жены и сына. К тому времени, как Розалинда познакомилась со сводным братом, ему уже исполнилось тридцать два.

Знаю, как трудно ей было простить меня за потерянные годы. Тяжело расти единственным ребенком в семье, когда у нее мог быть брат. А Джеймсу еще хуже – у него теперь никого не осталось. Но у него может быть отец. И сестра.

– Да, – шепчу я, – он жив.

– Он знает обо мне?

Я качаю головой.

– Пока нет.

Я раздумываю, а Эркюль нашептывает мне: *«Поезд должен идти. Верьте в поезд...»*

Послесловие

На протяжении всего романа я смешивала выдумку с историческими фактами. Мне хотелось пролить свет на критический период жизни Агаты Кристи; для этого я вплетала вымышленных персонажей в реальный ход событий. Если вам интересно узнать, где правда, а где вымысел, рекомендую прочесть автобиографию Кристи, а также замечательную биографию авторства Лоры Томпсон под названием «Агата Кристи: английская тайна» (издательство «Хэдлайн», 2007 год).

Для тех же, кто предпочитает непосредственное объяснение, привожу ключевые моменты:

Агата Кристи действительно села в «Восточный экспресс» осенью 1928 года. Развод с Арчи состоялся в октябре; через пару недель он женился на своей невесте, Нэнси Нил.

В 1926 году, когда Арчи впервые признался в связи с Нэнси, Агата пережила нервный срыв, в результате которого на десять дней «исчезла» в отеле на севере Англии, где зарегистрировалась под фамилией Нил, пока ее не опознали двое работников гостиницы и не сообщили в полицию. Позднее она заявила, что происшедшее было результатом амнезии из-за переутомления от работы.

Кэтрин Вулли – реальное историческое лицо. Считается, что она явилась прототипом персонажа Луизы Лейднер в романе Кристи «Убийство в Месопотамии». Ее первый муж действительно покончил с собой через полгода после свадьбы, однако описанный мною диагноз – чисто спекулятивное предположение. В своих мемуарах Маллоуэн пишет: «...она не была предназначена для физической стороны брака».

Агата Кристи познакомилась с Кэтрин Вулли на раскопках в Уре в 1928 году, и они подружились. В тот момент Макса на раскопках не было – они с Кристи встретились только на следующий год. В 1930 году поженились и многие годы провели на Ближнем Востоке: Макс руководил раскопками в Ираке и Сирии. Этот период отражен в мемуарах Кристи «Расскажи мне, как живешь» (1946).

Нэнси Нельсон – вымышленный персонаж; ее внешний вид основан на описании Нэнси Нил, любовницы Арчи.

Благодарности

В дополнение к материалам, упомянутым в послесловии, в процессе работы я также использовала некоторые романы Кристи: «Убийство в Месопотамии», «Багдадская встреча», «Тайна “Голубого поезда”» и, разумеется, «Убийство в “Восточном экспрессе”», послужившие замечательными источниками для создания персонажей и мест действия.

Не менее важную роль в моих исследованиях сыграли книги, написанные под псевдонимом Мэри Уэстмакотт: они дают некоторое представление о личной жизни Кристи, поскольку написаны после разрыва с Арчи. Особенно часто я обращалась к «Неоконченному портрету» – полуавтобиографическому роману о женщине, которая намеревается покончить с собой после неудачного развода.

Я хочу поблагодарить своего друга и наставника Дженет Томас за поддержку в процессе работы. Кроме того, выражаю благодарность Джоди Уоршоу и сотрудникам издательства «Лейк Юнион», а также моему редактору Кристине Анри де Тессан.

Отдельное спасибо моему мужу Стиву Лоуренсу за любовь и неугасающий энтузиазм. В октябре 2015 года нам повезло сочетаться браком в прекрасном доме Агаты Кристи в Гринвее на берегах реки Дарт в Девоне. Если бы существовал святой покровитель вторых браков, то лучше кандидатуры, чем она, не найти.

notes

Примечания

1

Это убийство расследует мисс Марпл в романе «Карибская тайна» (1964).

2

Бутерброд с яйцом, сваренным без скорлупы.

3

Рис с кусочками вареной или копченой рыбы.

4

В то время было принято проглаживать свежие газеты утюгом, чтобы типографская краска не приставала к пальцам.

5

Французское имя – *Сара Элиевна Штерн* (1885–1979) – знаменитой художницы-авангардистки, работавшей также как модельер.

6

Богатая и влиятельная женщина («царица» – условный термин), жившая в одном из древнейших городов шумерской цивилизации, Уре, прибл. в 2600-е гг. до н. э.

7

Госпожа – почтительное обращение к европейской женщине в колониальной Индии.

8

Ассорти из мелкого печенья или пирожных.

9

Венецианский водный трамвай.

10

Площадь Сан-Марко (*ит.*).

11

К сожалению, сидячих мест нет (*ит.*).

12

Английская пинта – чуть больше полулитра.

13

Горький шоколад (*ит.*).

14

Соус из уваренного молока с ароматическими добавками, более жидкий аналог отечественного сгущенного молока (буквально – «десерт из молока» (*исп.*)).

Венецианский десерт (буквально – «сливки дождей» (*ut.*), правителей Венеции в VII–XVIII вв.).

16

Сицилийское десертное вино.

17

Главные ингредиенты – яблоки, сельдерей, орехи.

То есть признана ведущим британским журналом о светской жизни лучшей среди девушек, только что вышедших в большой свет.

19

Не понимаю (*ит.*).

20

Вы говорите по-французски? (фр.)

21

Немного (*фр.*).

Горная система в Болгарии и Греции.

Рак лимфатической системы.

24

Водка со сливками и кофейным ликером.

Кельтские племена, селившиеся на территории совр. Турции.

26

Пряные тефтели из бобовой пасты, жаренные во фритюре.

Пшеничная крупа с овощами и зеленью.

Баклажанная паста (икра) с различными добавками.

Игра с мячом, в которой двое перекидывают мяч друг другу так, чтобы его не смог поймать третий, стоящий между ними.

Дуглас Элтон Томас Ульман Фэрбенкс-старший (1883–1939) – американская звезда немого кино, известный в том числе ролью Зорро, центральноамериканского «народного мстителя».

Знаменитый лондонский универмаг.

Фрагмент оратории Г.Ф. Генделя «Соломон» (1748).

Подгруппа курдской народности, исповедующая религию, произошедшую от древнеперсидских зороастрийских верований и сочетающую в себе, помимо элементов этих верований, элементы иудаизма, христианства и ислама.

34

Моя дорогая (фр.).

Симпатии (фр.).

Одежда бедуинов, просторная накидка с прорезями для рук.

37

Сухое русло, заполняющееся в период сильных осадков.

Головной платок.

Наносной, намывной.

40

Подождите здесь, я сейчас принесу (*фр.*).

41

Обольстительница (*фр.*); буквально – поджигательница.

42

Ну ты закончил? (*фр.*)

Госпожа (*перс., тур.*); исторически конкретно – ханша.

Знаменитый англо-американский комедийный дуэт.

Le bon Dieu – Бог (фр.). Цитата из романа «Тайна Голубого поезда» (пер. А. С. Петухова).

Дафна Дю Морье (1907–1989) – британская писательница, известная прежде всего как один из создателей жанра психологического триллера.

Table of Contents

[Линдси Эшфорд Женщина в «Восточном экспрессе»](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Эпилог](#)

[Послесловие](#)
[Благодарности](#)
[Примечания](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)

[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)